

ЭКО

ВСЕРОССИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ № 7 2015 г.

БАЙКАЛЬСКИЙ РЕГИОН И ДАЛЬНИЙ ВОСТОК:
СТИМУЛЫ И АНТИСТИМУЛЫ ДЛЯ РАЗВИТИЯ

Главный редактор **КРЮКОВ В.А.**, член-корреспондент РАН,
заместитель директора Института экономики
и организации промышленного производства СО РАН

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

АГАНБЕГЯН А.Г., Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ, академик РАН
БОЛДЫРЕВА Т.Р., зам. главного редактора
БУХАРОВА Е.Б., директор Института экономики, управления и природопользования
Сибирского федерального университета, к.э.н.
ВОРОНОВ Ю.П., вице-президент Новосибирской торгово-промышленной палаты, к.э.н.
ГЛАЗЫРИНА И.П., зав. лабораторией эколого-экономических исследований Института
природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН, д.э.н.
ГРИГОРЬЕВ Л.М., профессор, зав. кафедрой НИУ «Высшая школа экономики», к.э.н.
ЗОРКАЛЬЦЕВ В.И., Сибирский энергетический институт СО РАН
им. Л.А. Мелентьева, д.т.н.
КОЛМОГОРОВ В.В., к.э.н.
КУЛЕШОВ В.В., координатор, директор Института экономики и организации
промышленного производства СО РАН, академик РАН
МИРОНОСЕЦКИЙ С.Н., член совета директоров ООО «Сибирская генерирующая компания»
НИКОНОВ В.А., генеральный директор ОАО «Агентство инвестиционного развития
Новосибирской области»
ПСАРЕВ В.И., зав. кафедрой Алтайского госуниверситета, зам. председателя Исполни-
тельного комитета Межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение», к.э.н., д.т.н.
СУСЛОВ Н.И., зав. отделом Института экономики и организации промышленного произ-
водства СО РАН, д.э.н.
УСС А.В., председатель Законодательного собрания Красноярского края, д.ю.н.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

БАРАНОВ А.О., Новосибирский госуниверситет, д.э.н.; КАЗАКОВА Н.А., директор
по региональному развитию ООО «Лоялти Партнерс Восток»; КЛИСТОРИН В.И.,
Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, д.э.н.;
ЛАПАЧЕВ В.В., ЗАО «НОВИЦ», д.х.н.; МЕЛЬНИКОВА Л.В., Институт экономики
и организации промышленного производства СО РАН, к.э.н.; МУСИЕНКО И.В.,
директор консультационной фирмы «СтратЭкон Консалтинг», к.э.н.; НОВИКОВ А.В.,
и.о. ректора Новосибирского государственного университета экономики и управле-
ния, д.э.н.; САМСОНОВ Н.Ю., Институт экономики и организации промышленного
производства СО РАН, к.э.н.; ФОМИН Д.А., Новосибирский государственный
технический университет, к.э.н.

УЧРЕДИТЕЛИ:

УЧРЕЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ РАН,
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ И ОРГАНИЗАЦИИ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РАН,
РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «ЭКО»

В НОМЕРЕ

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

- 2 Экономика пространства не приемлет пространную экономику

Тема номера:

БАЙКАЛЬСКИЙ РЕГИОН И ДАЛЬНИЙ ВОСТОК: СТИМУЛЫ И АНТИСТИМУЛЫ ДЛЯ РАЗВИТИЯ

- 5 ЛОМАКИНА Н.В.
Ключевые механизмы новой модели развития Дальнего Востока и их влияние на роль минерального сектора в экономике региона
- 16 АНТОНОВА Н.Е.
Нужна ли господдержка лесному комплексу Дальнего Востока?
- 35 БАРДАЛЬ А.Б.
Транспортная инфраструктура Дальнего Востока: изменение условий для предприятий
- 52 ГЛАЗЫРИНА И.П., СИМОНОВ Е.А.
«Экологическая цивилизация» Китая: новые вызовы или новые перспективы для России?

НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ

- 73 ЭЗРОХ Ю.С., КАРАНОВА С.О.
Управление отечественной наукой в зеркале зарубежного опыта

- 93 ДОНЕЦКАЯ С.С.
Исследование уровня коррупции в российских университетах
- 103 ЛЫЧАГИН М.В., ЛЫЧАГИН А.М.
Углеродородное топливо: новые направления экономических исследований в 2006-2013 гг.

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

- 112 СОЛОВЬЁВ А.К.
Актuarное обоснование условий повышения пенсионного возраста в Российской Федерации
- 127 КАЛУГИНА З.И., ФАДЕЕВА О.П., БРАТЮЩЕНКО С.В.
Социально-демографический потенциал развития сельских территорий России
- 136 НИЗОВА Л.М., ЮРТИКОВА Н.В.
Традиционные и нетрадиционные формы регулирования занятости населения

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

- 147 ЗОРКАЛЬЦЕВ В.И., ХАЖЕЕВ И.И.
Как климат влияет на экономику?
- 163 ШМАТ В.В.
Ресурсы в «западне» глобализации

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД КНИГОЙ

- 179 КЛИСТОРИН В.И.
Назад, в будущее?

189 SUMMARY

Экономика пространства не приемлет пространную¹ экономику

Экономика пространства всегда играла и будет играть в определении и реализации направлений экономического развития России едва ли не основную роль. Это обстоятельство «испокон веку» признавалось властью страны и деловыми людьми, анализировалось и изучалось научным сообществом. Наука и практика прошли длительный путь в осознании роли и места экономики пространства в экономическом развитии – от понимания значимости естественных факторов (природных ресурсов, климата), географических условий (места на карте), производственных связей к пониманию роли экономических и социальных факторов в развитии хозяйства отдельных территорий и целых стран. В России в рамках первого направления известны труды А. П. Щапова², Н. Н. Баранского, С. Г. Струмилина, Н. Н. Колосовского³, М. А. Бандмана⁴ и многих других.

Второе направление, получившее название новой пространственной экономики, в России начало активно развиваться в конце XX в. Значительный вклад в его становление и развитие в нашей стране внес А. Г. Гранберг⁵, в мире – такие исследователи, как И. фон Тюнен (середина XIX в.) и наш современник П. Кругман⁶.

Отмеченные этапы понимания экономики пространства отнюдь не противоречат друг другу – одно является продолжением другого

¹ Значение слова «пространный» – о речи, письме – слишком длинный, подробный, многословный (противоречивый, неконкретный, путанный – прим. В.А. К.) – см. URL://<https://ru.wiktionary.org/wiki/%D0%BF%D1%80%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B9>

² Щапов А. П. Естествознание и народная экономия // Соч. А. П. Щапова. Т. 2. – С. – Петербург: Изд. М. В. Пирожкова, 1906. – С. 154–172.

³ Естественноисторическое районирование СССР // Труды комиссии по естественноисторическому районированию СССР. Т. 1. Гл. ред. С. Г. Струмилин. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1947.

⁴ Колосовский Н. Н. Основы экономического районирования. – М.: Госполитиздат, 1958.

Бандман М. К. Территориально-производственные комплексы: теория и практика предплановых исследований. – Новосибирск: Наука, 1980.

⁵ Гранберг А. Г. Региональная экономика как наука. Теории и методы региональной экономики. – М.: ГУ-ВШЭ, 2003.

⁶ Кругман П., Фуджита М., Венаблс Э. Пространственная экономика: города, регионы и международная торговля // The Spatial Economy: Cities, Regions and International Trade. – 1999.

и в полной мере отражает логику развития экономики – все возрастающее влияние на экономическое развитие условий реализации проектов и той экономической среды, в рамках которой они осуществляются. Отличительная особенность современного этапа развития и исследований и обоснования решений в рамках пространственной экономики состоит в широком применении моделей и методов количественной оценки особенностей функционирования отдельных отраслей экономики, динамики структуры и объемов межрегионального обмена (торговли), процессов образования экономических агломераций и других связанных с этим вопросов.

Основные выводы современной пространственной экономики заключаются в том, что сами по себе естественные факторы (природные условия, полезные ископаемые, лесосырьевые, минеральные ресурсы, территория) являются необходимыми, но, увы, недостаточными условиями для процветания и роста.

К сожалению, наблюдаемая практика и реализуемые подходы к решению проблем развития экономики и социальной сферы востока страны демонстрируют явное забвение данных результатов и тех знаний, которыми располагают как отечественная наука и практика, так и зарубежные коллеги и успешные страны и территории.

В определенном смысле опыт решения проблем социального экономического развития востока России можно охарактеризовать как ... пространную экономику (см. смысл данного слова). Отличие пространной экономики от пространственной состоит в практически полном забвении логики и стройности анализа, рассмотрения и реализации различных направлений развития, в частой сменяемости приоритетов, отсутствии сколь-нибудь глубокого экономического анализа процессов и явлений, в следовании краткосрочным и частным приоритетам и предпочтениям. Не менее удручающа и другая особенность пространной экономики – отсутствие связей между уровнями обоснования и принятия решений, приоритет абстрактных обобщенных показателей и характеристик.

Ярким примером тому может служить практика выработки и попыток реализации направлений развития экономики и социальной сферы Дальнего Востока и Забайкалья России в XXI в. Пространный характер экономики данной территории отчетливо виден на фоне той экономической политики, которую весьма успешно проводит Китай. Последний, как это показано в статье И. П. Глазыриной и Е. А. Симонова, постепенно и поступательно выходит за рамки и границы Поднебесной и во все большей степени начинает влиять на формирование экономического пространства на окружающей его территории. Это обстоятельство настоятельно требует, как отмечают авторы, отхода от узкоотраслевой практики оценки и обоснования решений – «изменений в ориентации

российских институтов, регулирующих международные экономические отношения, с количественных на качественные показатели иностранных инвестиций в проекты...». Социально-экологические стандарты взаимного сотрудничества, по мнению авторов, и есть элемент современной пространственной экономики, которые во все большей степени определяют рамки реализации совместных проектов.

Рамки и правила реализации проектов и их устойчивость во времени (без чего немалым приток инвестиций – как отечественных, так и зарубежных) находятся в значительной мере «вне поля зрения» органов власти федерального уровня. Дальше налоговых льгот (весьма противоречивых и плохо обоснованных) дело почти не движется (статья Н. В. Ломакиной). Как результат – все проекты в минерально-сырьевом секторе (как приоритетные, так и заявленные) мало чем отличаются друг от друга. В лесном секторе риски финансовых потерь значительно превышают возможные выгоды – также из-за неопределенности (читай – пространности) условий инвестиционной деятельности (статья Н. Е. Антоновой). О необходимости ухода от пространной экономики говорят и пользователи услуг транспорта на Дальнем Востоке и в Забайкалье – для них важны не столько приемлемые тарифы, сколько «информация об условиях перевозки, условиях получения скидок, наличие комплексных перевозок, соблюдение графика доставки и сохранность грузов» (статья А. Б. Бардаль).

Движение на основе неясных правил, часто сменяемых приоритетов и рыхлых государственных программ, при очень низкой взаимообусловленности количественных и качественных характеристик протекающих в экономике и социальной сфере процессов не только невозможно, но и контрпродуктивно.

Время, потерянное в пространной экономике, ушло безвозвратно, однако вернуться на путь движения, который вытекает из особенностей функционирования и развития современной пространственной экономики, еще не поздно.

Главный редактор «ЭКО»

КРЮКОВ В.А.

Ключевые механизмы новой модели развития Дальнего Востока и их влияние на роль минерального сектора в экономике региона

Н.В. ЛОМАКИНА, доктор экономических наук, Институт экономических исследований Дальневосточного отделения РАН, Хабаровск.
E-mail: lomakina@ecrin.ru

В статье исследуются роль минерального сектора экономики и некоторые результаты для него от реализации институциональных, налоговых и инвестиционных механизмов новой модели развития Дальнего Востока. Представлены оценки вклада минерально-сырьевого комплекса и степени его интегрированности в экономику региона (на примере Хабаровского края).

Ключевые слова: новая модель развития, Дальний Восток России, государственные программы, инвестпроекты, минеральный сектор

«Фундаментальными константами» социально-экономического развития Дальнего Востока на протяжении всей истории его освоения являются: а) природные ресурсы и экономико-географическое положение, формирующие характер, масштабы и структуру хозяйственной жизни в регионе; б) определяющая роль государства в организации и регулировании развития социальной системы и экономики региона; в) ориентация на сотрудничество с сопредельными тихоокеанскими странами и рынками [1].

Дальний Восток России – это регион, где освоение минеральных ресурсов стало отраслью национальной специализации и одним из системообразующих факторов региональной экономики. Доля вида экономической деятельности «Добыча полезных ископаемых» в структуре и валовой добавленной стоимости (ВДС) региона и промышленности продолжает возрастать – с 14,9 и 45,5%, соответственно, в 2005 г. до 26,5 и 61,9% в 2013 г. [2–3]. Значение этого комплекса в национальной и региональной экономике отражалось и в институциональных механизмах стимулирования развития Дальнего Востока, прежде всего в государственных программах – длительный период минерально-сырьевой комплекс признавался одним из основных факторов перспективного развития региона в государственной стратегии [4].

Минеральный сектор в новой модели развития Дальнего Востока

В конце 2013 г. было объявлено о формировании новой модели развития Дальнего Востока, среди ключевых механизмов предложены и уже начали реализовываться [5] такие, как формирование территорий опережающего развития; введение особого налогового режима; поддержка инвестиционных проектов наиболее высокой степени готовности, практическая реализация которых способна дать значимый для развития региона эффект; актуализация Государственной программы по развитию Дальнего Востока и Байкальского региона (Госпрограмма-2025).

В последней версии Госпрограммы-2025/04.2014¹ сделана попытка уйти от «компрометирующей» сырьевой ориентации региона. Если в предыдущей версии (март 2013 г.) развитие минерально-сырьевого комплекса было запроектировано в рамках отдельной подпрограммы (одной из двенадцати) [6], то в структуре Госпрограммы-2025/04.2014 упразднены отраслевые и функциональные подпрограммы: минеральный сектор, как и другие отраслевые комплексы, не упоминается. Но все же среди ожидаемых результатов предусматривается «развитие традиционных видов деятельности и формирование предпосылок для создания ядра новых высокотехнологичных производств», в том числе и в добывающей промышленности.

Среди приоритетов государственной политики в сфере ускоренного развития Дальнего Востока и Байкальского региона (далее – макрорегиона) обозначено и «преодоление структурных диспропорций за счет быстрого развития перерабатывающих и обрабатывающих отраслей экономики макрорегиона, а также сферы высоких технологий». Однако рост результирующего показателя изменения структуры экономики – доли обрабатывающих производств в структуре ВРП – в редакции Госпрограммы 2014 г. можно считать не принципиальным – с 8,0% в 2014 г. до 8,2% в 2025 г. (такая динамика более чем за десять лет означает отсутствие структурных изменений). Это косвенно указывает на то, что при объявленном развороте к ускоренному развитию обрабатывающих и перерабатывающих производств направления

¹ Госпрограмма-2025/04.2014 утверждена постановлением Правительства РФ № 308 от 15 апреля 2014 г.

и источники развития региона остаются прежними – природные ресурсы в сырьевом варианте их использования.

Такое несовпадение в Госпрограмме-2025/04.2014 целевых задач и результирующих показателей отмечено уже и Счетной палатой РФ. Похоже, Госпрограмму развития Дальнего Востока и Байкальского региона снова ждут изменения: в доработанном виде она должна быть представлена в Правительство РФ до 1 октября 2015 г. [7].

В формируемой модели развития Дальнего Востока в качестве механизмов, стимулирующих реализацию крупных инвестиционных проектов, в том числе и по освоению минеральных ресурсов региона, предусмотрен ряд налоговых льгот и новаций [8]:

- снижение налога на прибыль: в федеральной части – обнуление ставки на период 10 лет с момента получения прибыли, в региональной части – не более 10% в первые пять лет и не менее 10% – в следующие пять лет. При этом для субъектов РФ предусмотрена возможность максимального снижения этих ставок;
- введение понижающего коэффициента для налога на добычу полезных ископаемых (НДПИ) на 10 лет: от 0 в первые два года до 0,8 в последние два года десятилетних налоговых каникул (с шагом 0,2 каждые два года).

При этом вводится новая категория налогоплательщиков, которые смогут воспользоваться такими льготами: «участник регионального инвестиционного проекта». Получение такого статуса требует соблюдения определенных условий (регистрация на территории субъекта РФ, в котором реализуется инвестиционный проект; отсутствие обособленных подразделений на иных территориях; определенная организационно-правовая форма и т. д.).

Если учесть, что практически вся эффективная минерально-сырьевая база в регионе распределена между недропользователями (табл. 1), в основном между крупными компаниями (такая же ситуация – и на других территориях макрорегиона, например, в Забайкальском крае [9]), то шансы появления новых игроков и возможность их регистрации как особой категории налогоплательщиков весьма невелики. Видимо, следует оценивать эту стимулирующую меру в новой модели развития Дальнего Востока ограниченной для воздействия на минерально-сырьевой сектор.

Таблица 1. Доля ключевых видов полезных ископаемых, находящихся в распределенном фонде, по регионам Дальнего Востока на 01.01.2014 г., % от величины балансовых запасов и прогнозных ресурсов, включенных в государственный баланс

Субъекты РФ	Доля в балансовых запасах	Доля в прогнозных ресурсах
<i>Золото рудное</i>		
Респ. Саха (Якутия)	82,4	53,6
Камчатский кр.	100,0	49,4
Хабаровский кр.	96,9	21,4
Амурская обл.	98,0	100,0
Магаданская обл.	85,1	100,0
Чукотский АО	98,5	100,0
<i>Серебро</i>		
Респ. Саха (Якутия)	90,9	20,5
Хабаровский кр.	90,3	-
Магаданская обл.	89,2	44,5
Чукотский АО	98,9	70,0
<i>Платина</i>		
Респ. Саха (Якутия)	33,3	100,0
Камчатский кр.	100,0	-
Хабаровский кр.	99,8	-
<i>Железная руда</i>		
Респ. Саха (Якутия)	85,5	45,1
Амурская обл.	100,0	100,0
Еврейская АО	100,0	0
<i>Никель и кобальт</i>		
Камчатский кр.	100,0	100,0

Источник: рассчитано с использованием материалов Департамента по недропользованию по Дальневосточному федеральному округу. URL: <http://www.dalnedra.ru/index.php?c=mineralno-syrevaya-baza> (дата обращения: 30.04.2015).

Естественно, что инвестиционным сообществом ставятся вопросы об уточнении критериев соответствия новой категории налогоплательщиков и о включении в эту категорию «инвесторов, которые приступили к реализации своих проектов в период, непосредственно предшествующий вступлению Закона в силу (1 января 2014 г.)» [10]. Появляется информация о включении компаний по добыче полезных ископаемых в Реестр участников региональных инвестиционных проектов в Дальневосточном федеральном округе – в марте 2015 г. ОАО «СигМА» в Камчатском крае включено в такой реестр с проектом освоения Озерновского золоторудного месторождения [11].

Государственная поддержка инвестиционных проектов, практическая реализация которых может дать значимый для Дальнего Востока эффект, является еще одним важным механизмом в новой модели развития региона. Сейчас эта процедура нормативно уже проработана и получены первые результаты по отбору инвестпроектов.

Правительством РФ утверждена Методика отбора инвестиционных проектов [12], планируемых к реализации на территориях Дальнего Востока и Байкальского региона. Ключевые требования – соответствие целям стратегических документов, определяющих направления социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона; уровень частных инвестиций – не менее 1 млрд руб., при этом как минимум 10% этих инвестиций уже должно быть осуществлено; необходимость государственной поддержки в форме бюджетных инвестиций для создания или модернизации объектов инфраструктуры. Количественные критерии: отношение частных инвестиций к государственным; отношение суммы налоговых поступлений и взносов в государственные внебюджетные фонды, которые поступят в результате реализации инвестпроекта в 2014–2025 гг., к величине государственных инвестиций; величина добавленной стоимости, которая будет создана за второй год после выхода инвестпроекта на проектную мощность. При оценке проектов могут быть применены дополнительные поправочные коэффициенты, отражающие приоритетность отрасли и территории.

К настоящему времени прошел первый цикл рассмотрения, и распоряжением Правительства РФ № 484-р от 23 марта 2015 г. утвержден перечень инвестиционных проектов, планируемых к реализации на территории Дальнего Востока. Какие же проекты признаны приоритетными для развития региона и для государственной поддержки?

На предварительном этапе отбора рассматривалось около 40 проектов [13], в том числе 16 – в сфере добычи и первичной переработки полезных ископаемых, восемь направлены на развитие сельского хозяйства, агро- и рыбопромышленного комплексов; семь – в области транспорта, логистики и энергетической инфраструктуры; восемь – в сферах лесопереработки, производства стройматериалов, здравоохранения, переработки

отходов и т. д. По результатам отбора на соответствие целям развития региона и другим критериям в окончательном варианте оказалось шесть проектов [14]. Правительством утверждены к государственной поддержке один транспортно-логистический проект (строительство транспортно-перегрузочного комплекса для перевалки угля в порту Ванино Хабаровского края) и пять проектов в минерально-сырьевой сфере (среди них два угольных – «Инаглинский» в Якутии и «Ургальский» в Хабаровском крае, создание ГОКа на базе железорудного месторождения Таежное в Якутии и два проекта по освоению золоторудных месторождений в Амурской области и в Камчатском крае).

Следует отметить, что выбранные для господдержки инвестпроекты мало чем отличаются от «оставшихся за бортом» – ни степенью переработки сырья, ни внедрением высоких технологий и получением новых продуктов из минерального сырья. Таких проектов в предварительном списке и не было.

Тем не менее именно проекты в минеральной сфере оказались самыми конкурентоспособными, готовыми к реализации и в наибольшей степени отвечающими целям развития региона, обозначенным в стратегических документах. В последние годы преимущественно минерально-сырьевой комплекс обеспечивает инвестиционную активность в регионах сырьевой специализации (табл. 2) и связанный с этим рост экономики.

Таблица 2. Доля инвестиций в добычу полезных ископаемых в структуре инвестиций в основной капитал в регионах Дальнего Востока в 2009–2013 гг., %

Субъект РФ	2009	2010	2011	2012	2013
Респ. Саха (Якутия)	22,9	39,9	36,1	33,4	46,1
Камчатский кр.	8,9	3,3	4,7	13,8	7,7
Приморский кр.	0,8	0,7	0,5	1,0	1,5
Хабаровский кр.	4,8	4,2	4,7	6,7	10,7
Амурская обл.	12,6	11,6	16,2	16,6	10,1
Магаданская обл.	27,0	24,0	30,9	43,0	51,0
Сахалинская обл.	63,4	67,4	69,6	57,6	67,3
Еврейская АО	11,8	9,1	11,0	7,5	17,5
Чукотский АО	64,7	38,9	36,3	61,1	56,4

Источник: рассчитано с использованием «Строительная и инвестиционная деятельность предприятий и организаций регионов Дальневосточного федерального округа (2009–2013 гг.)». Стат. бюллетень. Сахалинстат. Южно-Сахалинск. 2014.

Например, в 2014 г. в Чукотском автономном округе благодаря реализации новых инвестиционных проектов промышленное производство дало самый высокий рост в России – 147% (прежде всего за счёт ввода в конце 2013 г. в эксплуатацию двух горно-обогатительных комбинатов на месторождениях «Майское» и «Двойное»). Кроме того, благодаря промышленному росту и созданным новым рабочим местам в Чукотском автономном округе в 2014 г. наблюдался миграционный приток населения. Реализация крупного инвестиционного проекта по освоению Кимканского и Сутарского железорудных месторождений и строительство на их базе горно-обогатительного комбината в Еврейской автономной области дали рост промышленного производства на 115,3%. В Сахалинской и Магаданской областях промышленный рост, более высокий, чем в среднем по Дальневосточному федеральному округу, также достигнут за счёт реализации новых инвестпроектов [15].

Эти иллюстрации и рассуждения настойчиво возвращают к оценке значения минерального сектора Дальнего Востока как к одной из фундаментальных констант развития региона. Попытки обозначить «другие» цели и «новые модели» развития пока не приводят к кардинальным изменениям. Минеральный сектор по-прежнему остается и перспективным направлением, и источником регионального развития. Поэтому вопросы «встроенности» этого сектора в структуру региональной экономики не перестают быть актуальными.

Минерально-сырьевой комплекс в структуре региональной экономики

Оценка вклада ресурсных отраслей в региональные макроэкономические показатели является традиционной, но далеко не всеобъемлющей. Известные концепции «ресурсного проклятия», «голландской болезни», «сырьевой иглы» и т. д. отражают желание и попытки увязать эффективность освоения природных ресурсов с самыми различными аспектами экономического развития. Задача системной оценки роли ресурсного сектора в экономическом развитии является актуальной и в научном, и в практическом плане (в смысле формирования экономической политики).

Попытка решения такой задачи была предпринята и нами на примере Хабаровского края². Были поставлены и решены задачи уловить импульсы, исходящие от отраслей ресурсного сектора (включая и минерально-сырьевой комплекс) к другим видам экономической деятельности Хабаровского края, количественно измерить «мощность» таких импульсов, выявить пути их прохождения и в целом определить степень интегрированности ресурсного сектора в региональную экономику, его стимулирующее (или дестимулирующее) воздействие.

Экономика Хабаровского края является диверсифицированной, но значение минерально-сырьевого комплекса в последние годы только возрастает. Так, в структуре промышленного производства Хабаровского края доля горнодобывающего комплекса (по объему отгруженных товаров) составляет порядка 17–18%, в общей среднесписочной численности занятых в промышленном производстве края доля производственного персонала горнопромышленного комплекса колеблется на уровне 8,9–9,5%. Структура стоимости продукции минерально-сырьевого комплекса обеспечена более чем на 95–97% добычей драгоценных и цветных металлов.

Для получения системной оценки эффектов, генерируемых в экономике Хабаровского края ресурсным сектором, был использован метод матриц социальных счетов. Матрица социальных счетов (МСС) представляет собой расширенную балансовую модель, отражающую структурные параметры экономических потоков всех стадий регионального воспроизводственного цикла [16, 17]. Количественные оценки роли ресурсных отраслей в экономике региона были получены на основе мультипликаторов МСС, структура которых отражает структуру связей экономической системы. «Выделено два типа эффектов: межотраслевые эффекты и эффекты конечного спроса. При этом выделенные эффекты характеризуются как прямые и косвенные в зависимости от того, в рамках какого воспроизводственного цикла они проявляются» [18. С. 42]. Полученные оценки величины и структуры мультипликаторов МСС формируют комплексное представление о роли ресурсного сектора в экономике Хабаровского края, его взаимосвязях с другими отраслями краевой экономики.

² Методические подходы, информационная база и результаты такой оценки подробно представлены в [16].

Какие же оценки получены для минерально-сырьевого комплекса Хабаровского края? Расчеты показали, что рост выпуска по виду экономической деятельности «Добыча полезных ископаемых, кроме ТЭР» на 1000 руб. продуцирует увеличение валового выпуска в регионе на 1646,4 руб. (второе значение после «Обработки древесины») и доходов – на 1261,6 руб. (больше только в «Рыболовстве и рыбоводстве»).

Определяющую роль в ранжировании ресурсных отраслей по величине мультипликативного эффекта играет степень сложности и замкнутости на региональном уровне их структурных взаимосвязей. Результаты показали, что наиболее тесные связи с добычей полезных ископаемых через прямые межотраслевые эффекты имеют строительство, производство нефтепродуктов, транспорт и металлургическое производство. Факт значимости межотраслевых эффектов, генерируемых горнодобывающим комплексом в металлургии, отсутствующей на территории Хабаровского края, указывает на перераспределение части эффектов горнодобывающего комплекса за пределы региона. Как показало проведенное исследование, особенностью горнодобывающего комплекса Хабаровского края является то, что добыча полезных ископаемых, генерируя значимый по величине импульс для развития отдельных отраслей, не формирует разветвленной сети взаимосвязей с остальной экономикой края. Такой характер взаимосвязей обусловлен преобладанием сырьевой составляющей (отсутствием переработки) в структуре комплекса.

Представленные оценки получены для экономики региона с диверсифицированной, несырьевой специализацией (Хабаровский край). Можно ожидать, что для регионов, развитие которых зависит преимущественно от сырьевых отраслей, все эти оценки будут гипертрофированы. Формируя существенный импульс для развития отдельных отраслей (преимущественно инфраструктурной направленности), ресурсные отрасли, развиваясь по сырьевому сценарию, не формируют разветвленных связей и не создают стимулов для диверсификации структуры экономики в «своих» регионах.

Как показало исследование реакции на запуск институциональных и финансовых механизмов «новой модели» развития региона, минеральный сектор оказался чувствительным к этим нововведениям (практически вопреки заявленным целям диверсификации

региональной экономики). Об этом говорят и первые результаты отбора инвестпроектов для господдержки, и начавшееся формирование Реестра участников региональных инвестиционных проектов, и появление новых территорий опережающего развития, среди которых есть и территории с добывающей специализацией (например, «Беринговская» в Чукотском автономном округе).

Несмотря на ряд существенных, трансформационных изменений условий и результатов развития минерально-сырьевого комплекса Дальнего Востока, роль и значение его и в региональной, и в национальной экономике не изменились. Горнодобывающая отрасль региона по-прежнему обеспечивает значительную долю полезных ископаемых, производимых российским минерально-сырьевым комплексом. «Экономическое лицо» Дальнего Востока в российском хозяйстве, как и раньше, определяет минерально-сырьевой комплекс, и вероятно, что он еще продолжительный период будет сохранять характер «фундаментальной константы» для развития региона.

Литература

1. Минакир П. А. Экономика регионов. Дальний Восток. – М.: Экономика, 2006. – С. 805–806.
2. Показатели системы национальных счетов Приморского края и субъектов ДВФО. 2015. Сборник с аналитической запиской / Приморскстат, 2015. – 64 с.
3. Основные показатели социально-экономического положения регионов Дальневосточного федерального округа в 2013 году. (1 часть). Стат. бюллетень / Хабаровскстат. – Хабаровск, 2014.
4. Ломакина Н. В. Минерально-сырьевой комплекс Дальнего Востока России: потенциал развития. – Хабаровск, 2009. – 240 с.
5. Стенограмма совместного заседания коллегий Генеральной прокуратуры и Минвостокразвития России. 16.04.2015. [Электронный ресурс] URL: http://minvostokrazvitia.ru/press-center/news_minvostok/?ELEMENT_ID=3104&sphrase_id=16326 (дата обращения: 25.04.2015).
6. Ломакина Н. В. Минеральный сектор экономики в Госпрограмме развития Дальнего Востока: целевые задачи и ожидаемые результаты // Менеджмент и бизнес-администрирование. – 2013. – № 3. – С. 22–29.
7. «Отсутствие системы управления – главная проблема Минвостокразвития». URL: <http://konkurent.ru/politika/731-otsutstvie-sistemy-upravleniya-glavnaya-problema-minvostokrazvitiya.html> (дата обращения: 28.04.2015).

8. Федеральный закон от 30.09.2013 г. № 267-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации в части стимулирования реализации региональных инвестиционных проектов на территориях Дальневосточного федерального округа и отдельных субъектов Российской Федерации».
9. Глазырина И. П., Лавлинский С. М., Калгина И. С. Государственно-частное партнерство в минерально-сырьевом комплексе Забайкальского края: проблемы и перспективы // География и природные ресурсы. – 2014. – № 4. – С. 99–105.
10. Влияние прямых иностранных инвестиций на социально-экономическое развитие Дальнего Востока. Исследование ЦЭФИР по заказу Корпорации «Кинросс Голд». – М., 2013. – С. 45.
11. Приказ министерства экономического развития, предпринимательства и торговли Камчатского края от 19.03.2015 № 154-П [Электронный ресурс] URL: <http://www.geosigmagold.com/blog/investitsii/> (дата обращения: 03.05.2015).
12. Постановление Правительства РФ от 16.10.2014 г. № 1055 «Об утверждении методики отбора инвестиционных проектов, планируемых к реализации на территориях Дальнего Востока и Байкальского региона».
13. Результаты проведения Минвостокразвития России отбора инвестиционных проектов, планируемых к реализации на территории Дальнего Востока 31.12.2014 [Электронный ресурс] URL: http://minvostokrazvitia.ru/press-center/sob_minvostok/?ELEMENT_ID=2855 (дата обращения: 23.03.2015).
14. Распоряжение Правительства РФ от 23.03.2015 г. № 484-р.
15. Итоги развития Дальнего Востока в 2014 году. 05.01.2015 [Электронный ресурс] URL: <http://iltumen.ru/node/13960> (дата обращения: 23.03.2015).
16. Антонова Н. Е., Дёмина О. В., Захарченко Н. Г., Ломакина Н. В., Сухомиров Г. И. Оценка роли ресурсного сектора в экономике региона: пример Хабаровского края // Регионалистика. – 2014. – Т. 1. – № 2. – С. 42–70.
17. Захарченко Н. Г. Использование матриц социальных счетов в моделировании структуры экономической системы // Пространственная экономика. – 2012. – № 1. – С. 69–89.
18. Захарченко Н. Г., Дёмина О. В. ТЭК в экономике региона: оценка мультипликативных эффектов // Пространственная экономика. – 2013. – № 1. – С. 33–54.

Нужна ли господдержка лесному комплексу Дальнего Востока?

Н.Е. АНТОНОВА, доктор экономических наук, Институт экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск. E-mail: antonova@ecrin.ru

Статья посвящена исследованию влияния мер государственной поддержки, характера и направленности федеральных отраслевых и территориальных программ на развитие лесного комплекса Дальнего Востока. Анализируются инвестиционная активность в лесной промышленности по дальневосточным субъектам Федерации как отклик на государственную поддержку, последствия этой активности с точки зрения изменения продуктовой структуры лесного экспорта Дальнего Востока.

Ключевые слова: лесной комплекс, федеральные программные документы, меры государственной поддержки, Дальний Восток, инвестиции

Лесные ресурсы остаются одной из основных сырьевых компонент, которая может обеспечить долговременное устойчивое развитие экономики Дальнего Востока и определять в перспективе его эффективное участие в международном разделении труда. Это требует новых подходов к освоению лесных ресурсов, но пока преимущественное развитие получило производство продукции первого передела, наименее эффективное с точки зрения создания добавленной стоимости. И все же можно говорить о наметившейся технологической перестройке в лесном комплексе Дальнего Востока, под влиянием государственной политики перехода от сырьевой модели развития национального лесного комплекса к модели технологического развития за счет глубокой переработки древесины.

В статье поставлена цель проанализировать, в каких дальневосточных субъектах Федерации наиболее активно осуществляется лесопромышленная деятельность, в том числе создаются предприятия по переработке древесины, сравнить, какую при этом поддержку оказывают предприятиям федеральные органы власти, ее характер и направленность, оценить отклик предприятий на эту поддержку.

Краткая характеристика лесного комплекса Дальнего Востока

По общему запасу древесины (20,6 млрд м³) Дальневосточный федеральный округ (ДФО) уступает лишь Сибирскому.

ДФО имеет значительный объем расчетной лесосеки – 91,7 млн м³, из которой лишь 25% (23 млн м³) распределено между лесопользователями (остальной объем – нераспределенный фонд в основном на отдаленных северных территориях), наблюдается существенный перекося между территориальным распределением ресурсов и их использованием (табл. 1).

Таблица 1. Территориальная структура расчетной лесосеки и лесозаготовок на Дальнем Востоке в 2013 г., %

Территория	Расчетная лесосека		Лесозаготовки
	всего	распределенная между пользователями	
Амурская обл.	19	17	12
Еврейская АО	1	2	2
Камчатский кр.	2	1	1
Магаданская обл.	2	0	0
Приморский кр.	8	22	28
Респ. Саха (Якутия)	38	3	3
Сахалинская обл.	3	4	3
Хабаровский кр.	27	51	51
ДФО	100	100	100

Источник: составлено по: [1].

Одной из существенных проблем при получении лесопользователем участка в аренду на Дальнем Востоке является недостоверность информации о количестве и качестве предоставляемых лесных ресурсов из-за ее несоответствия современному состоянию лесов. Впрочем, с передачей в 2007 г. полномочий по лесоустроительным работам субъектам Федерации эта проблема возникла во всех регионах. Поэтому арендатору приходится самому проводить лесоустроительные работы. Хотя это государство как собственник ресурсов должно проводить масштабные лесоустроительные мероприятия, для чего требуются значительные средства из бюджета, например, в Приморском крае объем работ по лесоустройству, которое не проводилось более 20 лет, оценивается в 2 млрд руб. [2], выделено же на 2014 г. 140 млн руб. [3].

Проблема доступности лесных ресурсов для Дальнего Востока из-за низкой инфраструктурной освоенности региона всегда была актуальной. Поэтому, хотя особенно богата лесными ресурсами Якутия, наиболее востребованы эти ресурсы в Хабаровском, Приморском краях и Амурской области, расположенных

в экономически развитой южной части Дальнего Востока и тяготеющих к экспортным рынкам [4]. Но здесь также существует проблема доступности лесосырьевой базы. Например, Министерство природных ресурсов Хабаровского края применяет показатель «доступная расчетная лесосека», рассчитывая его путем отсечения объемов древесины в неосвоенных массивах в трех северных районах края, где отсутствует дорожная инфраструктура. Один из крупнейших лесопользователей Дальнего Востока в 2012 г. отказался от освоения участка в 1,2 млн м³ расчетной лесосеки в отдаленном районе на севере Хабаровского края, сочтя его географически и экономически недоступным активом [5].

На Хабаровский и Приморский края, Амурскую область приходится до 90% лесопромышленной продукции и ее экспорта. В Амурской области исторически была развита промышленная лесозаготовка, а в Хабаровском и Приморском краях – и переработка. Поэтому, когда обсуждается лесопромышленная деятельность на Дальнем Востоке, то в первую очередь имеются в виду эти территории, в которых в основном происходит начавшееся восемь лет назад активное инвестиционное развитие лесного комплекса ДФО. Интерес представляет и рассмотрение инвестиционных возможностей Сахалинской области, где в советское время лесная промышленность была одной из наиболее развитых на Дальнем Востоке, существовало целлюлозно-бумажное производство и где в настоящее время снова наблюдается оживление этого вида деятельности (табл. 2).

Таблица 2. Параметры лесопользования в многолесных регионах Дальнего Востока в 2013 г.

Регион	Общий запас древесины, млрд м ³	Доля, %		Рынок сбыта
		в объемах заготовки Дальнего Востока	экспорта	
Хабаровский край	5,2	51	60	Китай, Республика Япония, Корея
Приморский край	1,9	28	22	Китай, Республика Корея, Япония
Амурская обл.	2,0	12	6	Китай
Сахалинская обл.	0,6	3		С 2014 г. экспорт переработки древесины в Китай

Источник: составлено автором.

Лесной комплекс в регионе представлен двумя отраслями – лесозаготовительной и деревоперерабатывающей; целлюлозно-

бумажное производство практически отсутствует (кроме небольших объемов выпуска картона из макулатуры в Приморском крае).

Продукция комплекса (в основном необработанная древесина) ориентирована преимущественно на экспорт из-за ограниченности внутреннего спроса. Можно предположить, что ориентация на китайский рынок с его высоким спросом на древесину и некоторой «неразбочивостью» в источниках ее поступления во многом определяет то, что Хабаровский и Приморский края фигурируют в списке наиболее проблемных регионов России как нелегальных лесопользователей [6]. Однако постепенно активизируются процессы создания перерабатывающих производств под влиянием федеральной политики технологической модернизации лесного комплекса.

Инвестиционные проекты

Из 120 инвестиционных проектов, включенных в общероссийский перечень приоритетных в области освоения лесов, с объемом финансирования в 370 млрд руб., на Дальний Восток приходится 15 заявленных к реализации с общим объёмом в 37 млрд руб. (10% от российских инвестиций). Для них были привлечены средства Внешэкономбанка, «ВТБ», ПромСвязьБанка, Сбербанка, а также из зарубежных кредитных организаций.

Фактически реализуется пять проектов в Хабаровском крае (инвестировано за 2007–2013 гг. 23,7 млрд руб.), три – в Приморском (10 млрд руб.), один – в Амурской области [7–9] .

В Хабаровском крае в стадии *освоения* построенных мощностей находятся четыре производства:

- завод по производству высококачественных пиломатериалов и технологической щепы (ООО «Амур Форест», дочернее предприятие ОАО «Бизнес-маркетинг»), введен в 2009 г.;
- деревообрабатывающий комплекс по производству древесно-стружечных плит и пиломатериалов (ООО СП «Аркаим») (в 2010 г.);
- завод по производству древесноволокнистых плит МДФ (ООО «Римбунан Хиджау МДФ») (2011 г.);
- завод по производству лущеного шпона в рамках проекта «Создание Дальневосточного центра глубокой переработки

древесины» (ОАО «Дальлеспром», входящий в группу компаний RFP Group) (2012 г.).

Хотя запуск уже осуществлён, но в реальности проекты либо не вышли на проектную мощность (загружены менее чем на 50%), либо введенные производства стоят. ООО СП «Аркам», построив мощнейший современный комплекс, испытывает недостаток сырья и объявлен в 2014 г. банкротом из-за сложного финансового положения, связанного с трудностями выплаты кредитов, поэтому пока откладываются возобновление выпуска древесностружечных плит и увеличение производства пиломатериалов [8].

Малазийская компания «Римбунан Хиджау МДФ», создавшая производство высококачественных древесных плит МДФ, также остановила их выпуск в 2015 г. из-за низкой конкурентоспособности и высокой себестоимости продукции по сравнению с китайскими аналогами.

Производство лущеного шпона ОАО «Дальлеспром» (проектная мощность – 300 тыс. м³) составило в 2013 г. 37% от проектного, в 2014 г. – 31%, и в 2015 г. ожидается лишь 20%. Основная причина – отсутствие у производителя долгосрочных контрактов на поставку шпона. При запуске производства ориентировались на японский рынок жилищного строительства, но договоренности не были подтверждены. Возможно, это отражение общей тенденции ухода японских потребителей с российского лесного рынка: с 2007 г. Япония сократила поставки российских лесоматериалов в 10 раз из-за введения пошлины на необработанную древесину.

В стадии *создания* мощностей в Хабаровском крае находятся:

- производство пиломатериалов в рамках проекта «Завод по производству древесноволокнистых плит МДФ» (ООО «Римбунан Хиджау МДФ»). Владелец завода надеется, что использование отходов лесопиления с вновь созданного производства позволит снизить затраты на сырье для плит;
- производство пиломатериалов, плит ДСП и технологической щепы в рамках второй очереди Дальневосточного центра глубокой переработки древесины (ОАО «Дальлеспром»);
- производство пиломатериалов, в том числе строганных профилированных, а также топливных гранул (ООО «Азия Лес», дочернее предприятие ОАО «Бизнес-маркетинг»);

- производства по дополнительному выпуску пиломатериалов и топливных гранул (ООО «Амур Форест»).

В Приморском крае запущены заводы: лесопильный; по производству лущеного шпона (ОАО «Тернейлес»), паркетной доски (ЗАО «Лес экспорт»). Еще один приоритетный инвестиционный проект по строительству двух лесопильных заводов и завода клееного бруса частично реализован ОАО «Приморские лесопромышленники» (лесопильное производство).

В Амурской области из трех заявленных приоритетных инвестиционных проектов создан лишь один – ЗАО «Туранлес» запустило деревообрабатывающий завод «Восточный» (пиломатериалы, брус, клееные конструкции). Официально завершение проекта назначено на 2016 г., но «Восточный» уже поставлял продукцию для строительства домов в рамках программы обеспечения жильем пострадавших от наводнения 2013 г. на Дальнем Востоке [10]. Ограничивает работу предприятия нехватка лесосырьевых ресурсов.

На территории Сахалинской области реализуется областной приоритетный инвестиционный проект «Комплексное деревообрабатывающее производство». Хотя он не входит в федеральный перечень, но поддерживается региональной администрацией. Инициатор проекта – дочернее предприятие хабаровской компании «Бизнес-маркетинг», создавшей перерабатывающие производства в Хабаровском крае. На Сахалине предполагается разместить лесопильно-деревообрабатывающее предприятие по производству пиломатериалов, технологической щепы и пеллет [11]. Кроме денег частного инвестора, будут привлечены средства областного бюджета на создание инфраструктуры.

Если проанализировать деятельность вновь созданных и создаваемых перерабатывающих предприятий, то можно сделать вывод о том, что инвесторы предпочитают проекты, не требующие значительных инвестиций и предполагающие быстрый срок окупаемости, о чем свидетельствуют реализуемые проекты, основанные на неглубокой переработке сырья и производстве полуфабрикатов – в основном пиломатериалов улучшенного качества. Проекты создания производств продукции с высокой добавленной стоимостью (целлюлозно-бумажное, плитное, лесохимическое) пока только декларируются, что соответствует общей тенденции, складывающейся в развитии

переработки в России. Преодолеть эту тенденцию пока не получается, несмотря на наличие государственной поддержки развития перерабатывающего сегмента лесного комплекса на федеральном и региональном уровнях.

Федеральные отраслевые и территориальные программы поддержки

В отличие от многих стран, обладающих значительными лесными ресурсами, в России не приняты документы, содержащие долгосрочные цели лесной политики и отражающие общее отношение государства к лесному комплексу.

Можно было бы предположить, что в документе «Основы государственной политики в области использования, охраны, защиты и воспроизводства лесов в Российской Федерации на период до 2030 года» (распоряжение Правительства РФ от 26.09.2013 г. № 1724-р) должны содержаться базовые положения, определяющие общую позицию государства на длительный период по отношению к лесному комплексу, включая его территориальные составляющие. В нем в качестве составной части глобальной цели лесной политики указано «создание на государственном уровне условий, обеспечивающих устойчивое и динамичное развитие лесного сектора экономики», намечено решить задачу повышения конкурентоспособности лесной промышленности, увеличения производства продукции с высокой добавленной стоимостью, конкурентоспособной на внутреннем и внешнем рынках. Для этого предусматривается поддержка модернизации перерабатывающих предприятий и строительства новых на основе государственно-частного партнерства в создании инфраструктуры, формирование условий для повышения доступности кредитных ресурсов, совершенствование механизмов выделения государственных субсидий и гарантий инвесторам для реализации проектов производства лесобумажной продукции с высокой добавленной стоимостью.

Но этот документ трудно считать выражением долгосрочной позиции государства в отношении использования его ресурсов. Если это – основы лесной политики, то почему они рассчитаны только до 2030 г., т. е. всего на 27 лет, что в 2–3 раза короче по сравнению с оборотом рубки в лиственных лесах, и в 6–8 раз – чем в хвойных лесах?!

Еще одним документом, содержащим направления государственной поддержки лесопромышленных предприятий, можно было бы назвать «Стратегию развития лесного комплекса России» от 31.10.2008 г., в которой намечено освоение производства новой высокотехнологичной продукции. Но, к сожалению, это – всего лишь декларация о намерениях федерального правительства. В территориальном разделе стратегии продекларировано опережающее развитие производств по глубокой переработке древесины в лесоизбыточных регионах Сибири и Дальнего Востока путем строительства крупных лесоперерабатывающих комплексов, однако механизмы и инструменты не указаны [12].

Стратегию конкретизировала подпрограмма «Лесопромышленный комплекс» в Государственной программе «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности», содержащая в своей первой версии от 27.12.2012 г. более широкий набор инструментов по улучшению инвестиционного климата в отрасли на региональном уровне, включая разработку региональных программ строительства лесных дорог в привязке к реализуемым приоритетным инвестиционным проектам, софинансирование инфраструктуры за счет федерального и регионального бюджетов, расширение видов и увеличение объемов субсидирования. Но уже в новой версии программы от 15.04.2014 г., получившей статус постановления правительства, из всех инструментов остались лишь субсидии для лесопромышленных предприятий, ранее уже утвержденные соответствующими нормативными актами.

Субсидирование касалось процентных ставок по кредитам, взятым на разные цели и в разные годы, но в основном на инвестиционное развитие лесного комплекса [13]: в 2008–2011 гг. – на техническое перевооружение; в 2011–2014 гг. – на создание межсезонных запасов древесины, сырья и топлива; в 2012–2013 гг. – новых высокотехнологичных производств; в 2014–2016 гг. – новых комплексных инвестиционных проектов.

В 2014 г. 50 предприятиям РФ выделено 481 млн руб. субсидий на создание межсезонных запасов древесины, сырья и топлива [14]. Заметим, что дальневосточные предприятия не участвуют в конкурсах на получение данного вида субсидий, так как предпочитают кредитоваться у своих зарубежных партнеров под поставку им продукции. Но можно ожидать, что для

создания инвестиционных проектов такой инструмент будет более востребован. В 2014 г. оказана отдельная поддержка в размере 1,5 млрд руб. пяти лесопромышленным предприятиям Дальнего Востока, участвующим в реализации приоритетных инвестиционных проектов, в том числе на возмещение части затрат, связанных с ликвидацией последствий наводнения 2013 г., а также стимулирования развития комплексной переработки древесины.

На 2015 г. для всех российских лесопромышленных предприятий выделено более 2 млрд руб. на субсидии по кредитам на техническое перевооружение производств. Но, поскольку возмещение процентных ставок привязано к ставке рефинансирования (размер ее 8,25%), а не ключевой ставке (на апрель 2015 г. – 14%), то эффект от данных субсидий снижается.

Кроме отраслевых инструментов поддержки технологического развития лесопромышленного производства, важную роль для лесного комплекса Дальнего Востока играют федеральные программы *территориального развития* региона. До 2013 г. на активизацию инвестиционных процессов в лесном комплексе были направлены федеральные программные документы регионального развития: ФЦП «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на период до 2013 года», «Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года».

Прописанный в Стратегии базовый сценарий развития дальневосточной территории опирался на использование ее конкурентных преимуществ, природно-ресурсного и транзитного потенциала, на устойчивое наращивание экспорта конкурентных видов продукции и модернизацию транспортной инфраструктуры. В отношении лесного комплекса стратегия предусматривала увеличение масштабов использования доступных лесных ресурсов в наиболее освоенной южной части Дальнего Востока, а также более глубокую переработку древесины. Но эти меры, применимые не только для Дальнего Востока, ранее уже были представлены в отраслевых государственных программах.

Принятая в 2013 г. государственная программа «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона до 2025 года» с подпрограммой «Развитие лесопромышленного комплекса Дальнего Востока и Байкальского региона», просуществовавшая меньше года, оказалась непроработанным,

эклектичным документом, как по содержащимся в ней инвестиционным проектам, так и по инструментам государственного регулирования лесного комплекса.

В 2014 г. в новой версии ФЦП «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на период до 2018 года» – составной части новой государственной программы «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона до 2025 года» (2014 г.) – для лесного комплекса не предусмотрено инструментов государственной поддержки.

Для стимулирования инвестиционной активности на Дальнем Востоке 30.09.2013 г. принят федеральный закон по налоговым льготам для инвесторов, имеющих намерения инвестировать от 50 до 500 млн руб. в производства на территориях ДФО: нулевая ставка на налог на прибыль, зачисляемую в федеральный бюджет. Субъекты Федерации также обязаны узаконить применение льгот на своих территориях по налогу на прибыль и налогу на имущество. Указанные преференции распространяются на заготовку и переработку лесных ресурсов. Однако эти инструменты так и не начали действовать из-за административных барьеров, установленных федеральными ведомствами, которые ограничили круг инвесторов – потенциальных получателей льгот, введя дополнительные условия (сложный механизм получения статуса регионального инвестиционного проекта, введение требования отсутствия обособленных подразделений у инвестора на других территориях и др.). Кроме того, некоторые субъекты Федерации добавили свои барьеры (в Приморском крае повысили уровень минимальных инвестиций до 150 млн руб.). На наш взгляд, помимо сложности получения льгот, у них существует системный недостаток – они распространяются только на текущие издержки и не затрагивают капитальные, более ощутимые для инвесторов.

Исходя из анализа программ территориального развития, можно сделать вывод, что в этих документах лесному комплексу Дальнего Востока не отводится стратегическая роль в экономике региона.

Причины стагнирования лесного комплекса Дальнего Востока и возможные решения по их устранению были рассмотрены на специальном совещании, проводимом полпредом Президента РФ по ДФО [15], и на заседании Правительственной комиссии

по вопросам социально-экономического развития Дальнего Востока 9 октября 2014 г. Предполагалось до конца 2014 г. на правительственном уровне подготовить новую экономическую модель интенсивного развития лесного сектора Дальнего Востока, включающую меры поддержки проектов по глубокой переработке древесины, обеспечивающие рентабельность реализации продукции лесопромышленных предприятий ДФО (установление льготных тарифов на транспортировку и электроэнергию при реализации проектов по глубокой переработке древесины, создание фонда лесной инфраструктуры для строительства лесных дорог, актуализацию информации о сырьевой базе).

Однако на разработку данной модели был отведен срок всего 2,5 месяца, что можно рассматривать как «очередную ликвидацию очередного пожара», т. е. оперативное реагирование на уже сложившуюся кризисную ситуацию. Неясно, что собой должна представлять такая модель. Думается, формой ее реализации можно считать специально принятое 05.12.2014 г. постановление Правительства РФ, содержащее правила предоставления для дальневосточных лесопромышленных предприятий субсидий из федерального бюджета на возмещение части затрат, осуществленных в 2013–2014 гг. на реализацию инвестиционных проектов.

Поддержка довольно серьезная, субсидии выделяются на компенсацию: лизинговых платежей при покупке оборудования, части процентной ставки по кредитам на цели реализации проектов, затрат на перевозку железнодорожным и водным транспортом древесины и готовой продукции внутри территории ДФО, компенсационные выплаты к заработной плате, в том числе за работу в особых климатических условиях.

Но легче верблюду пролезть в игольное ушко, чем лесопромышленному предприятию получить эти субсидии: сумма инвестиций в реализацию проекта, произведенных по состоянию на 1 ноября 2014 г., должна составить не менее 4 млрд руб., из которых как минимум 3,5 млрд руб. должны быть капитальными вложениями. Из-за такого высокого барьера по объемам инвестиций это постановление может коснуться только RFP Group (ОАО «Дальлеспром»), инвестировавшей в проект более 7,5 млрд руб. В акционеры этой компании входит Российский фонд прямых инвестиций, вложивший в нее через Российско-китайский инвестиционный фонд 110 млн долл. [4] и пролобби-

ровавший принятие льгот формально для всех дальневосточных лесопромышленных предприятий, создающих инвестиционные проекты, но фактически – только для одного из них [16].

Надо отметить, что холдинг RFP Group (вторая по величине после «Илима» лесопромышленная компания в России) является самой институционализированной компанией на Дальнем Востоке. Под этим мы подразумеваем активное ее сотрудничество как с федеральными, так и с региональными органами власти, стремление попасть во все разрабатываемые стратегические документы отраслевого и территориального развития.

Бизнес-единица RFP Group – ОАО «Дальлеспром» – стала одной из шести крупнейших лесопромышленных компаний [17], вошедших в перечень системообразующих предприятий, утвержденных Правительственной комиссией по экономическому развитию и интеграции, которым может быть оказана государственная поддержка в целях поддержания устойчивости и минимизации негативных социально-экономических последствий в случае прекращения их деятельности.

Эта компания также фигурирует в документах территориального развития Дальнего Востока. Например, планируемый ею проект по созданию целлюлозно-бумажного комбината был включен в одну из ранних версий ФЦП «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на период до 2013 года» как претендент на оказание государственной поддержки в виде привлечения средств из Инвестиционного фонда РФ на создание инфраструктуры комбината [18]. Она стала единственной из лесопромышленных компаний Дальнего Востока, включенной в «Перечень приоритетных инвестиционных проектов в Дальневосточном федеральном округе». В настоящее время руководители компании лоббируют включение ее в резиденты одной из территорий опережающего социально-экономического развития, создаваемых на Дальнем Востоке, что позволит воспользоваться предоставляемыми преференциями. Но это – скорее умение правильно позиционировать себя перед властью, так как декларируемый компанией план по созданию целлюлозно-бумажного комбината на деле осуществляться, похоже, не будет (в утвержденном Минпромторгом инвестиционном проекте, как показано выше, максимальный уровень передела, который компания готова освоить, – производство шпона и древесно-стружечных плит).

Таким образом, результативность предлагаемых государственных программных инструментов развития лесного комплекса Дальнего Востока можно оценить двояко: формально меры поддержки разработаны и имеют правовую основу. Но при этом не конкретизированы или отсутствуют механизмы конвертации нормативных разработок в реальные процедуры применения данных мер на практике, что не позволяет нейтрализовать имеющиеся риски, снижает заинтересованность хозяйствующих субъектов в инвестировании в проекты технологического развития лесного комплекса.

Инвестиционные риски

Именно риск финансовых потерь из-за неопределенности условий инвестиционной деятельности сдерживает развитие деревопереработки на Дальнем Востоке. И хотя многие риски характерны для лесного комплекса России в целом, некоторые из них в большей мере специфичны для лесного комплекса Дальнего Востока.

Институциональные:

- непоследовательность правительства России в проведении лесоэкспортной политики: невыполнение решения о поднятии экспортных пошлин на необработанную древесину до запретительного уровня, а также избирательное снижение этих же пошлин для лесоэкспортеров европейской части страны, что дискриминирует интересы Дальнего Востока;

- незавершенность нормативно-правовой работы по выделению защитных участков в эксплуатационных лесах, характерная для некоторых многолесных районов Дальнего Востока: нечетко выделенные и зафиксированные границы особо защитных участков лесов в составе арендуемых бывают причиной разногласий между лесопользователями и представителями «зеленых организаций» и местного населения.

Инфраструктурные:

- длительность сроков, сложность процедур получения земельного участка и разрешения на строительство, особенно если земля находится в нераспределенной государственной собственности (Хабаровский край);

- увеличение тарифов, замедление сроков перевозки лесных грузов железнодорожным транспортом. Транспортные затраты

составляют до 65% в цене древесного сырья и до 35% – в продукции глубокой переработки, что снижает ее конкурентоспособность;

- недостаточное предложение промышленных площадок с проработанными вопросами обеспечения транспортной, инженерной, энергетической инфраструктурой, отсутствие организационного механизма формирования инвестиционных площадок.

Рыночные:

- низкий спрос на продукцию на внутрорегиональном рынке, удаленность дальневосточных производителей от национальных рынков;

- отсутствие проработанных ниш на внешних лесных рынках для реализации новых товаров российских производителей.

Кадровые:

- общий дефицит трудовых ресурсов на Дальнем Востоке, нехватка квалифицированных инженерно-технических и рабочих кадров в отрасли;

- ограничения существующей системы квотирования иностранной рабочей силы.

Финансово-экономические:

- недостаток льгот для инвесторов по капитальным издержкам: льготы по лесным платежам нацелены на экономию только текущих издержек, на это же нацелены льготы, введенные для Дальнего Востока федеральным законом от 30.09.2013 г.

Остановимся подробнее на рисках первой группы. На наш взгляд, основным ограничением развития деревопереработки на Дальнем Востоке является нестабильность институциональных условий ведения бизнеса, непоследовательная лесоэкспортная политика.

Дальневосточный лесной бизнес, поверив в реализацию угрозы введения запретительных пошлин (до 80%) на необработанную древесину, вложил более 30 млрд руб. в создание перерабатывающих производств в регионе, но частично их заморозил в связи с откладыванием этого решения. При этом частичное поднятие пошлин (до 25%) привело к изменению структуры поставщиков на восточноазиатском лесном рынке в пользу США, Канады, Новой Зеландии, в результате сократились объемы и доля России на лесных рынках Японии и Китая.

Еще одним проявлением изменчивости лесоэкспортной политики стало избирательное снижение в 2012 г. экспортных пошлин на лесоматериалы некоторых пород в пределах тарифных квот – до 13% (ель) и 15% (сосна) [19]. Квоты на экспорт древесины указанных пород сравнимы с объемом российского лесного экспорта. В основном это была уступка странам Евросоюза в рамках ратификации протокола о присоединении страны к ВТО. Избирательное снижение пошлин на отдельные породы, произрастающие в европейской части страны и частично в Сибири, дискриминирует интересы лесоэкспортеров Дальнего Востока, где основной экспортируемой породой является лиственница, ставка по которой не изменилась (25%). Это создает нестабильные условия в торговле лесопромышленной продукцией, вызывает недовольство у китайских и японских партнеров, импортирующих лиственничную древесину. По данным Японской ассоциации импортеров, объем поставок древесины лиственницы в эту страну упал с 2007 по 2013 гг. в 31 раз.

Необходимо сделать равными условия для всех участников рынка, что поможет избежать дальнейших потерь позиций на азиатском рынке: если в 2007 г. поставки лесопродукции из России покрывали около 59% от общей потребности рынка АТР, то в 2013 г. – лишь 20%, при этом потребность азиатского рынка в лесоматериалах увеличилась за этот период с 55,7 до 93,2 млн м³ [1]. С точки зрения развития глубокой переработки важность этой проблемы состоит в том, что доходы от экспорта круглой древесины служили источником инвестиций создаваемых на Дальнем Востоке производств, шли на погашение инвестиционных кредитов, и перекрытие этого источника привело к замораживанию части проектов.

Уже несколько лет продолжают негативные тенденции снижения цен на лесопромышленную продукцию на внешних рынках. По оценкам экспортеров, тенденция сохранится и в 2015 г., среднегодовая цена опустится до 80–95 долл. на необработанную древесину и 125–130 долл. – на пиломатериалы, т. е. приблизится к уровню цен 2012 г. [8]. В данных условиях, с учетом уровня издержек на производство и курсовой разницы, реализация необработанной древесины будет более выгодной, чем продукции деревообработки, что приведет к полному замораживанию вновь построенных объектов.

На заседании по развитию лесного комплекса Дальнего Востока [15] мне удалось побеседовать с крупными дальневосточными лесопользователями, чтобы выяснить их мнение об основных ограничениях в деятельности и путях их преодоления. Обобщая эти мнения, можно выделить следующее.

1. Законодательство, регулирующее таможенные, производственные, налоговые аспекты в сфере лесопользования, не должно меняться быстрее, чем срок окупаемости проекта по созданию перерабатывающих предприятий.

2. Огромное число проверок на предприятиях должно быть сокращено. Федеральным законом от 26.12.2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» снижено число плановых проверок, но положения закона не применяются при осуществлении ряда видов контроля – за иностранными инвестициями, налогового, таможенного, контроля за уплатой страховых взносов в государственные внебюджетные фонды и др., проверки по которым производятся отдельно. Внеплановые проверки участились, особенно после 2011 г., когда были введены дополнения к статье 10 (о проведении внеплановых проверок). По информации руководителя одного из крупнейших лесопромышленных предприятий, в 2013 г. на три плановых проверки пришлось 57 внеплановых.

3. Отток молодежи из лесных поселков не позволяет обеспечить предприятия кадрами. Причины – в том, что коммунальные услуги, стоимость товаров в поселках дороже, а заработная плата такая же, кроме того, отсутствует жилье. Северная надбавка к заработной плате из федерального бюджета не выплачивается и перекладывается на лесопользователей. Предприниматели предлагают хотя бы не облагать ее налогом на доходы физических лиц. Чтобы удержать кадры, необходимо строить жилье для работников, в этом также должны участвовать, помимо бизнеса, бюджеты – федеральный и субъектов Федерации.

4. Регулярное повышение и без того высоких тарифов энергетических и транспортных компаний удорожает продукцию деревопереработки. Надо субсидировать железнодорожные перевозки отдельных видов переработанной продукции в европейскую часть страны.

5. Проблема строительства лесных дорог, в первую очередь магистральных, для освоения отдаленных лесных массивов, до сих пор не решена, хотя много говорилось о поиске механизма государственно-частного партнерства. Не прописан правовой механизм узаконивания уже имеющихся у лесопользователей дорог, что делает неопределенными права собственности на них.

6. Большая часть предпринимателей были склонны к отмене экспортных пошлин или возврату к уровню 2007 г. (6,5%). Высказавшиеся против отмены пошлин мотивировали это тем, что выпускаемая продукция переработки тогда не сможет конкурировать с китайской, которая будет производиться из нашего же импортируемого сырья, но станет более дешевой в результате отмены пошлин. Дальневосточные предприятия и сейчас проигрывают по конкурентоспособности лесопroduкции китайским производителям (например, плит МДФ). Такая же проблема характерна и для других граничащих с Китаем регионов России, в частности, для Байкальского [20].

Общее мнение предпринимателей по поводу дальнейшего развития деревопереработки на Дальнем Востоке – надо разобраться с уже начатыми проектами, помочь органам власти выйти им на окупаемость продукции, и только потом инициировать новые.

Выводы

За время реализации государственных программ по стимулированию развития лесного комплекса Дальнего Востока значительно выросла доля инвестиций в переработку древесины, появились новые виды продукции.

Остается открытым вопрос: какие из мер федеральной поддержки сработали – кнут или пряник, угроза введения запретительных таможенных пошлин или стимулирующие меры? Думаю, проявились оба фактора, но главенствующим был первый. Действие стимулирующих мер было нейтрализовано отягчающими общими внешними и внутренними условиями экономической среды, в которой оказались не только лесопромышленные предприятия, но и большинство хозяйствующих субъектов в стране. Поэтому пока не произошло перелома в структуре лесного экспорта, сырье по-прежнему доминирует. Из-за существующих ограничений инвесторы предпочитают проекты по переработке с быстрым сроком окупаемости, не требующие значительных

инвестиций. Для реализации проектов по созданию крупных высокотехнологичных производств инвестиционный климат пока неблагоприятен. Декларируемые программные цели перехода Дальнего Востока от экспортно-сырьевого к инновационному типу развития на основе сохранения, воспроизводства, рационального использования биоресурсов, внедрения новых технологий и обеспечения глобальной конкурентоспособности товаров и услуг пока не подкреплены институциональными и финансовыми условиями.

Нужна работа на опережение – создание стабильной институциональной среды для ведения капиталоемкого бизнеса в высокорисковой сфере деятельности, к которой относится лесной комплекс.

Литература

1. Сидоренко А. Н. Анализ состояния отрасли, доля участия предприятий ЛПК ДФО на основных рынках лесопродукции. Доклад на Дальневосточном международном лесопромышленном форуме. – Хабаровск, 17–18 апреля 2014 г. URL: <http://dv.tdrev.ru/congress> (дата обращения: 20.03.2015).
2. На проведение лесоустройства Приморью необходимо не менее 2 миллиардов рублей. Администрация Приморского края, 21.08.2014. [Электронный ресурс] URL: <http://primorsky.ru/news/common/70626/> (дата обращения: 21.04.2015).
3. Приморское лесоустройство в этом году займёт почти полмиллиона гектаров // Аргументы и факты. – 2014. – 5 нояб. URL: <http://www.vl.aif.ru/society/1374679> (дата обращения: 21.04.2015).
4. Антонова Н. Е. Лесной комплекс Дальнего Востока: реалии и возможности российскокитайского взаимодействия // ЭКО. – 2014. – № 6. – С. 40–55.
5. Только крупные холдинги в крае открывают новые производства // Тихоокеанская звезда. – 2012. – 28 дек. URL: http://toz.khv.ru/newspaper/realnaya_ekonomika_/tolko_krupnye_kholdingi_v_krae_otkryvayut_novye_proizvodstva/ (дата обращения: 10.08.2013).
6. Колесникова А. В. Проблемы нелегального лесопользования в регионах России // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2014. – № 11 (114) . – С.131–145.
7. Лесопромышленный комплекс края в современных экономических условиях: Стат. сб. – Хабаровск: Хабаровскстат. 2012, 2013.
8. Доклад о результатах и основных направлениях деятельности министерства природных ресурсов Хабаровского края за 2014 год. URL: <http://mpr.khabkrai.ru/contents/475/> (дата обращения: 23.03.2015) .
9. Лесопромышленный комплекс Приморья: Сборник с аналитической запиской/ Приморскстат, 2014. – 36 с.

10. ЗАО «Туранлес» – компания стратегического значения. Информационный сайт журнала «Благовещенск. Дальний Восток». 30 июня 2014 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.blag-dv.ru/70-ekonomika/lesnoe-khozyajstvo/1573-zao-turanles-kompaniya-strategicheskogo-znacheniya> (дата обращения: 23.03.2015).
11. Инвестиционные предложения Сахалинской области. Официальный сайт правительства Сахалинской области. URL: <http://www.admsakhalin.ru/index.php?id=338> (дата обращения: 23.03.2015).
12. Антонова Н. Е. Лесная политика: региональные проявления. – Хабаровск: КГУП «Хабаровская краевая типография», 2010. – 224 с.
13. Хмырова В. Г. Состояние, направления развития и меры государственной поддержки лесопромышленного комплекса. Доклад на Дальневосточном международном лесопромышленном форуме. – Хабаровск, 17–18 апреля 2014 г. URL: <http://dv.tdrev.ru/congress> (дата обращения: 20.03.2015).
14. Минпромторг выделил более 2 млрд руб. предприятиям лесопромышленного комплекса. URL: <http://rusinvestor.info/novosti/otraslevye-novosti/predpriyatyam-lpkh-vydeleno-bolee-2-mlrd-rublej/> (дата обращения: 25.03.2015).
15. Юрий Трутнев провёл совещание о развитии лесной отрасли на Дальнем Востоке. URL: http://government.ru/vice_news/?publish_dt.since=21.08.2014&publish_dt.till=21.08.2014 (дата обращения: 25.03.2015).
16. РФПИ начал рубку леса. Фонд просит льгот для RFP Group // Коммерсантъ. – 2014. – № 18.
17. Протокол заседания Правительственной комиссии по экономическому развитию и интеграции от 5 февраля 2015 г. № 1. URL: <http://economy.gov.ru/mines/about/structure/depsectoreconom/2015020801> (дата обращения: 01.04.2015).
18. Постановление Правительства РФ от 15 апреля 1996 г. № 480 (в редакции постановления Правительства РФ от 21 ноября 2007 г. № 801). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_90126/?frame=1
19. О тарифных квотах на отдельные виды лесоматериалов хвойных пород, вывозимых за пределы территории РФ и территории государств-участников соглашений о Таможенном союзе. Постановление Правительства РФ № 779 от 30.07.2012. URL: <http://www.rg.ru/2012/08/08/kvoty-les-dok.html>
20. Глазырина И. П., Яковлева К. А., Жадина Н. В. Сравнительный анализ социально-экономической эффективности регионального лесопользования // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2014. – № 11 (114) . – С. 95–103.

Транспортная инфраструктура Дальнего Востока: изменение условий для предприятий

А.Б. БАРДАЛЬ, кандидат экономических наук, Институт экономических исследований Дальневосточного отделения РАН, Хабаровск.
E-mail: Bardal@ecrin.ru

В статье рассматриваются изменения условий доступности транспорта Дальнего Востока для предприятий с точки зрения стимулов и антистимулов развития. Представлены характеристики транспортного комплекса как сферы материального производства: изменение параметров маршрутной сети, динамика объемов перевозок, затраты на создание инфраструктуры и организацию перевозок, интенсивность использования транспортных средств и т. д. Также рассмотрены важные с точки зрения предприятий-потребителей параметры: доступность транспортных сетей, затраты на транспортировку, качество предоставляемых услуг и т. д. При этом отмечается, что минимизация стоимости перевозки не является для потребителей наиболее важным требованием к транспортным услугам.

Ключевые слова: Дальний Восток России, транспортный комплекс региона, доступность транспортных услуг

Транспортный комплекс в экономике Дальнего Востока

Хотя в развитии всех регионов страны транспортная система играет существенную роль, для восточных районов России, с учетом специфики их экономико-географического положения и исторически сформировавшихся особенностей размещения очагов экономической активности, она более значима, чем для западных (табл. 1). На Дальнем Востоке России¹ транспорт не только обслуживает перемещение грузов и пассажиров в пределах региона, но и обеспечивает транспортную доступность западных и центральных районов России, а также взаимодействия с зарубежными странами, в первую очередь – Северо-Восточной Азией.

¹Здесь и далее в тексте Дальний Восток рассматривается в границах Дальневосточного федерального округа.

2*

Таблица 1. Транспорт в экономике РФ и Дальнего Востока России, % (2013 г.)

Показатель	Удельный вес в экономике	
	РФ	ДФО
Валовая добавленная стоимость	6,6	10,0*
Инвестиции в основной капитал	23,3	23,7
Численность занятых	8,0	10,3

* Данные за 2012 г.

Источник: рассчитано по данным Госкомстата РФ с использованием стат. сборников: Национальные счета России в 2006–2013 годах; Инвестиции в России, 2013; Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации, 2014 г.; Россия в цифрах-2014; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2014 г. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 12.02.2015).

Доля транспорта в ВРП субъектов, входящих в Дальневосточный федеральный округ, превышает средние российские показатели и составляет от 3,6 до 20%. К территориям с наиболее значительным вкладом транспорта в экономику относятся Амурская область, Приморский и Хабаровский края. В Амурской области значительная доля транспорта в ВРП объясняется не только ее транзитным положением по пути следования Транссибирской и Байкало-Амурской железнодорожных магистралей, автомобильной трассы Москва – Хабаровск, но и преобладанием в структуре промышленности добычи угля, являющегося транспортоемким грузом. Приморский и Хабаровский края традиционно характеризуются значительной ролью транспорта в экономике, выступая в качестве естественных крупных транспортных узлов Дальнего Востока, где происходит стыковка различных видов транспорта и обеспечиваются зарубежные перевозки грузов.

Под действием трансформации структуры экономики отдельных территорий доля транспорта со временем меняется. Так, в 2004 г. доля транспорта в ВРП Еврейской автономной области достигала 27%, однако развитие сельского хозяйства и строительства, добывающей промышленности привели к снижению этого показателя.

Отметим, что в предыдущие годы на Дальнем Востоке наблюдался существенно более высокий показатель доли инвестиций в основной капитал транспортной отрасли. В 2010 г., например, значительные вложения в строительство объектов транспортной инфраструктуры, приобретение транспортных средств и т. д. при подготовке к проведению саммита АТЭС в Приморском крае

привели к увеличению этого показателя до 43% общего объема инвестиций.

В настоящее время доминантное направление развития транспорта Дальнего Востока – это обеспечение доступа к месторождениям минерального сырья и его дальнейшая транспортировка на рынки стран Северо-Восточной Азии. Однако представляется более важным осуществление функции экономического каркаса территории, обеспечение ее экономической связанности, доступности для региональных производителей рынков центральных и западных районов России, а также зарубежных стран.

Тема данной статьи – изменения транспортного комплекса Дальнего Востока и их влияние (стимулирующее и ограничивающее) на условия функционирования хозяйствующих субъектов экономики (вопрос транспортных услуг для населения, безусловно, заслуживает отдельного изучения). При этом акцент будет сделан на автомобильном и железнодорожном видах транспорта, наиболее активно используемых для перевозок.

Перевозка грузов на территории Дальнего Востока осуществляется всеми видами транспорта². Железнодорожный обслуживает перемещение массовых грузов на дальние и сверхдальние расстояния, морской – внешнеэкономические взаимодействия, а также не столь значительные по масштабам каботажные перевозки, в том числе «северный завоз». Автомобильный транспорт в условиях ограниченного развития дорожной сети выступает в роли «промежуточного звена» между другими видами транспорта, а также обслуживает перевозки внутрирегиональные и на короткие и средние расстояния (рис. 1).

Экономический кризис 2008 г. сказался на работе отдельных видов транспорта с различным временным лагом, продолжительностью падения и масштабам последствий. Если в целом для транспорта ДФО снижение объема перевозимых грузов наблюдалось с третьего квартала 2008 г., то для железнодорожного и морского спад начался только в четвертом квартале 2008 г. (с восстановлением докризисных объемов перевозки на железной дороге уже в 2010 г.). Объемы перевозок трубопроводным транспортом не снижались вовсе. В 2009 г. наиболее значительно

² В данной статье не будем подробно рассматривать развитие, особенности функционирования и экономические параметры трубопроводного транспорта.

сократились перевозки железнодорожным и воздушным транспортом (17%), в 2010 г. снизились на 23% перевозки внутренним водным транспортом.

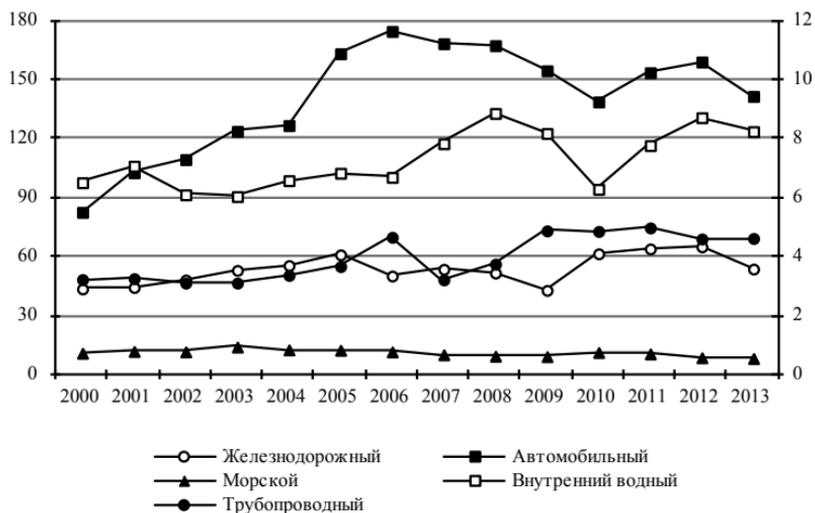

Рис. 1. Динамика грузовых перевозок транспортом ДФО в 2000–2013 гг., млн т

Примечание: внутренний водный и трубопроводный виды транспорта – правая шкала; железнодорожный, автомобильный и морской – левая; воздушный транспорт не представлен ввиду незначительных объемов грузовых перевозок.

Источник. Составлено по: Основные показатели социально-экономического положения регионов Дальневосточного федерального округа. Стат. бюллетень / Территориальный орган ФСГС по Хабаровскому краю – Хабаровск. 2001–2014 гг.

Особенности транспортного комплекса региона

Транспорт по своей сути сочетает элементы материального производства и услуги. В первом случае важными являются показатели изменения параметров маршрутной сети, затрат на создание инфраструктуры и организацию перевозок, интенсивность использования транспортных средств и т. д., которые влияют на пользователей транспортного комплекса, но в большей мере отражают интересы транспортных предприятий, связанные с максимизацией прибыли. Изучение же доступности транспортных сетей (физическая доступность и затраты на транспортировку), качества транспортных услуг и др., по сути, отражает интересы потребителей данных услуг.

В рамках данной статьи мы рассмотрим элементы двух подходов к транспорту – как отрасли материального производства и услуги.

Представим подробнее особенности транспортного комплекса Дальнего Востока, отражающиеся на уровне транспортного обслуживания хозяйствующих субъектов.

Низкая плотность наземных транспортных сетей на Дальнем Востоке: для железных дорог общего пользования она в 3,8 раза, а для автомобильных общего пользования – в 6,4 раза ниже, чем в среднем по стране, что вызвано значительной площадью региона, сложными природно-климатическими условиями, высокой стоимостью строительства и обслуживания объектов транспортной инфраструктуры. Корректность применения данного показателя для сравнения уровня развития наземной транспортной сети на Дальнем Востоке со среднероссийским вызывает вопросы вследствие крайне высокой степени локализации экономической деятельности в регионе.

Концентрация основных транспортных сетей и других объектов транспортной инфраструктуры в южных и центральных районах Дальнего Востока является следствием исторически сложившейся пространственной конфигурации хозяйственной деятельности. В южных и центральных районах расположены крупные экономические центры – города Хабаровск, Владивосток, Комсомольск-на-Амуре, Благовещенск, Находка, Уссурийск. На значительной по площади северной части Дальнего Востока жители региона и хозяйственная деятельность локализованы в немногочисленных населенных пунктах, сильно удаленных друг от друга и районных административных центров. В южной части региона расположены также наиболее важные морские порты и терминалы: Владивосток, Находка, Восточный, Ванино, Посъет, Зарубино, Козьмино.

Экспортная ориентация экономики России определяет *преимущественное развитие на Дальнем Востоке транспортных сетей транзитного назначения, а также сетей в направлении государственной границы*. При этом далеко не все населенные пункты региона имеют круглогодичную наземную транспортную связь. До сих пор нет железных дорог в Камчатском крае, Магаданской области и Чукотском автономном округе. На территории Республики Саха (Якутия) железная дорога доходит практи-

чески до Якутска, ее протяженность – немногим более 900 км. Перевозки в режиме временной эксплуатации осуществляются до станции Нижний Бестях.

Протяженность автомобильных дорог общего пользования на территории ДФО на начало 2014 г. составляла 54302 км (3,8% общероссийского показателя), лишь 65,8% из них имеет твердое покрытие. На пяти автомобильных трассах федерального значения до настоящего времени проводятся масштабные работы по реконструкции и новому строительству.

В структуре перевозок всеми видами транспорта в округе преобладают грузы из других регионов страны в направлении пунктов пропуска на государственной границе (сухопутных либо морских). Внутрирегиональные перемещения грузов менее масштабны и носят сезонный характер, связанный с пиковыми перевозками в летне-осенний период на морском транспорте, когда осуществляется завоз грузов в районы Крайнего Севера (с ограниченным сроком навигации внутренним водным и морским транспортом). Перевозки по автомобильным дорогам северных территорий Дальнего Востока также в основном носят сезонный характер. В межсезонные периоды их эксплуатация крайне затруднительна.

Развитие транспортной системы Дальнего Востока России происходит в *окружении стран Азиатско-Тихоокеанского региона*, обладающих в основном развитыми транспортными комплексами высокого технико-технологического уровня (Южная Корея, Япония) либо стремительно развивающихся таковой (КНР). Это не только дает преимущества в реализации совместных транспортных проектов, но и определяет высочайший уровень конкуренции на международном транспортном рынке АТР. В связи с этим России крайне сложно определить и закрепить свою «нишу» на международном рынке транспортных услуг.

Незначительная емкость внутреннего транспортного рынка определяется невысоким платежеспособным спросом на услуги пассажирского транспорта со стороны немногочисленного местного населения. Региональные производители также не формируют значительных объемов грузовых перевозок. Это ослабляет стимулы для развития регионального транспортного рынка – создания новых транспортных компаний, совершенствования технологий перевозки, развития новых маршрутов и т. д.

Развитие транспортной инфраструктуры: масштабы, направления, специфика и ограничения

Реализацию ряда проектов на Дальнем Востоке России ограничивает транспортная недоступность или нехватка существующей мощности транспортных сетей для перевозки продукции и транспортировки материалов для строительства³. В связи с этим возникают проекты модернизации БАМа, развития припортовых железнодорожных станций, перевалочных мощностей морских портов и т. д.

В настоящее время государство делает акцент на развитие транспортного комплекса восточных районов страны и направляет ресурсы на снятие инфраструктурных ограничений, в том числе с использованием программно-целевого подхода, механизмов ГЧП. Действенным инструментом развития транспортной инфраструктуры Дальнего Востока являются федеральные целевые программы, координирующие реализацию значимых для региона проектов и предоставляющие ключевые инвестиции в ряд инфраструктурных объектов (табл. 2).

В рамках трех ФЦП за 2012–2013 гг. на финансирование объектов транспортной инфраструктуры Дальнего Востока было направлено более 119 млрд руб. Помимо государственных вложений строительство транспортных объектов финансируется за счет средств региональных бюджетов и отдельных компаний.

При этом в целом по ДФО эксплуатационная длина железнодорожных путей общего пользования в период 2000–2012 гг. возросла незначительно – на 198 км, в том числе увеличилась протяженность железных дорог в Республике Саха (Якутия), Приморском крае, Еврейской АО, сократилась (за счет прекращения эксплуатации малодейственных участков) – в Хабаровском крае, Амурской и Сахалинской областях. За 2010–2013 гг. на Дальнем Востоке были введены в действие лишь 6,5 км новых железнодорожных линий и 13,8 км вторых путей (участки, построенные на территории Якутии, не учитываются, поскольку находятся в режиме временной эксплуатации).

³ Освоение месторождений Южной Якутии (Эльгинского, Гаринского, Олекминского и др.), строительство «ВНХК» и завода СПГ в Приморском крае [1].

Таблица 2. Государственные капитальные вложения в объекты транспортной инфраструктуры ДФО в рамках ФЦП в 2012–2013 гг., млн руб.

Объект вложений	2012	2013
<i>«Развитие транспортной системы России (2010–2020 годы)»</i>		
Железнодорожный транспорт:	2700,0	2885,0
Томмот – Нижний Бестях	2700,0	2885,0
Дорожное хозяйство:	16575,6	26711,0
«Амур» (Чита – Хабаровск)	800,0	1035,7
«Виллой» (М-53 – Якутск)	2932,4	2195,8
«Лена» (Невер – Якутск)	5062,4	9335,2
«Колыма» (Якутск – Магадан)	1921,1	2952,5
«Усури» (Хабаровск – Владивосток)	3005,8	10431,1
Мосты и путепроводы	2757,8	635,0
Обустройство автомобильных дорог (освещение, переходы, пункты взвешивания и т. д.)	96,1	125,7
Морской	235,1	731,0
Внутренний водный	335,2	0
Воздушный	1925,9	2561,5
<i>«Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на период до 2018 года»</i>		
Дорожное хозяйство	23888,1	23911,6
Морской	751,7	119,4
Воздушный	7693,4	4444,1
<i>«Социально-экономическое развитие Курильских островов (Сахалинская область) на 2007–2015 годы»</i>		
Воздушный	2017	880
Дорожное хозяйство	658,2	589,5

Источник. Составлено по: Федеральные целевые программы России. URL: <http://fcp.economy.gov.ru/cgi-bin/cis/fcp.cgi/Fcp/Title/> (дата обращения: 02.03.2015).

При незначительном увеличении протяженности железных дорог отметим улучшение качественных характеристик сети. Ключевым для железных дорог Дальнего Востока стало завершение в 2002 г. электрификации Транссибирской магистрали, позволившее увеличить вес проводимых поездов до 6,3 тыс. т, а скорость – до 120 км в час. Также в последнее десятилетие проводились работы по совершенствованию отдельных элементов железнодорожной инфраструктуры региона. Назовем наиболее важные из них.

- Построены железнодорожные линии Нерюнгри – Томмот (Якутия, протяженность 400 км), Известковая – Чегдомын (Хабаровский край, 40 км); разъезд Хумма (Хабаров-

ский край); второй путь на участке Оунэ – Косграмбо; двупутная вставка на перегоне Пивань – Кумтэ.

- Построены железнодорожные туннели Тарманчуканский (Амурская область, 2030 м); новый Лагар-Аульский (Еврейская АО, 1278 м); Новый Кипарисовский (Приморский край, 952 м); новый Кузнецовский туннель (Хабаровский край, 3,8 км).

- Проведен капитальный ремонт железнодорожных туннелей старого Рачинского (Амурская область, 924 м), старого Кипарисовского (Приморский край, 946,5 м), Владивостокского (Приморский край, 1380 м), старого Лагар-Аульского туннеля (Еврейская АО, 1260 м).

- Модернизированы железнодорожные линии на участке Барановский – Хасан (граница с КНР) (Приморский край, 240 км); Комсомольск-на-Амуре – Советская Гавань (Хабаровский край).

- Проведены реконструкция локомотивного депо Хабаровск-2 (Хабаровский край); припортовых железнодорожных станций морских портов Владивосток, Находка, Восточный (Приморский край), станций на участке Комсомольск-на-Амуре – Советская Гавань (Хабаровский край); модернизация железнодорожных станций на пограничных пунктах пропуска (Приморский край) и т. д.

Помимо этого с 2003 г. по настоящее время реализуется проект перевода железнодорожной сети острова Сахалин на общероссийский стандарт ширины колеи с одновременной полной реконструкцией путевого хозяйства.

С учетом экспортной направленности грузовых потоков проводятся реконструкция и модернизация железнодорожных станций – пунктов пропуска через государственную границу. Модернизирована станция Гродеково, обслуживающая наиболее значимый для ДФО железнодорожный пограничный пункт пропуска Гродеково (РФ) – Суйфэньхэ (КНР). Объем перевозок в 2013 г. – 9,3 млн т (лесные грузы, каменный уголь, металлические руды). При этом у станции имеется резерв пропускной способности.

В августе 2013 г. возобновил работу железнодорожный пограничный пункт пропуска Махалино (РФ) – Хуньчунь (КНР)⁴ (с декабря 2013 г. – в полном режиме). По техническому оснащению этот грузопассажирский многосторонний железнодорожный пункт про-

⁴ Открыт (распоряжение Правительства РФ от 05.07.1994 г.) в связи с быстрым ростом грузопотока между РФ и КНР. Для организации перевозок по инициативе МПС было учреждено ОАО «Золотое звено». В собственность компании вошли участок дороги Махалино – Камышовая, пограничная станция Камышовая, а также несколько вагонов и тепловоз. Перевозки по линии Махалино – Хуньчунь начались в 2000 г., однако вскоре прекратились и возобновились лишь в конце 2003 г. из-за недостаточного грузопотока (выдвигаются различные причины, в том числе неурегулированность формирования железнодорожных тарифов). С 2005 г. пункт пропуска не функционирует. В 2010 г. ОАО «Золотое звено» признано банкротом. Летом 2011 г. в права владения инфраструктурой участка вступило ОАО «РЖД».

пуска является в настоящее время лучшим на восточном полигоне сети железных дорог. В 2014 г. через переход Махалино – Хуньчунь осуществлялись перевозки каменного угля, минеральной воды.

Последним по времени реализации и наиболее острым нерешенным вопросом для железнодорожной сети Дальнего Востока является ситуация с дорогой Улак – Эльга, построенной компанией «Мечел» (протяженность – 321 км, соединяет БАМ с Эльгинским угольным месторождением). Неопределенный статус дороги, которую компания «Мечел» пытается на различных условиях передать ОАО «РЖД», приводит к нецелесообразности обсуждения дальнейших вариантов развития транспортной инфраструктуры данного проекта⁵.

Несмотря на предпринимаемые меры по развитию железнодорожной сети, общая протяженность «узких мест» дороги в пределах ДФО, по оценкам, составляет до 3,5 тыс. км [2].

Более 70% государственных инвестиций ФЦП в 2012–2013 гг. было вложено в поддержание и развитие дорожного хозяйства Дальнего Востока. В целом за 2009–2013 гг. протяженность автомобильных дорог ДФО возросла на 35576 км (57%) (табл. 3).

Состояние автомобильных дорог существенно различается по субъектам РФ на территории ДФО. Наиболее значимый прирост автодорожной сети в последние годы наблюдался в Приморском крае и Республике Саха (Якутия). Развитие автодорог (а также других объектов транспорта – аэропорта, морского порта и т. д.) в Приморском крае было связано с подготовкой к проведению саммита АТЭС во Владивостоке в 2012 г.

Быстрыми темпами развивается сеть автомобильных дорог Якутии: их протяженность в 2009–2013 гг. увеличилась более чем на 14 тыс. км (на 70%) за счет дорог необщего пользования, длина которых за указанный период возросла в 12,5 раза. Например, дорога Витим – Талаканское месторождение (115 км) принадлежит ОАО «Сургутнефтегаз», технологическая вдольтрассовая дорога нефтепровода «ВСТО» от пересечения с дорогой ком-

⁵ К 2020 г. объем добычи угля на Эльгинском месторождении может составить до 18 млн т в год с дальнейшим увеличением до 30 млн т, и для его транспортировки провозной способности БАМа не хватит. Необходимо как минимум модернизировать железнодорожную станцию Улак, реконструировать участки Тында – Комсомольск-на-Амуре и Уссурийск – Хасан, а также построить второй главный путь на участке Комсомольск-на-Амуре – Ванино.

пании «Сургутнефтегаз» до г. Ленска (245 км) принадлежит ООО «Транснефть-Восток» и др. Режим проезда по данным дорогам зависит лишь от внутренних решений компаний. При этом возникают различные инциденты, связанные с недовольством условиями оплаты проезда при коммерческих перевозках грузов, проезда людей, не проживающих в близлежащих поселках, и т. д. [3]. Тариф, установленный, например, за проезд по дороге ОАО «Сургутнефтегаз», зависит от целей перевозки, класса проезжающей машины и других факторов. Средний тариф составляет 56 руб./км (минимальный – около 16 руб./км, максимальный – 137,91 руб./км) [4].

Таблица 3. Изменение параметров автомобильной сети РФ и ДФО в 2009–2013 гг.

Территория, субъект РФ	Протяженность, км			Доля дорог, %			
				с твердым покрытием		общего пользования	
	2009	2011	2013	2009	2013	2009	2013
РФ	982626,4	1093821	1557277,0	79,0	70,3	80,7	89,6
ДФО	62231,5	62419,5	97808,1	69,6	62,8	86,7	84,4
Респ. Саха (Якутия)	20246,6	20600,7	34587,3	42,0	34,2	97,2	79,2
Камчатский кр.	1948,2	1956,2	2233,5	89,2	87,3	90,8	92,5
Приморский кр.	11166,4	10460,3	18694,9	89,5	86,4	80,0	89,9
Хабаровский кр.	9120,1	9185,5	12900,8	85,9	87,1	63,9	72,6
Амурская обл.	10486	10500,3	17056,2	89,6	72,5	84,8	89,2
Магаданская обл.	2348,4	2425,7	2978,4	96,5	88,1	94,3	91,6
Сахалинская обл.	3282,7	3441,4	4590,4	41,4	46,4	92,2	93,2
Еврейская АО	1721	1861,4	2692,9	94,6	89,7	98,5	99,0
Чукотский АО	1912,1	1988,0	2073,7	29,8	34,5	99,6	98,8

Источник: составлено по данным Единой межведомственной информационно-статистической системы. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/databases/emiss/ (дата обращения: 24.03.2015) .

Дальний Восток – единственный федеральный округ, где активно строятся автомобильные дороги необщего пользования. За 2009–2013 гг. прирост протяженности дорог общего пользования на Дальнем Востоке составил 53%, тогда как необщего – 84%. Это свидетельствует не только о неудовлетворенности существующим уровнем развития сети автодорог, но и об отсутствии уверенности в разрешении данного вопроса государством и желании крупных компаний самостоятельно снять инфраструктурные ограничения,

невзирая на значительные затраты. В подобной логике, помимо Якутии, развивается строительство автомобильных дорог необходимого пользования в самых северных субъектах РФ на территории ДФО (хотя масштабы строительства несопоставимы с Якутией): Магаданской области (прирост их протяженности составил 86% за 2009–2013 гг.) и Чукотском автономном округе (рост в 3,5 раза).

За 2000–2013 гг. наиболее масштабное строительство автомобильных дорог на территории ДФО проводилось в Якутии. В результате протяженность автодорог с твердым покрытием в этой республике возросла на 5667 км. В сентябре 2007 г. автомобильная дорога «Виллой» (Мирный – Якутск) – главная транспортная артерия западных районов Якутии – была включена в перечень дорог федерального значения.

На территории ДФО были реализованы следующие основные проекты по развитию автодорожной сети: строительство трассы Чита – Хабаровск (2010 г.); сдана в эксплуатацию автомобильная дорога «Виллой» (Республика Саха, 1184 км). Продолжаются работы по реконструкции отдельных участков всех имеющихся на территории региона федеральных трасс: «Амур» (Чита – Хабаровск), «Усури» (Хабаровск – Владивосток), «Восток» (Хабаровск – Находка), «Лена» (Большой Невер – Якутск), «Колыма» (Якутск – Магадан) и т. д.

Доступность транспорта для предприятий

Удовлетворенность предприятий-потребителей уровнем предоставляемых транспортных услуг является одной из значимых характеристик работы транспортного комплекса региона, однако, поскольку данный показатель сложно оценить количественными методами, в рамках одной из комплексных работ ИЭИ ДВО РАН проведен выборочный опрос предприятий Хабаровского края, включавший, в том числе, и вопросы относительно оценки предприятиями качества транспортных услуг, их ассортимента и т. д.⁶ Были получены следующие результаты (табл. 4).

⁶ В работе принимали участие сотрудники ИЭИ ДВО РАН Е.Л. Ли, Е.О. Скрипник. В анкетировании участвовали 65 предприятий Хабаровского края, относящихся к промышленности, сельскому хозяйству, строительству и лесопромышленному комплексу. Опрос проводился в 2010 г., планируется его повтор с целью изучения динамики оценок.

Таблица 4. Оценка качества транспортных услуг предприятиями Хабаровского края

Вариант ответа	Распределение ответов, %
<i>Оценка степени удовлетворенности ассортиментом и качеством услуг:</i>	
Очень низкая	3
Низкая	2
Средняя	21
Выше среднего	71
Высокая	3
Очень высокая	0
<i>Оценка степени удовлетворенности ассортиментом услуг:</i>	
Очень низкая	2
Низкая	5
Средняя	62
Выше среднего	25
Высокая	7
Очень высокая	0
<i>Наиболее значимые требования, предъявляемые к перевозочному процессу:</i>	
Предоставление информационных услуг	17
Комплексность услуг (перевозки «от двери до двери»)	17
Наличие скидок	16
Доставка по согласованному графику	15
Сохранность груза	12
Скорость доставки	11
Стоимость перевозки	9
Другое	2

Источник: составлено по данным автора.

При рассмотрении результатов нужно иметь в виду, что 63% анализируемых предприятий Хабаровского края пользуются при организации перевозок услугами сторонних организаций (транспортных компаний), а 37% имеют собственные транспортные подразделения. В соответствии с полученными результатами можно сделать вывод о достаточно высокой степени удовлетворенности опрошенных качеством транспортных услуг. При этом их ассортимент был оценен респондентами не столь оптимистично.

Интересным представляется тот факт, что стоимость перевозки была поставлена опрошенными далеко не на первое место

среди требований, предъявляемых предприятиями-потребителями к транспортному процессу. По мнению представителей предприятий, более важны возможность получения информационных услуг и скидок, организация комплексной перевозки, соблюдение графика, сохранность груза и др.

Тем не менее затраты предприятий на перевозки – одна из ключевых характеристик экономической доступности транспорта. На предприятиях ДФО доля транспорта в затратах на производство и реализацию продукции различна по видам деятельности и изменяется со временем. Так, за 2007–2013 гг. удельный вес расходов на транспорт в затратах по отдельным отраслям и видам экономической деятельности изменился следующим образом⁷ (%):

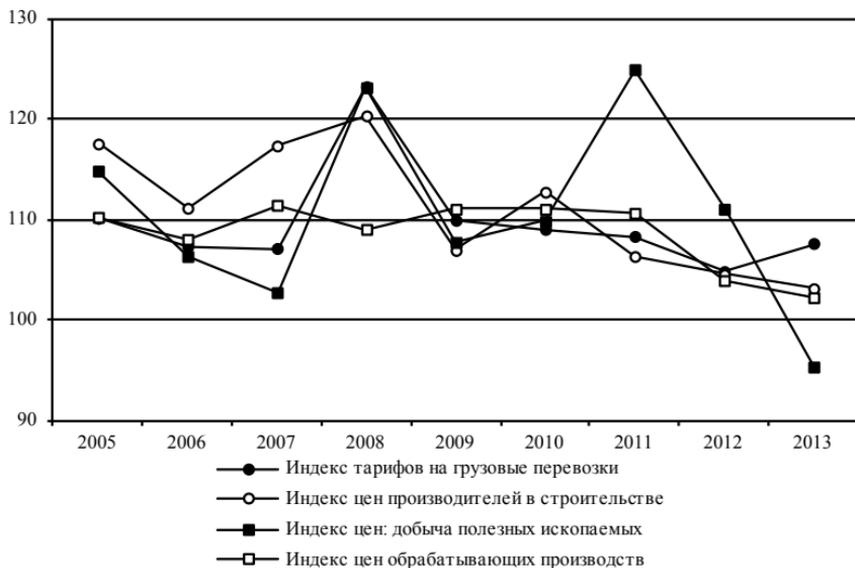
- производство каменного, бурого угля и торфа – с 6,3 до 5,1;
- добыча металлических руд – с 2,3 до 2,5;
- производство пищевых продуктов, включая напитки – с 1,7 до 3,9;
- переработка и консервирование рыбо- и морепродуктов – с 2,6 до 3,4;
- текстильное производство – с 1,3 до 1,0;
- металлургическое производство – с 4,6 до 4,8;
- обрабатывающие производства – с 1,7 до 2,4;
- строительство – с 1,8 до 2,7;
- оптовая и розничная торговля – с 19,1 до 16,4.

К сожалению, отсутствуют доступные сопоставимые статистические данные для анализа изменения доли транспортных затрат по всем видам деятельности предприятий Дальнего Востока. Однако из имеющихся можно сделать вывод, что для большинства видов деятельности доля транспортных затрат возрастает, при этом масштаб затрат на оплату транспортировки невелик. Исключениями являются специфические виды деятельности, например, торговля.

Происходит ли повышение доли транспортных затрат в связи с опережающим ростом транспортных тарифов по отношению к ценам производителей? Чтобы ответить на данный вопрос,

⁷ Рассчитано по данным Центральной базы статистических данных. URL: <http://cbsd.gks.ru/> (дата обращения: 08.04.2015).

рассмотрим сравнительное изменение цен в отраслях экономики и тарифов на грузовые перевозки в ДФО (рис. 2).

Источник: Составлено по: Регионы России. Социально-экономические показатели. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156 (дата обращения: 06.03.2015).

Рис. 2. Динамика индексов цен и тарифов в ДФО в 2005–2013 гг., % к предыдущему году

За 2004–2013 гг. изменения цен производителей и тарифов на грузовые перевозки на Дальнем Востоке составили: 2,28 раза – транспорт; 2,39 – производители промышленной продукции (в целом); 2,41 – добыча полезных ископаемых; 2,09 – обрабатывающие производства; 2,44 – производители сельскохозяйственной продукции; 2,54 – строительство. Соответственно, нельзя сделать вывод о наличии дополнительной нагрузки на производителей вследствие роста грузовых тарифов, не компенсируемого изменением цен производителей (за исключением обрабатывающих производств).

В качестве одного из примеров, иллюстрирующих влияние транспортной инфраструктуры на развитие производства на территории ДФО, рассмотрим проект создания Дальневосточного горно-металлургического кластера (группы взаимосвязанных

предприятий, включающих Олекминский, Гаринский, Кимкано-Сутарский ГОКи, металлургический комбинат в г. Свободный, гидрометаллургический комплекс в Магдагачинском районе). Для перевозок минеральных ресурсов Гаринского ГОКа требуется строительство железнодорожной ветки Шимановская – Февральск в Амурской области (Шимановская – Гарь на первом этапе). Железная дорога будет связующим звеном между предприятиями данного кластера и позволит перевозить продукцию Гаринского ГОКа для глубокого обогащения на Кимкано-Сутарский ГОК и далее на металлургический комбинат в г. Свободный. Помимо этого необходимо строительство следующих объектов транспортной инфраструктуры: автомобильной дороги Введенка – Февральск – Экимчан – Златоустовск (с мостовым переходом через реку Селемджа на 303-м км дороги), притрассовых автомобильных дорог в районе БАМа, а также реконструкция аэропортовых комплексов в г. Экимчане и поселке Февральск. В более длительной перспективе для создания экспортного канала в соседний Китай проектом предусматривается строительство однопутной железной дороги Известковая – Ленинск и мостового перехода через реку Амур.

В настоящее время Россия находится на 74-м месте в мире по качеству транспортной инфраструктуры, по качеству автомобильных дорог – на 124-м [5]. А ситуация с развитием транспортной сети в восточной части нашей страны значительно хуже средних по стране показателей.

Недостаточное развитие транспортных коммуникаций Дальнего Востока России усиливает дифференциацию экономического развития внутреннего экономического пространства России, снижает возможности взаимодействия региональных производителей с западными партнерами и рынками, а также их конкурентоспособность на международных рынках. Последнее усиливается нарастающим отставанием уровня технико-технологического развития транспортного комплекса Дальнего Востока по сравнению с развитыми (Республика Корея, Япония) и развивающимися чрезвычайно высокими темпами (КНР) транспортными системами соседних стран. У региональных производителей зачастую

отсутствуют альтернативы (в части выбора вида транспорта, конкретного маршрута перевозки с целью минимизации затрат) при организации перевозок промежуточной (от поставщиков) и готовой продукции на рынки.

Транспортная инфраструктура Дальнего Востока, в целом справляясь с перевозками грузов, имеет сезонные ограничения (например, ежегодные скопления железнодорожных составов в морских портах в последние месяцы года), а также ограничения на отдельных направлениях перевозок (протяженность «узких мест», т. е. участков, имеющих коэффициент заполнения пропускной способности выше допустимого уровня по устройствам электроснабжения, перегонам либо станциям, в железнодорожной сети увеличивается). Отсутствие или недостаточная мощность отдельных элементов транспортной инфраструктуры выступает ключевым лимитирующим (не единственным, но важным) параметром для целого ряда крупных проектов на территории Дальнего Востока.

Литература

1. Галкина М. Грань реальности. Инф.-аналит. агентство «Восток России» [Электронный ресурс] URL: <http://eastrussia.ru/region/1/4440/> (дата обращения: 20.04.2015).
2. Ротов Т. Узкие места железных дорог // Комсомольская правда. – 2015. – 28 янв. URL: <http://www.kp.ru/> (дата обращения: 25.04.2015).
3. ОАО «Сургутнефтегаз»: Дорога Витим – Талаканское месторождение – наша собственность. САХАмедиа. URL: http://ysia.ru/news/30137/oao_surgutneftegaz_doroga_vitim_talakanskoe_mestorozhdenie_nasha_sobstvennost_.html (дата обращения: 04.04.2015).
4. Могилевская Г. Нужно жить не по понятиям, а по законам. САХАмедиа. URL: http://ysia.ru/news/33462/aleksandr_ogli_nuzhno_zhit_ne_po_ponyatiyam_a_po_zakonom.html (дата обращения: 08.04.2015).
5. The Global Competitiveness Report 2014–2015. World Economic Forum/ [Электронный ресурс] URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GlobalCompetitivenessReport_2014-15.pdf (дата обращения: 27.05.2015).

«Экологическая цивилизация» Китая: новые вызовы или новые перспективы для России?*

И.П. ГЛАЗЫРИНА, доктор экономических наук, Институт природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН, Забайкальский государственный университет, Чита. E-mail: iglazyrina@bk.ru

Е.А. СИМОНОВ, доктор охраны природы, биосферный заповедник «Даурский», международный координатор коалиции «Реки без границ», г. Дальний, КНР. E-mail: esimonovster@gmail.com

В статье анализируется возможное влияние новой парадигмы развития Китая – создания «экологической цивилизации» и нового Шелкового пути – на развитие России, и прежде всего – ее восточных регионов. Особое внимание уделено возникающим в связи с этим экономическим и социально-экологическим рискам. Рассмотрены вопросы, касающиеся российско-китайского сотрудничества в области лесопользования, энергетики и финансов. Показано, что продвижение китайской «экологической цивилизации» потенциально несет не только дополнительные возможности для развития, но и риски углубления трансграничной асимметрии и экологически неравноценного обмена. Для того чтобы минимизировать эти риски, а также обеспечить положительные результаты сотрудничества, необходимы изменения в ориентации российских институтов, регулирующих международные экономические отношения, с количественных на качественные показатели иностранных инвестиций в природно-ресурсные проекты.

Ключевые слова: «экологическая цивилизация», Шелковый путь, трансграничная асимметрия

Сибирь, Дальний Восток, Байкал – для нашей страны это и вечная любовь, и «территория мечты», и боль, и надежда целых поколений... Несметные богатства, невероятные красоты и тут же – бедность, деградация экономики и природной среды, устойчивый отток населения [1, 2]. Сменяющие одна другую программы развития востока страны декларируют цели, с которыми нельзя не согласиться, но не генерируют действенных стимулов и управленческих механизмов, необходимых для мощного рывка вперед... Общество в лице самых разных специалистов, от сотрудников РАН до Счетной палаты РФ, высказывает сомнения

* Изложенные в статье результаты получены в рамках исследований по Проекту СО РАН IX.88.1.6 и проекту РФФИ № 13–06–00034, а также в рамках работ РБГ, поддержанных фондами ГГФ (Global Greengrants Fund) и Витли

в достижимости целей этих документов [3], в том числе последней версии Госпрограммы по развитию Дальнего Востока и Байкальского региона, утвержденной постановлением Правительства РФ № 308 от 15 апреля 2014 г.: судя по ее целевым показателям, у нас «всё как всегда». Но оптимизм авторов программ от этого не страдает, и приходится согласиться с тем, что в России мы продолжаем наблюдать «экономiku иррациональных ожиданий» [4].

Надежды на «драйв» динамичного Китая оправдались лишь в очень незначительной степени, и это соседство создало новые проблемы [5, 6]. В этом контексте очень важен анализ происходящего у наших соседей: на эти процессы нельзя не реагировать. Приходится констатировать, что динамика экономики Китая является одним из определяющих факторов развития не только востока России, но и всей нашей страны.

Китай в очередной раз проявляет себя как великая держава и выходит в глобальное пространство с новой идеологией, которой не откажешь в амбициозности и креативности. Не грозит ли России стать не только «сырьевым придатком», но и полигоном для отходов новой «экологической цивилизации»? Станут ли заявленные ценности новой концепции стимулами или антистимулами для устойчивого развития нашей страны и как повлияют на решение ключевой задачи – повышение качества жизни на востоке страны? Не станет ли Шелковый путь «шелковым спрутом» для сопредельных с Китаем государств?

Экологическая цивилизация: концепция и дорожная карта

В марте 2015 г. Китайская Народная Республика выпустила два основополагающих документа для руководства стратегическим планированием: один – для внутреннего, а другой – для внешнего пользования.

Внутри Китая важнейшие последствия будет иметь документ «Позиция ЦК КПК и Госсовета КНР об ускорении строительства экологической цивилизации»². Несмотря на название, он не имеет ничего общего с научной фантастикой, а напротив, рутинно выпущен во исполнение решений 18-го Всекитайского

² URL: http://news.xinhuanet.com/politics/2015-05/05/c_1115187518.htm (дата обращения: 22.05.2015); URL: http://m.russian.china.org.cn/russian/doc_1_26350_354805.html (дата обращения: 22.05.2015) .

съезда КПК, выдвинувшего план из «пяти взаимосвязанных компонентов строительства Красивого Китая»: экономического, политического, культурного, социального строительства и создания экологической цивилизации. Руководство Китая осознает, что без решения основных экологических проблем страну, несмотря на экономические и политические успехи, ждет чудовищный крах, и он не за горами.

Главная идея реформы – внедрение экологических ценностей и задач во все аспекты развития общества и воспитания людей. Цели строительства экологической цивилизации и ранее поставленные цели всестороннего построения «среднезажиточного социалистического общества» будут взаимно адаптированы. «Позиция об ускорении продвижения строительства экологической цивилизации» предлагает 10 жестких мер по созданию системы экологической ответственности и новых природоохранных стандартов. Они касаются энергоэффективности, ресурсосберегающих технологий, безотходных циклических производственных процессов, функционального экологического зонирования всех территорий, четкого проведения «красной черты» – назначения пределов допустимой нагрузки на природные объекты, внесения экологических критериев в систему аттестации госслужащих всех уровней и т. д. Всего «Позиция» содержит 30 конкретных задач и считается «дорожной картой» для более детального государственного планирования во всех сферах на пути трансформации китайского общества в экологическую цивилизацию.

Проживание руководящей верхушки страны в центре Пекина, где многие горожане носят респираторы, чтобы не задохнуться, способствует укреплению этой новой партийной линии. Многие высшие чиновники КНР ныне считают, что долгосрочное чрезмерное стремление к росту ВВП по экстенсивной модели развития привело к серьезным экологическим проблемам. В марте член Политбюро КПК вице-премьер КНР Чжан Гаоли заявил: «Мы заплатили слишком высокую цену за экономический рост», имея в виду его негативное влияние на экологическую обстановку. Заметим, что Чжан Гаоли является основным переговорщиком по газовым контрактам с Россией, которые призваны снизить зависимость Китая от угля и тем самым уменьшить загрязнение воздуха и воды.

Задачу более рационального распределения производственных сил и снижения нагрузок на среду и социум на территории страны, при сохранении темпов экономического роста и расширении зон влияния, решает параллельная масштабная программа «Шелковый путь».

«Слышен на Волге голос Янцзы...»

Китай начал пропаганду Экономического пояса Шелкового пути (или, как уточнено ныне, «одной дороги и – одного пояса») в 2013 г. Проект региональной интеграции предполагает не только создание нового евразийского транспортного и энергетического коридора, но и укрепление экономического и культурного взаимодействия во всей Евразии. Экономический пояс Шелкового пути станет «фокусом» внешнеполитической деятельности КНР в 2015–2025 гг. и важной частью плана 13-й пятилетки.

В течение предыдущих двух лет Пояс выглядел скорее лозунгом, чем планом, но 28 марта 2015 г. три ключевых министерства выпустили судьбоносный документ на семи языках с очень тяжелым названием «Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию Экономического пояса Шелкового пути и Морского шелкового пути XXI века»³ (рисунок).

Это – «правила игры» по сотрудничеству с КНР в создании инфраструктуры, развитию торговли и производства на пространстве от Тихого океана до Северной Африки. *«Предлагаемый проект – это активные поиски новой модели международного сотрудничества и общемирового менеджмента, он, несомненно, послужит позитивной силой и энергией для мирного развития на всей планете. Проект взаимосвязи и интеграции поможет странам Азии, Европы и Африки свернуть и соединить стратегии развития между собой, раскрыть потенциал регионального рынка, активизировать инвестиции и потребление, создать спрос и рабочие места, расширить гуманитарные обмены между народами и взаимообогащение культур».*

То есть Китай отдает себе отчет в том, что **берет на себя миссию демурга-катализатора «новой модели мирового менеджмента»**, в условиях, когда старые модели забуксовали

³ URL: <http://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/t1254925.shtml> (дата обращения: 20.05.2015) .

в кризисах. И, судя по реакции большинства стран региона, они готовы участвовать в таком эксперименте. При этом Китай довольно убедительно утверждает, что Шелковому пути прочие интеграционные потуги – только подспорье, ШОС – цементирующая основа, «Степной путь» Монголии – северное спрямление, Евразийский экономический союз – пространство без таможенных барьеров. Всяко лыко в строку. «Регион Шелкового пути» охватывает территорию с 4,5 млрд населения (60% населения Земли) и агрегированным валовым продуктом в 21 трлн долл. (30% мирового). «Фонд Шелкового пути», созданный Китаем для инвестиций в инфраструктуру и сопутствующие отрасли промышленности, составит 40 млрд долл. Сразу ясно, что на весь Путь его не хватит.

Источник: URL: <http://hiztory.ru/rus13-15vek/mongols.html> (дата обращения: 22.05.2015).

Географические границы действий в рамках инициативы «Шелковый пояс» примерно совпадают с территорией Монгольской империи конца XIII в. А Морской шелковый путь выходит далеко за ее рамки.

Россия будет далекой северной периферией этого огромного поля действий, но и для нее развернуты большие планы. В северо-западном и северо-восточном регионах Китай собирается использовать географические преимущества Синьцзяна как окна

на Запад, углубить обмен и сотрудничество со странами Центральной Азии, создать транспортный узел, центры бизнес-логистики и культуры, науки и образования, а также ключевой район Экономического пояса Шелкового пути... Вот, собственно, зачем России разрешили (часть трубы идет по территории КНР) строить за свои деньги газопровод «Алтай» – с ним хорошо сочетается прямая дорога из нового центра цивилизации в Западную Сибирь. КНР также хочет «использовать преимущество Автономного района “Внутренняя Монголия” как территории, примыкающей к России и МНР, улучшить железнодорожное сообщение Хэйлунцзяна с Россией, а также сотрудничество Хэйлунцзяна, Цзилиня, Ляонина с Дальним Востоком РФ в области комбинированной сухопутной и морской транспортировки».

Политики и экономисты Китая не уставая твердят о «восстановлении древнего исторического трансконтинентального коридора Шелкового пути». Возможно, эти соображения способствовали включению в концепцию Шелкового пути специального раздела⁴ «Продвижение сотрудничества между регионами верхнего и среднего течения реки Янцзы и Приволжского федерального округа РФ». Помнится, в прошлом именно такой вектор сотрудничества имел место в эпоху империи Чингизидов, точнее, при династии Юань, и была это столбовая дорога между Империей великого хана и Улусом Джучи⁵ со столицей на Волге. А тогдашняя Русь тоже была далекой бедной периферией, но те времена сохранились в народной памяти и языке очень отчетливо.

Естественно, Китай будет продвигать создание Евразийского высокоскоростного транспортного коридора «Москва – Пекин», чтобы «прорубить окно» на север. По мнению директора Института евразийского социального развития при Центре по изучению проблем развития Госсовета КНР Ли Фэнлиня, в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке России пока еще не полностью реализован потенциал Транссибирской и Байкало-Амурской магистралей. А создание Экономического пояса Шелкового пути предоставляет благоприятный шанс для ускоренного освоения Дальнего Востока и Сибири с помощью этих магистралей. Но параллельно КНР завершит строительство еще одного Евразийского железнодорожного

⁴ URL: krpo.ru/projects/P2Дорожнаякарта.pdf (дата обращения: 25.05.2015).

⁵ В русской историографии Улус Джучи известен как «Золотая Орда».

транспортного коридора в обход Азиатской России, с координационным механизмом таможенных постов в восьми странах, и создаст бренд контейнерного поезда «Китай – Европа».

Россия 8 мая 2015 г. подписала протокол о взаимной интеграции Шелкового пути и Евразийского союза в грядущем десятилетии. Кремль выразил надежду, что в рамках Шелкового пути Китай будет вести переговоры не со странами союза по отдельности, а с его центральным органом. Согласно более частным российско-китайским договоренностям, подписанным в тот же день, партнеры начнут создание на территории России дорог и портов для экспорта кокса, нефтеперерабатывающих заводов, золотых рудников, марганцевых и иных сырьевых производств. Возможно, все это поможет Китаю более эффективно строить у себя дома экологическую цивилизацию.

Сохраним ли мы «зеленое море тайги»?

К «иным сырьевым производствам», прежде всего, относятся лесозаготовки на территории России. К «лесным» можно отнести большинство регионов нашей страны. Однако уже сейчас становится очевидным истощение доступных лесных ресурсов даже в Сибири и на Дальнем Востоке. Процессы интенсивного освоения природных ресурсов оказывают значительное негативное воздействие на лесные экосистемы [7–9], все чаще возникают риски необратимых изменений природной среды. Поэтому сейчас самый актуальный вопрос – о повышении эффективности использования лесных ресурсов без увеличения объемов рубок.

Здесь необходимо отметить огромную дифференциацию по удельным показателям эффективности использования ресурсов в различных регионах России, которую невозможно объяснить разницей породного состава и качеством леса. Например, в Забайкальском крае показатель стоимости обработки древесины и производства изделий из нее в расчете на 1 м³ заготовленной древесины составляет около 84 руб., в соседней Бурятии – 170 руб., в соседней Амурской области – 314,5 руб. А в лтайском крае, Томской и Новосибирской областях – разница уже на порядок: 1682 руб., 1183 руб. и 1853 руб., соответственно. Почти все регионы, имеющие удобные инфраструктурные условия для поставок древесины в Китай, определенно отстают по удельному показателю обработки древесины в расчете на 1 м³

лесозаготовок. Исключением является только Приморский край, где заготавливают древесину особо ценных пород.

Показателем эффективности лесопромышленного комплекса в контексте обеспечения благосостояния населения лесных регионов может служить объем заработной платы в секторе лесопереработки, приходящийся на 1 м³ заготовленной древесины (таблица).

**Удельная среднегодовая заработная плата в регионах от ВЭД
«Обработка древесины и производство изделий из дерева»
в расчете на 1 м³ заготовленной древесины: регионы-лидеры
и «аутсайдеры» в 2011–2013 гг., руб./ м³**

Регионы	Объем заготовленной древесины, м ³			Заработная плата			
	2011	2012	2013	2011	2012	2013	2011–2013
Брянская обл.	1 708,84	1 794,27	1 718,94	254,07	280,14	275,77	269,99
Владимирская обл.	2 251,70	2 160,20	2 114,40	469,41	538,92	639,60	549,31
Костромская обл.	4 690,66	3 923,12	4 274,36	323,36	399,71	399,38	374,15
Смоленская обл.	1 852,00	1 801,20	1 762,50	289,84	361,02	316,45	322,44
Тверская обл.	3 048,40	3 357,77	3 743,86	411,30	392,96	331,74	378,67
Новгородская обл.	3 924,40	3 516,00	3 395,30	297,02	339,16	392,88	343,02
Респ. Башкортостан	3 145,50	3 275,06	3 059,59	276,46	251,44	343,74	290,55
Челябинская обл.	1 389,68	1 339,90	1 187,03	271,70	311,79	416,72	333,40
Респ. Бурятия	2 603,38	2 293,80	2 102,93	27,77	30,14	77,16	45,02
Забайкальский кр.	2 487,40	2 369,51	2 406,23	22,62	17,35	31,53	23,84
Иркутская обл.	26 075,7	25 134	26 888,3	92,35	100,53	98,98	97,29
Хабаровский кр.	7 245,00	6 939,60	5 864,90	47,38	60,77	76,84	61,66
Амурская обл.	1 838,61	1 804,08	1 469,01	20,02	24,21	37,67	27,30

Источник: расчеты К. А. Яковлевой.

Таким образом, почти все восточные регионы страны, где ЛПК в течение, по крайней мере, двух десятилетий был ориентирован на экспорт древесины в КНР, оказываются в аутсайдерах по показателю социально-экономической эффективности. Табличные данные свидетельствуют о масштабах этой дифференциации: объемы рубок в Забайкальском крае и Республике Бурятия сопоставимы с Владимирской областью, но разница в удельных показателях – практически на порядок. Аналогичная картина складывается и по бюджетной эффективности лесопереработки, как по отношению к федеральному, так и к региональным бюджетам [10]. Это говорит о том, что сочетание экономических

и институциональных факторов в восточных приграничных районах России и регионах, имеющих приемлемые инфраструктурные условия для экспорта в Китай, не способствует развитию глубокой переработки древесины и, как следствие, повышению бюджетной эффективности лесопользования.

Китай до сих пор предъявляет высокий спрос на лесоматериалы. В то же время на своей территории он практически прекратил вырубку лесов, исключительно из экологических соображений [11]. Есть все основания опасаться, что следствием создания «экологической цивилизации» в Китае станет значительное увеличение рубок леса на территории России для экспорта в КНР. Но рост объемов рубок на востоке страны уже сейчас экологически опасен, напротив, остро стоит вопрос о создании новых особо охраняемых природных территорий для сохранения биоразнообразия и экосистемных услуг [12–13]. Из этого, конечно, не следует, что надо прекратить сотрудничество с КНР в сфере лесопользования. Но надо отдавать себе отчет в том, что стихийно сложившийся за последние 20 лет формат сотрудничества не отвечает интересам нашей страны.

Существует мнение о том, что один из путей преодоления этой асимметрии в условиях катастрофической нехватки российских инвестиционных ресурсов – создание совместных предприятий (или предприятий со 100%-м иностранным, в том числе китайским капиталом) по глубокой переработке древесины на российской территории. Действительно, теоретически такая возможность есть. Однако таких предприятий в Сибири и на Дальнем Востоке очень немного, и результаты их работы далеки от декларируемых [14–15].

Ярким примером может служить проект создания Амазарского целлюлозного завода в Забайкальском крае. В течение нескольких лет реализация проекта, декларируемого как инициатива создания крупного лесопромышленного кластера, включающего целлюлозный завод, сводилась к банальному экспорту необработанной древесины в КНР. При поддержке региональных властей проект был включен в список приоритетных, получив соответствующие льготы, что сделало этот экспорт еще более рентабельным для его бенефициаров (ООО «Полярная»), но сократило платежи в бюджет страны за арендованные участки. Более того, его инициаторам удалось открыть зимний пограничный переход

через Амур на участке Покровка – Логухэ, который несколько лет функционировал практически только для вывоза древесины ООО «Полярная». Сейчас переход закрыт, но его открытие усиленно лоббируется, даже предлагается построить мост через Амур для этих целей за счет китайских инвестиций. Есть опасность, что для обеспечения завода сырьем и экспорта древесины в аренду китайским фирмам в Могочинском и Тунгино-Олекминском районах Забайкалья будет передано 3–4 млн га тайги, половина из них – территории традиционного природопользования эвенков.

Специалисты оценивают этот проект как экологически очень опасный⁶. Одна из главных проблем – при запуске проекта на полную мощность потребуются рубки порядка 1 млн м³ в год, что грозит катастрофическим истощением лесного фонда, уже и так серьезно пострадавшего от лесных пожаров последнего десятилетия⁷. Однако эта деятельность вполне укладывается в концепцию «экологической цивилизации», демонстрируя тем самым, насколько нежелательными могут быть ее последствия, если российская сторона по-прежнему будет действовать по принципу: «зеленый свет – любому иностранному инвестору, особенно крупному!».

Справедливости ради отметим, что новое правительство Забайкальского края (с 2013 г.) предприняло серьезные усилия, чтобы принудить инвесторов выполнять условия договоров аренды и следовать законодательным и нормативным актам РФ (что было далеко не всегда), однако многие специалисты считают, что проект изначально имеет непоправимые изъяны и высокие риски при сомнительной экономической целесообразности. Высказываются мнения, что китайская сторона преследует не только экономические цели.

Проекты типа Амазарского (в китайском стиле его следует назвать «Один лес – один завод – один погранпереход») способны напрочь подорвать доверие к идее строительства «зеленого» Шелкового пути, ибо создание этой новой транспортной инфраструктуры и производственной мощности приводит не к модернизации и развитию, а к социально-экологическому кризису.

⁶ URL: www.wwf.ru/resources/news/article/11353 (дата обращения: 22.05.2015).

⁷ URL: <http://www.forestforum.ru/viewtopic.php?f=9&t=14526> (дата обращения: 25.05.2015).

Либо Китай вместе с партнерами предпримет превентивные меры по недопущению таких «моделей сотрудничества», либо последние вскоре заставят Шелковый путь захлебнуться в конфликтах и экономической неэффективности.

Итак, продвижение китайской «экологической цивилизации» потенциально несет риски углубления трансграничной асимметрии и экологически неравноценного обмена. Для того чтобы минимизировать эти риски, а также обеспечить положительные результаты сотрудничества, необходимо изменение ориентации институтов, регулирующих международные экономические отношения, с количественных на качественные показатели иностранных инвестиций в природно-ресурсные проекты.

«Зеленый свет» Шелковому пути?

Предусмотрены ли в этой масштабной инициативе меры по соблюдению экологической безопасности и поощрению «зеленого развития»? И да и нет.

В официальной концепции проекта слова «экология, охрана среды и биоразнообразия» встречаются на каждой странице. «Необходимо строить объекты “зеленой” низкоуглеродной инфраструктуры, предотвращая негативное влияние на среду и климат... Отвести важное место концепции экологической культуры в области торговли и ответственных инвестиций» и т. д. и т. п. Документ призывает «укреплять сотрудничество в сфере охраны среды, биологического разнообразия и противодействия изменениям климата, сообща строить “зеленый” Шелковый путь»⁸.

Тем не менее эти «экологические благопожелания» пока носят несистемный, эпизодический характер и не сопровождаются ни критериями и стандартами экологической безопасности, ни ясными процедурами стратегической экологической оценки, ни внятным набором мер «зеленого развития». Даже разделов «развитие зеленой экономики» и «охрана окружающей среды» в китайском документе нет. Это не может не настораживать.

Чтобы быть эффективным и не представлять опасности для человечества, разрабатываемый сейчас проект «Шелковый путь»,

⁸ URL: http://english.gov.cn/policies/latest_releases/2015/05/05/content_281475101901186.htm (дата обращения: 22.05.2015) .

направленный на единение населяющих Евразию народов и государств, должен максимально учитывать коренные потребности человека в здоровой окружающей среде. Если Россия и другие страны Шелкового пути не хотят стать помойкой на задворках «экологической цивилизации», им необходимо договориться с Китаем о социально-экологических стандартах сотрудничества, не менее жестких и прогрессивных, чем те, что Китай задумал внедрить у себя на территории. В противном случае все то, что будет отторгнуто Китаем, выплеснется к соседям. Как хорошо известно населению в азиатской России и соседней Монголии, процесс этот уже идет.

Наглядный пример – «Дорожная карта развития сотрудничества между РФ, КНР и Монголией». В мае 2015 г. В.В. Путин объявил, что летом главы России, Монголии и Китая встретятся снова, чтобы обсудить этот документ – попытку сопряжения трех инициатив: Шелкового пути, Степного пути и Трансевразийского транспортного коридора. К сожалению, в проекте обстоятельного трехстороннего соглашения не только нет раздела об охране окружающей среды и «зелёном» развитии, но и вообще не затронута тема экологической безопасности. При этом документ предполагает немало взаимных обязательств по развитию угольной отрасли и энергетики без упоминания стратегической экологической экспертизы.

Следует опасаться, что такая конкретизация проекта «Шёлковый путь» приведёт к исчезновению позитивных «зелёных» элементов общей концепции. Без стратегической оценки экологических и социальных рисков планов развития, чётко прописанных механизмов экологической и социальной ответственности «Дорожная карта» будет дискредитировать идею Шелкового пути и может открыть дорогу для реализации опасных проектов. Таких, например, как создание каскада ГЭС и экспортных мегаТЭС на маловодных реках Монголии.

Первой площадкой, на которой был поставлен вопрос о контроле за инвестициями, стал созданный в 2015 г. по инициативе Китая Азиатский банк инфраструктурных инвестиций. 57 стран мира выступили членами-основателями, но половина из 100 млрд долл. начального капитала также придет из Китая. Именно этот банк будет мотором инфраструктурного строительства в Евразии.

В марте 2015 г. 250 неправительственных организаций из стран-членов Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ) обратились с открытым письмом к его генеральному секретарю Цзинню Лициюню с требованиями принять за стандарт лучшие из существующих механизмов и правил социальной и экологической ответственности, уважать местные традиции, культуру и права аборигенных народов, избегать нанесения вреда экосистемам и биоразнообразию и принимать во внимание последствия изменений климата. Отдельный набор требований касается открытости, процедур оповещения, участия общественности и т. д. Данное объединение неправительственных организаций ранее осуществляло общественный контроль за Азиатским банком развития, и это помогло им организовать и быстро сориентироваться в проблеме. Другим преимуществом АБИИ является наличие в составе учредителей полутора десятков стран Европы, которые просто политически не имеют права допустить снижения планки требований в сравнении с лучшими существующими финансовыми институтами.

К сожалению, АБИИ – скорее исключение, и будет гораздо сложнее повлиять на стандарты и механизмы деятельности других источников финансирования: Фонда Шелкового пути, Банка ШОС, Банка BRICS, Банка Морского шелкового пути, Китайского банка развития и Эксимбанка КНР. Вероятно, наиболее важные требования о стандартах социально-экологической ответственности и процедурах экспертизы проектов должны быть предъявлены к самой Программе Шёлкового пути в целом и как следствие – ко всем финансовым институтам, поддерживающим её выполнение.

Экологическая ответственность в инвестиционной политике КНР

Вопросы охраны окружающей среды в Китае до 2005 г. не занимали важного места в государственной политике страны. Однако в последнее десятилетие отношение к экологическим проблемам существенно изменилось, и свидетельство тому – концепция «экологической цивилизации». При этом экологическая репутация китайских компаний за рубежом по-прежнему оставляет желать лучшего, и правительство КНР предпринимает последовательные усилия для изменения ситуации.

Государственные требования к нефинансовой ответственности компаний и инвесторов дополняют, а не заменяют соответствующие требования, выработанные самим бизнесом. Это хорошо видно на примере Китая, который на государственном уровне все больше озабочен поведением своих компаний за рубежом и предпосылками долгосрочного ведения бизнеса в принимающих странах. С 2006 г. китайское правительство приняло ряд обращений и рекомендаций для компаний, инвестирующих за рубежом, а в 2007 г. Министерство торговли и МИД Китая опубликовали «Положение о дальнейшем регулировании развития зарубежных проектов на контрактной основе», где указано, что компании должны уважать местные обычаи и осуществлять защиту местной окружающей среды. «Руководство по иностранным инвестициям и сотрудничеству», «Девять принципов Государственного совета по стимулированию и регулированию зарубежных инвестиций Китая», принятые в 2010 г., и «Административный регламент зарубежных проектов на контрактной основе» 2008 г. требуют, чтобы китайские предприятия защищали окружающую среду и соблюдали местные законы и нормы социальной ответственности при реализации своих проектов.

В феврале 2013 г. министерства торговли и охраны окружающей среды КНР опубликовали «Руководства по охране окружающей среды при осуществлении иностранных инвестиционных проектов и сотрудничества»⁹, предписывающие китайским компаниям «своевременное выявление и упреждение экологических рисков, следование принципам социальной ответственности в области охраны окружающей среды, создание положительного образа китайских компаний и поддержания устойчивого развития в принимающих странах».

В сентябре 2014 г. Министерство международной торговли КНР опубликовало новую рамочную политику в области зарубежных инвестиций, поясняющую общий порядок предъявления различных требований к проектам в других странах и учет международного законодательства в этой деятельности. Помимо требований государственных ведомств, китайские компании должны соответствовать требованиям кредитующих их банков, таких как

⁹ URL: <http://www.mofcom.gov.cn/article/b/bf/201302/20130200039930.shtml> (дата обращения: 22.05.2015) .

Китайский экспортно-импортный банк, а также международных финансовых институтов (например, Гонконгской биржи) к оценке рисков. И хотя механизмы нефинансовой ответственности в Китае обычно считаются менее прозрачными, чем на Западе, они существенно влияют на поведение компаний.

Китайские государственные банки дополнительно разрабатывают собственные стандарты ответственности и процедуры экспертиз. Например, Эксимбанк КНР еще в 2008 г. в «Руководстве по проведению экологической экспертизы при рассмотрении займов» декларировал свое право инспектировать проекты и объекты до, во время и после их создания на средства займов, требовать исправления нарушений, прерывания контрактов и раннего возврата средств при неисполнении требований и т. д. Банк обязывает проводить Оценку воздействия на окружающую среду (ОВОС) по стандартам страны-получателя, но по факту предпочитает оценку, выполненную международными консультантами (известны случаи отложенных проектов из-за отсутствия/несоответствия ОВОС).

На сайте банка пропагандируется политика «зеленых займов», предполагающая, что банк сознательно уменьшает число «грязных проектов» и стимулирует заявки на проекты «зеленой экономики» и технологические инновации для увеличения энергоэффективности¹⁰. Но, несмотря на это, именно данный банк ответствен за десятки и сотни проектов ГЭС, осуществляемых китайскими компаниями за рубежом, которые часто сопряжены со значительным экологическим ущербом. В России Эксимбанк Китая особенно активен в энергетическом и добывающем секторах, поддерживая партнерские проекты китайских и российских компаний.

Опыт укрощения «гидры»

Фактор пристального внимания государства к экологической ответственности китайских компаний создает в России определенные возможности для конструктивного диалога с инвесторами из КНР, который, при определенных усилиях, может принести положительные результаты.

¹⁰ URL: <https://www.chinadialogue.net/blog/7878-Civil-society-call-for-China-led-development-bank-to-foster-green-growth/en> (дата обращения: 22.05.2015).

Так, международная коалиция «Реки без границ» (далее РБГ) занимается мониторингом, оценкой и обеспечением участия граждан в программах охраны и использования трансграничных рек и уделяет особое внимание ГЭС в бассейнах Амура и Байкала. К сожалению, большой помехой для работы РБГ является активная пропаганда энергетическими корпорациями ложного тезиса о том, что ГЭС являются экологически безопасными «зелеными» источниками энергии, на том лишь основании, что в результате их деятельности выделяется меньше парниковых газов, чем от угольных ТЭС. К сожалению, в алгоритмы оценки устойчивости энергетических проектов многими инвесторами и правительствами, в том числе «благодаря» стараниям «зеленых», вошел именно такой половинчатый критерий измерения воздействий, что способствовало неконтролируемому росту инвестиций в гидроэнергетику.

Крайне разрушительный характер воздействия ГЭС на речные бассейны и жизнь людей, их населяющих, диктует необходимость налаживания содержательного диалога с энергетическими корпорациями, и особенно их инвесторами, дабы повлиять на критерии выбора мест для создания ГЭС, избежать либо минимизировать экологический и социальный ущерб при создании и эксплуатации ГЭС. Естественно, что в идеале надо также стимулировать их на инвестирование в иные сегменты возобновляемой энергетики, но это – тема для другой статьи.

Основная проблема заключается в том, что измерение экологического и социального риска начинается на поздних стадиях планирования, практически при подготовке конкретного проекта, а стратегическую оценку для сравнения рисков от разных вариантов использования и охраны речных бассейнов в России производить никто не обязан. Подготовка в 2008–2015 гг. схем комплексного использования и охраны водных объектов во всех крупных бассейнах России продемонстрировала полную неадекватность российских нормативов и институтов бассейнового планирования этой задаче. В КНР с 2011 г. уже существует требование к общекорпоративному планированию и стратегической экологической оценке развития гидроэнергетики, но на практике оно пока реализуется достаточно плохо и часто вовсе не в природоохранных целях. Для заполнения этого пробела экспертами коалиции РБГ была разработана простейшая экспресс-методика сравнения эколого-экономических параметров разных сценариев

размещения ГЭС в одном и том же бассейне. Методика была успешно апробирована на примере Амурского бассейна [16–17]. Один из важных обнадеживающих результатов заключается в том, что, например, в Амурском бассейне один и тот же объем генерации электроэнергии на ГЭС может быть достигнут при 13-кратной разнице в ожидаемых негативных экологических воздействиях. К сожалению, пока развитие гидроэнергетики в трансграничном Амурском бассейне, где уже имеется 18 крупных ГЭС, шло по сценарию, сопряженному с максимально негативными воздействиями.

В 2010–2014 гг. эта методика была одним из инструментов в диалоге между общественными природоохранными организациями, экспертным сообществом, государственными ведомствами, а также энергетическими компаниями и инвесторами. Мы расскажем только о взаимодействии с китайскими инвесторами по вопросу о ГЭС на реке Шилка, не касаясь всей остальной огромной работы по предотвращению создания этой плотины, проведенной учеными и активистами Забайкалья и Амурского региона при большой поддержке Всемирного фонда дикой природы WWF и даже местных властей. Механизм достижения этой победы – предмет совершенно отдельного рассказа.

При рассмотрении вопроса о создании Транссибирской (Шилкинской) ГЭС в верховьях Амура, предложенной компанией Евросибэнерго (дочка En+ О. Дерипаски), для сотрудничества с китайскими партнерами коалиция РБГ многократно обращалась к потенциальным китайским инвесторам, например, в корпорацию «Три ущелья», с предложением обсудить социально-экологические риски. Коалиция последовательно информировала корпорацию о негативном общественном мнении по проектам крупных ГЭС, ценности и ранимости экосистемы Амура, недопустимости строительства плотин в его главном русле, иных разумных ограничениях на освоение его бассейна, а также о потенциальных рисках, связанных с инвестициями в российскую энергетику, и путях их снижения. В 2013 г. корпорации и Экспортно-импортному банку КНР был передан доклад о подходах к оценке воздействия гидроэнергетики на речные бассейны, с результатами оценки проекта Транссибирской ГЭС, а также сравнениями с 40 другими вариантами ГЭС в Амурском бассейне. С какой стороны на нее ни смотри, данная ГЭС замыкала пятерку худших, вслед за плотинами в главном русле Амура.

В марте 2014 г. в Пекине состоялась очная встреча представителей РБГ и исполнительного вице-президента корпорации «Три ущелья» Линь Чусюэ. Китайские партнеры заявили об осознании того факта, что гидростроительство в бассейне Амура сопряжено с большими рисками из-за его трансграничного положения и глобально значимых уязвимых экосистем. Они заверили в своей заинтересованности в установлении обоснованных общебассейновых норм допустимого воздействия на экосистемы и создании комплексных планов управления речными бассейнами как базе для планирования проектов с наименьшим негативным воздействием, отметив, что ранее обсуждавшийся с российскими партнерами проект ГЭС на Шилке более не рассматривается как перспективный для инвестиций, и поблагодарив за аргументированную позицию, разъясняющую недостатки этого и других проектов, которая передавалась корпорации¹¹ в 2012–2013 гг. Они также сообщили, что «Три ущелья» – не только гидроэнергетическая компания, и готова расширять свои вложения в крупные комбинированные ветро-солнечные комплексы за границами КНР, там, где есть условия для доставки энергии потребителям.

Тем не менее в начале 2015 г. компания «Три ущелья» все-таки решила рассмотреть возможность сотрудничать с «РусГидро» в создании мифических «противопаводковых» ГЭС на притоках Амура. Она подписала меморандум по участию в достройке и эксплуатации Нижне-Бурейской ГЭС, а главное – обещала содействовать экспорту её энергии в Китай, ибо в России электричество этих станций в обозримом будущем не найдет применения. Поскольку с позиций общебассейновой оценки воздействие Нижне-Бурейской ГЭС в десятки раз меньше, чем Транссибирской, коалиция РБГ с оптимизмом готовится продолжить диалог с инвесторами.

Все сети ведут в Пекин – энергетика Шелкового пути, экологические издержки и их экспорт

Весьма симптоматично, что первым официально запущенным проектом на Шелковом пути стала не дорога, а электростанция. Фонд Шелкового пути вскладчину с МФК (International Finance

¹¹ URL: <http://www.transrivers.org/2013/934> (дата обращения: 22.05.2015).

Corp) готов поддержать создание силами корпорации «Три ущелья» ГЭС Карот на реке Джелум в Пакистане с установленной мощностью всего в 700 МВт. Но в рамках реализации программы «Экономического коридора Китай – Пакистан» в дальнейшем предполагается довести мощность совместно создаваемых ГЭС до десятков гигаватт.

Развитие энергетики – не менее важный аспект Шелкового пути, чем транспорт. В руководящих документах по этому поводу сказано: «Укреплять сотрудничество в сфере взаимосвязанности энергетической инфраструктуры; ... стимулировать строительство трансграничных ЛЭП и коридоров передачи электроэнергии; активно осуществлять сотрудничество по модернизации региональных электросетей. Активно содействовать сотрудничеству в сферах гидроэнергетики, атомной энергии, ветроэнергетики, солнечной энергии и других видов экологически чистой и возобновляемой энергии, а также в сфере обработки и внедрения энергетических ресурсов на месте их образования». Плановых цифр пока нет, но мерещится до боли знакомое «чем больше, тем лучше». Тем более что генеральная линия компартии КНР – вынесение угольной электроэнергетики из густонаселенных районов куда только можно, в том числе и за пределы страны.

В 2007–2011 гг. в КНР была сформирована программа развития угольной отрасли, предусматривающая создание десятков крупных угольно-энергетических комплексов в менее населенных, но безводных провинциях севера и запада страны. Многие из них привели к масштабному исчерпанию водных ресурсов на окружающих территориях. Общественные организации, прежде всего «Гринпис Северо-Восточной Азии», провели ряд исследований и начали кампанию «Жажда угля», привлекающую внимание к проблеме. В течение года эту кампанию поддерживала Шанхайско-Гонконгская банковская корпорация, проведшая для своих вкладчиков и клиентов специальный анализ рисков инвестиций в угольную отрасль в маловодных районах Китая. И вскоре китайские инвесторы усвоили, что прежде чем инвестировать в угольную промышленность, необходимо проверить, насколько проект обеспечен водой.

Результатами осознания проблем загрязнения воздуха и дефицита воды сегодня стали сокращение ранее заявленной программы развития угольно-энергетических баз КНР и активные попытки вынести их на территорию Монголии, России, Бирмы и др. Некоторые последствия этого процесса на территории Монголии не могут не вызвать опасений за возможный ход аналогичного «сотрудничества» в России.

В частности, коалиция «Реки без границ» вынуждена заниматься проектами водозабора из реки Керулен¹², текущей из Монголии в Китай. Активно разрабатываемый под патронатом правительства Монголии проект переброски вод Керулена в пустыню Гоби отвечает на требование потенциального кредитора (Экспортно-импортный банк КНР) показать, что проекты индустриального парка в г. Сайншанд и экспортной мега-ТЭС Шивээ-Овоо обеспечены устойчивым водоснабжением на десятилетие вперед.

Ирония заключается в том, что это разумное требование буквально повторяет рекомендацию, данную Гринпис в докладе «Жажда угля». Вопрос в том, откуда вода и можно ли ее оттуда брать постоянно? Наши изыскания показывают, что при осуществлении такой переброски вод экосистема степной реки Керулен будет катастрофически нарушена, и это негативно повлияет на условия жизни 100 тыс. чел. в Монголии и Китае. Коалиция РБГ готовится обратиться в Экспортно-импортный банк КНР с доказательствами существенных рисков такого варианта водоснабжения Шивээ-Овоо и Сайншанда и отсутствия гарантий устойчивого водоснабжения.

Это – лишь один яркий пример проблем при развитии энергетики, и только на территории Монголии. Нам уже известны четыре энергетических проекта с вероятными китайскими инвестициями и потребителями, которые чреваты конфликтами.

Вопросы сотрудничества в области энергетики – одни из самых острых и дискуссионных в контексте реализации идеологии «Экологической цивилизации» и Шелкового пути. Им будет посвящена следующая статья.

¹² Kherlen River: Lifeline of the Eastern Steppe. URL: <http://www.transrivers.org/2015/1515> (дата обращения: 22.05.2015) .

Литература

1. *Калугина З.И.* Человеческий капитал приграничных регионов Сибири // ЭКО. – 2014. – № 11. – С. 70–87.
2. *Литвиненко Т.В.* Социально-экологические последствия трансформации использования природных ресурсов в восточной части России в постсоветский период // Известия Российской академии наук. Серия геогр. – 2012. – № 3. – С. 40–53.
3. *Ломакина Н.В.* Минеральный сектор экономики в Госпрограмме развития Дальнего Востока: целевые задачи и ожидаемые результаты // Менеджмент и бизнес-администрирование. – 2013. – № 3. – С. 22–29. URL: <http://www.mba-journal.ru/archive/2013/3/> (дата обращения: 22.05.2015).
4. *Крюков В.А.* Экономика иррациональных ожиданий // ЭКО. – 2014. – № 12. – С. 2–4.
5. *Минакир П.А.* Экономика регионов. Дальний Восток. – М.: Экономика, 2006. – 848 с.
6. Природный капитал региона и российско-китайские трансграничные отношения: перспективы и риски / Под ред. И.П. Глазыриной, Л.М. Фалейчик; Забайкал. гос. ун-т. – Чита: ЗабГУ, 2014.
7. *Блам Ю.Ш., Машкина Л.В.* Лесной комплекс России в контексте «зеленой» экономики // Интерэкспо Гео-Сибирь. – 2014. – Т. 3. – № 1. – С. 64–68.
8. *Ulybina O., Fennell S.* Forest certification in Russia: challenges of institutional development // Ecological Economics. – 2013. – V. 95. – С. 178–187.
9. *Колесникова А.В.* Основные проблемы и вызовы в развитии отечественного лесного комплекса // ЭКО. – 2013. – № 11. – С. 5–25.
10. *Глазырина И.П., Жадина Н.В., Яковлева К.А.* Сравнительный анализ социально-экономической эффективности регионального лесопользования // Вестник ЗабГУ. – 2014. – № 11 (114). – С. 95–103.
11. *Ласкин С.* С 1 апреля в провинции Хейлуцзян прекратятся промышленные вырубki лесов. URL: <http://www.novayagazeta.ru/news/319371.html> (дата обращения: 06.05.2015).
12. Современные проблемы экологической безопасности трансграничных регионов / Под ред. О.В. Корсуна. – Новосибирск: Наука, 2013. – 319 с.
13. *Корсун О.В., Михеев И.Е.* Социально-экономическое значение создания новых особо охраняемых природных территорий в российско-китайском приграничье // Вестник ЗабГУ. – 2014. – № 12. – С. 129–137.
14. *Антонова Н.Е.* Лесной комплекс Дальнего Востока: реалии и возможности российско-китайского взаимодействия // ЭКО. – 2014. – № 6. – С. 40–55.
15. *Антонова Н.Е.* Нужна ли господдержка лесному комплексу Дальнего Востока? // ЭКО. – 2015. – № 7. – С. 16–34.
16. *Егидарев Е.Г., Симонов Е.А.* Комплексный анализ воздействий планируемых ГЭС на экосистемы реки Амур при их каскадном (сценарном) размещении. Географические и геоэкологические исследования на Дальнем Востоке: сб. научных трудов молодых ученых. – Владивосток: Дальнаука, 2011. Вып. 7–8. – С. 223–230.
17. *Глазырина И.П., Егидарев Е.Г., Михеев И.Е., Симонов Е.А.* Экологический демпинг в планах развития Сибири и Дальнего Востока // ЭКО. – 2012. – № 10. – С. 35–51.

Управление отечественной наукой в зеркале зарубежного опыта

Ю.С. ЭЗРОХ, кандидат экономических наук. E-mail: ezroh@rambler.ru

С.О. КАРАНОВА, Новосибирский государственный университет экономики и управления. E-mail: saniya_2207@mail.ru

В статье развены некоторые устойчивые представления о состоянии отечественной и зарубежной науки. Проведен анализ эффективности управления наукой в России (на примере Российской академии наук) в зеркале зарубежного опыта по различным аспектам. Раскрывается специфика грантового финансирования научной деятельности, показывается неоднозначность деятельности ФАНО и аспекты функционирования аналогичных «наднаучных» институтов за рубежом. Предлагаются меры по увеличению эффективности управления национальной наукой.

Ключевые слова: наука, наукометрические показатели, РАН, управление наукой

*«Ряды русских ученых редуют день ото дня,
и жутко становится за судьбу отечественной науки».*

Академик Н.И. Вавилов

О ситуации в российской науке написано так много, что, кажется, добавить нечего. Однако, исключив неконструктивную ностальгию о советском прошлом и излишние эмоции, отметим, что количественными подтверждениями многие яркие статьи практически не располагают, а их выводы отнюдь не бесспорны.

В ст. 26 Конституции СССР было указано, что «государство обеспечивает планомерное развитие науки и подготовку научных кадров, организует внедрение результатов научных исследований в народное хозяйство и другие сферы жизни». В ст. 114 Конституции России формулировка уже совсем иная: «Правительство <...> обеспечивает проведение в РФ единой государственной политики в области науки». Изменение экономико-политической системы в 1990-е годы оказало огромное влияние на сферу формирования научного знания в нашей стране. Каковы результаты современного управления наукой в России, и как они соотносятся с зарубежной практикой? Как их улучшить?

Один из важнейших вопросов для любых научных исследований – достоверность исходных данных. Значимый источник

информации в открытом доступе – «Статистический сборник ВШЭ – Индикаторы науки: 2014», находящийся в открытом доступе [1]. Основным источником мог бы стать аналогичный труд ИПРАН РАН, однако на официальном сайте НИИ доступ отсутствует, в крупнейшие научные библиотеки книги рассылаются с большим опозданием¹.

Мифы

Миф 1. Колоссальные расходы на Российскую академию наук.

Реальность. Расходы на РАН составляют 10% национальных научных расходов; на РАН государство тратит 14% своего научного бюджета.

Российская академия наук – одно из крупнейших научных учреждений в стране. Каковы объем и структура ее финансирования по сравнению с другими секторами науки (табл. 1)?

Таблица 1. **Внутренние затраты на исследования и разработки в России по секторам науки в 2010–2012 гг., млрд руб.**

Сектор науки	Всего	Удельный вес, %	В том числе средства государства	Удельный вес, %
Всего, 2010 г.	523,4	-	368,2	70,3
Всего, 2011 г.	610,4	-	409,4	67,1
Всего, 2012 г.	699,9	100,0	474,8	67,8
В том числе:				
Государственный	225,3	32,2	186,8	82,9
<i>Из него РАН</i>	<i>73,5</i>	<i>10,5</i>	<i>65,2</i>	<i>88,8</i>
Предпринимательский	408,3	58,3	246,8	60,4
Высшее образование	65,0	9,3	40,5	62,3
Некоммерческий	1,3	0,2	0,7	53,8

Источник: ВШЭ [1], расчеты авторов.

Как показывают данные таблицы, общие расходы на науку увеличиваются: в 2011 г. – на 16,6%, в 2012 г. – на 14,7%. Рост финансирования РАН существенно ниже – 7,8% и 8,9% соответственно. Это не свидетельствует о расширении финансовых возможностей Академии, а позволяет лишь покрывать существующую инфляцию.

¹ Например, в ГПНТБ СО РАН на 01.05.2015 г. находился лишь сборник «Наука, технологии и инновации России» за 2011 г.

Больше всего средств (в 2012 г. – 408,3 млрд руб.) было направлено на финансирование предпринимательского сектора, в том числе за счет государства – 60,4% (246 млрд руб.). Это в пять раз превышает расходы на РАН. Основными источниками финансирования Академии являются средства государства: в 2012 г. они составили 65 млрд руб. Много ли это? Вовсе нет. Например, бюджет Сахалинской области в 2012 г. составлял 57,7 млрд руб., а на сочинскую Олимпиаду в 2008–2014 гг. было потрачено более 50 млрд долл. [2].

Миф 2. В России на науку тратят не меньше, чем за рубежом.

Реальность. За рубежом на науку тратят гораздо больше, чем в России.

Как видно на рисунке 1, за рубежом финансирование научных исследований может составлять до 3–4% ВВП. Наибольшие значения показателя – в Израиле (4,03%) и Южной Корее (4,38%). Доля расходов на науку в России существенно меньше: по сравнению с США – в 11,8 раза, с Китаем – в 5,9, с Японией – в 4,2, с Германией – в 2,7 раза. Кроме того, величина удельных научных расходов на душу населения в России в 5–7 раз ниже, чем в развитых странах.

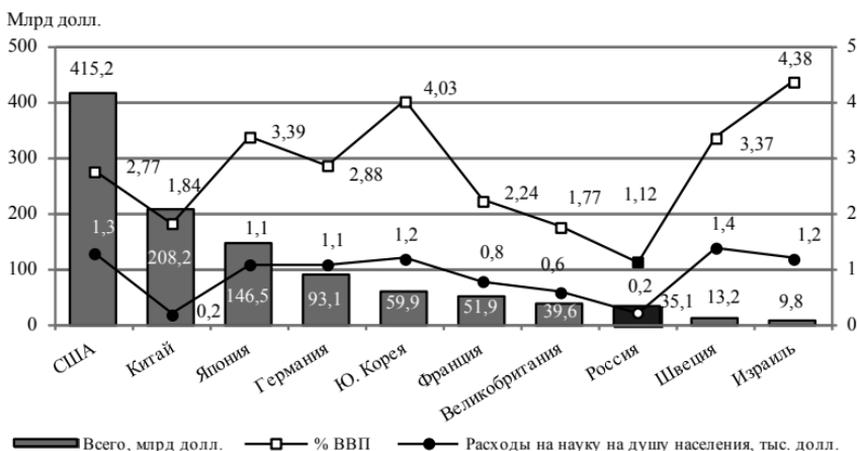

Рис. 1. Внутренние затраты на исследования и разработки в России и за рубежом в 2012 г.

Источник рис. 1–3, 5–6: ВШЭ [1], расчеты авторов.

Примечание: здесь и далее – сведения за 2012 г. или ближайшие годы, по которым имеются данные.

Миф 3. И в России, и за рубежом науку финансирует в основном государство.

Реальность. Основной источник финансирования науки за рубежом – предпринимательский сектор, в России – государство.

Сравним структуру источников финансирования науки в России и в ряде передовых зарубежных стран.

В России основной источник финансирования науки – средства государства (67,8%). В развитых странах их доля значительно ниже: США – 33,4%, Германия – 30,3%, Япония – 16,4%, Израиль – 14,8%, а наиболее существенный источник финансирования – средства предпринимательского сектора: в Японии – 76,5%, Китае – 73,9%, Южной Корее – 73,7%. В некоторых государствах значительна доля иностранных источников: Израиль – 42,8%, Великобритания – 17%, Швеция – 10,9%.

Использование негосударственных, особенно зарубежных, источников говорит о существенной прикладной компоненте в научных разработках за рубежом. Невысокие показатели РАН в данном аспекте определяют необходимость корректировки программ исследований в пользу практических научных работ.

Миф 4. Грантовое финансирование – основной способ распределения средств на науку за рубежом.

Реальность. На долю грантов за рубежом приходится не более 10% общих научных расходов.

За рубежом достаточно распространено грантовое финансирование, например, в США крупнейшим грантодателем является Национальный институт здоровья (около 30 млрд долл. в год). Национальный научный фонд США в 2015 г. планирует распределить в форме научных грантов 5,9 млрд долл. в разных областях науки, обладая бюджетом в 7,3 млрд долл. [4]. В 2013 г. Исследовательский фонд Германии направил на гранты 2,5 млрд евро [5]. Интересен опыт Израиля, где для стимулирования работ в новых областях функционируют институты (бюро) «главных ученых». Они являются особыми подразделениями основных министерств по отбору научных проектов для финансирования. Основное условие – возможность монетизации ноу-хау. Иными словами, государственные средства передаются

не на развитие абстрактной науки, а для решения коммерческо-научных задач² [6, 7].

Объем грантового финансирования в общих расходах на науку за рубежом обычно не превышает 10% от национальных научных расходов, это – лишь один и далеко не основной источник ее финансирования.

Миф 5. Грантовое финансирование науки в России не развито.

Реальность. Доля грантового финансирования в России сопоставима с зарубежными показателями и имеет тенденцию к росту.

В России используются аналогичные зарубежным грантовые механизмы финансирования научной деятельности (рис. 2).

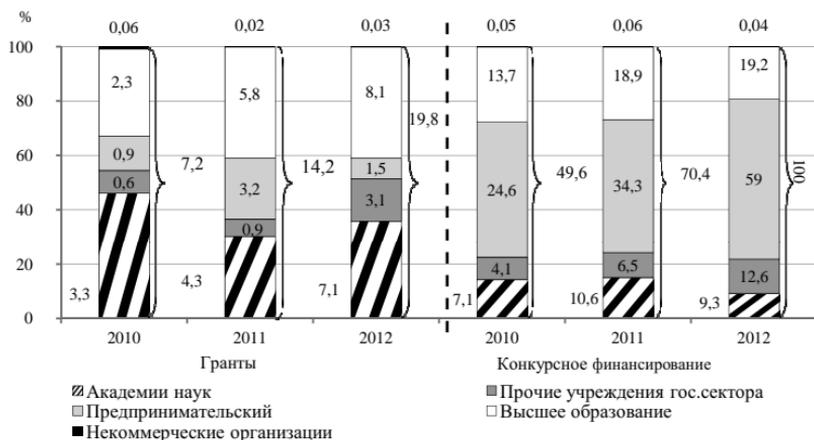

Рис. 2. Структура грантов и конкурсного финансирования исследований и разработок по секторам науки в 2010–2012 гг., млрд руб.

Основными получателями финансирования с использованием грантов являются вузы и Академии наук; за счет конкурса в основном финансируются исследования предпринимательского сектора (в 2012 г. – 59 млрд руб., т. е. практически столько же, сколько потрачено на РАН). В 2012 г. из всего объема внутренних затрат на научные исследования только 15% распределены за счет конкурсов и 3% – с помощью грантов. Таким образом, данные виды финансирования науки в России, как и за рубежом,

² В этом активную роль играют «технологические теплицы» – бизнес-инкубаторы.

не являются основными, однако темп прироста объема распределения достаточно высок – примерно 40% в 2012 г.

Миф 6. Грантовое финансирование науки в России организовано аналогично зарубежному.

Реальность. Условия получения научных грантов в России непрозрачны, а реальная эффективность финансирования неизвестна.

Значимую роль в отечественном грантовом финансировании играют РГНФ, РФФИ³ и другие фонды. Первым в 2014 г. профинансировано 3,5 тыс. проектов на общую сумму 1,4 млрд руб., т. е. в среднем 400 тыс. руб. на проект [8]. Вторым – 8,5 тыс. проектов небольших групп ученых (в среднем – 515 тыс. руб.) [9]. РФФИ финансирует, в первую очередь, негуманитарные исследования, обычно требующие приобретения дорогостоящего оборудования. Но можно ли его купить, располагая таким смехотворным бюджетом?

Существенным минусом является традиционная для отечественной грантовой практики недоступность рецензий на отклоненные заявки. Вместо них на сайтах РГНФ и РФФИ указаны лишь формальные критерии отбора. Это порождает логичное недоверие к системе распределения средств. Нет сомнений в том, что у фондов есть специальные экспертные заключения по допущенным к конкурсу заявкам. Но зачем тогда «темнить»? Так, за рубежом распространена практика свободного доступа к таким материалам (без указания фамилий экспертов), а в грантовых заявках разрешено указывать рекомендуемые и не рекомендуемые (!) кандидатуры экспертов данной области.

В целом управление наукой путем выделения грантов – дискуссионный вопрос. В России их величина и удельный вес в объеме научных расходов свидетельствуют скорее не о развитии науки, а о поддержке выживаемости ученых. Однако стремление к полному переходу на «грантовые рельсы» в России – опасный и не апробированный мировой практикой эксперимент. Кроме того, есть вероятность неэффективного расходования государственных средств на сомнительные темы⁴. Подчеркнём,

³ Создан в 1992 г. как аналог Национального научного фонда США.

⁴ Как в старом анекдоте: «Решение проблем транспортировки веществ в жидком агрегатном состоянии в сосудах с перфорированным дном» равно «Как решетом воду носить».

что в настоящее время отсутствуют прозрачная методика оценки эффективности вложения государственных средств (т. е. средств налогоплательщиков) в научные гранты, а соответственно, и система публичного доступа к такой информации. Это касается и отечественной практики, и зарубежной [10, 11].

Миф 7. Российские ученые мало публикуются за рубежом.

Реальность. Количество публикаций отечественных ученых соответствует уровню финансирования науки в России.

Обычно считается, что индикатором качества результатов фундаментальных исследований ученых является публикационная активность в международных научных журналах [12]. Часть журналов, индексируемых международными реферативными базами данных Scopus и Web of Science, являются open access, т. е. де-факто публикации платные (по расчетам авторов, 13% и 10% соответственно). Привести аналогичные сведения по перечню ВАК затруднительно, но, вероятнее всего, показатель существенно больше⁵. Стоимость публикаций за рубежом весьма высока. Для отечественных ученых это практически неподъемные суммы (от 1 000 долл. и выше); далеко не все могут получить гранты, а в отечественных вузах и НИИ оплата зарубежных публикаций обычно не практикуется. Сведения о публикационной активности ученых отдельных государств приведены в таблице 2.

Таблица 2. Научная активность в отдельных странах мира в 1996–2013 гг.

Место	Страна	Число научных статей, тыс. ед.	Общее число цитат, млн ед.	Цитаты в среднем на статью	H index
1-е	США	7846,9	159984,4	22,02	1518
2-е	Китай	3 129,7	14752,1	6,81	436
3-е	Великобритания	2 141,4	37450,4	19,82	934
4-е	Германия	1983,3	30644,1	17,39	815
5-е	Япония	1929,4	23663,5	13,01	694
6-е	Франция	1421,2	21 193,3	16,85	742
...					
12-е	Южная Корея	658,6	5 770,8	11,49	375
13-е	Россия	639,6	3664,7	6,00	355

Источник: SCImago Journal & Country Rank [13].

⁵ Это свидетельствует о давно назревшей проблеме сокращения перечня ВАК. Вывод основан на знакомстве с ситуацией в области публикаций по экономической тематике.

Россия по количеству публикаций находится на 13-м месте в мире, в 12,2 раза уступая США, в 4,5 – Китаю, в 3,3 – Великобритании, в 3,1 – Германии. По общему количеству цитат Россия уступает США в 44 раза, Великобритании – в 10, Германии – в 8, Китаю – в 4 раза. В списке 15 лидирующих по числу публикаций стран мира по количеству цитат Россия занимает последнее место.

Тем не менее, несмотря на существующие объективные проблемы, соотношение расходов на научную деятельность и количество публикаций в журналах, включенных в Web of Science, наша страна вполне соответствует мировому уровню. Доля России в мировых расходах на науку составляет 2%, в публикациях – 2,2%; США – 33,8 и 28,1%; Китая – 11,6% и 11,6%; Южной Кореи – 4,6 и 3,6%; Франции – 3,5 и 5,3% соответственно [14]. Как известно, сколько денег – столько песен...

Но международные реферативные базы данных Scopus и Web of Science – не панацея. Публикации статей во многих зарубежных журналах⁶ нередко связаны с чрезвычайно длительным процессом рецензирования и выхода в свет: в области экономики – более года, а в отдельных случаях – более двух лет. Понятно, что результаты таких исследований теряют актуальность. Для отечественной практики это нехарактерно. Кроме того, труды ряда ученых (в области юриспруденции, экономики, социологии и др.) априори малоинтересны международному сообществу. В связи с этим число национальных научных журналов по данной тематике, включенных в значимые системы индексирования, невелико или таких нет вовсе. Это делает результаты соответствующих наукометрических сравнений менее объективными для отдельных областей науки.

Миф 8. Российские ученые мало публикуются в журналах, индексируемых Scopus и Web of Science, так как они выпускаются за рубежом.

Реальность. Ученым из Китая, Южной Кореи и других стран это не мешает.

Рассмотрим количество публикаций российских авторов в наиболее престижных изданиях, к которым относятся журналы, индексируемые в базах данных Scopus и Web of Science (рис. 3).

⁶ Journal of financial stability, International Journal of Industrial Organization, Journal of Asian Economics, European Economic Review и др.

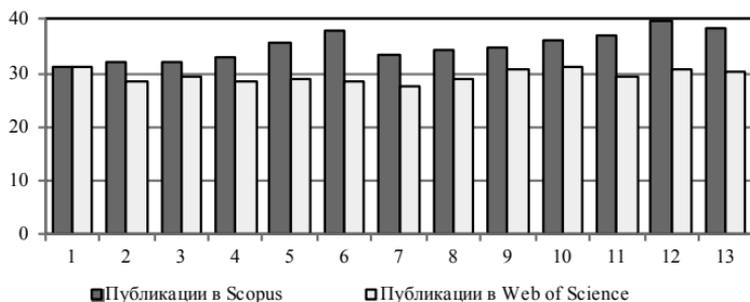

Рис. 3. Россия в общемировом числе публикаций в Scopus и Web of Science, 2000–2012 гг., тыс. ед.

Примечание. Здесь и далее под публикацией подразумеваются статья, обзор, доклад.

В период с 2006 г. по 2011 г. количество публикаций российских авторов в журналах, индексируемых Scopus и Web of Science, увеличивалось. В 2012 г. количество публикаций РАН в журналах, индексируемых Web of Science, составило 15 381 (50,9% от всех публикаций российских авторов). Однако доля отечественных ученых в общемировом числе публикаций неуклонно сокращается. Если в 2000 г. доля России в Scopus и Web of Science составляла 2,7 и 3,2%, то в 2012 г. – 1,7 и 1,9% соответственно.

Абсолютные и относительные показатели публикационной активности отечественных ученых по сравнению с зарубежными невысоки (табл. 3).

Таблица 3. Количество публикаций и удельный вес стран в общемировом числе публикаций в Scopus и Web of Science

Страна	Публикации в Scopus, тыс. ед.	% в мировом числе публикаций в Scopus	Публикации в Web of Science, тыс. ед.	% в мировом числе публикаций в Web of Science
США	503,8	22,8	399,5	25,1
Китай	390,3	17,6	263,7	16,6
Великобритания	139,4	6,3	109,1	6,9
Германия	135,2	6,1	107,9	6,8
Япония	115,3	5,2	85,9	5,5
Франция	96,7	4,4	74,5	4,7
Южная Корея	65,9	3,0	53,6	3,4
Россия	38,5	1,7	30,2	1,9

Источник: ВШЭ [1], расчеты авторов.

На ученых из восьми стран приходится более 67% всех публикаций в Scopus и более 70% – в Web of Science. Кроме того, свыше 40% публикаций в Scopus и 42% публикаций в Web of Science принадлежат ученым всего двух стран – США и Китая. Отметим, что высокая публикационная активность американских исследователей связана и с большим удельным весом местных журналов, входящих в указанные наукометрические базы (табл. 4).

Таблица 4. **Количество журналов, индексируемых Scopus, в отдельных странах (февраль 2015 г.)**

Показатель	США	Велико-британия	Германия	Китай	Франция	Япония	Россия	Южная Корея
Количество, ед.	6 047	4 567	1 479	589	528	434	228	200
Доля, %	27,5	20,7	6,7	2,7	2,4	2,0	1,0	0,9

Источник: Elsevier [15], расчеты авторов.

В США издаются 27,5% журналов, индексируемых Scopus. Количество российских журналов крайне невелико – 228⁷ (1% от общего числа). Однако этим нельзя объяснить относительно невысокую публикационную результативность отечественных ученых – в Южной Корее таких журналов еще меньше, а число статей – больше, в Китае Scopus-журналов больше в 2,7 раза, чем в России, а количество публикаций – в 10 раз.

Миф 9. Публикационная активность РАН ниже, чем у зарубежных научных учреждений.

Реальность. По количеству публикаций РАН занимает 3-е место в мире.

Какие научные организации и из каких стран занимают существенную долю в общемировом объеме научных публикаций? Ответ на этот вопрос – в таблице 5.

Как видно из данных таблицы, РАН находится на третьем месте по общему числу публикаций, уступая лишь Китайской академии наук и Национальному центру научных исследований Франции, но опережая Гарвардский университет США, Общество Макса Планка Германии и др. При этом процент публикаций РАН в самых престижных журналах относительно невысок – 24,2% (Гарвардский университет – 79%, Общество Макса Планка – 72,2%). Процент цитируемости РАН на 50% ниже среднемирового

⁷ Из них в области экономики – всего три.

уровня, в то время как показатель Гарвардского университета выше на 140%, Общества Макса Планка – на 80%.

Таблица 5. Ранжирование научных организаций по версии SIR World Report, 2011 г.

Место	Научная организация, вуз, учреждение	Страна	Кол-во публикаций	IC, %	Q1, %	NI
1-е	Китайская академия наук	Китай	144269	21,5	40,5	0,9
2-е	Национальный центр научных исследований	Франция	130977	49,0	61,9	1,4
3-е	Российская академия наук	Россия	88907	35,0	24,2	0,5
4-е	Гарвардский университет	США	69995	34,4	79,0	2,4
5-е	Общество Макса Планка	Германия	49987	65,0	72,2	1,8
6-е	Университет Токио	Япония	48947	26,3	56,7	1,2
7-е	Национальный институт здоровья США	США	46819	35,3	84,4	2,3
...						
88-е	МГУ им. Ломоносова	Россия	18954	35,5	24,5	0,6
540-е	Санкт-Петербургский университет		5538	44,8	28,0	0,5
610-е	Российская академия медицинских наук		4984	24,6	21,6	0,6
620-е	Институт ядерных исследований РАН		4893	77,0	34,1	1,0

Источник: SCImago [13].

Примечание: Индикатор *IC* показывает процент публикаций, созданных в результате международного сотрудничества; *Q1* – процент публикаций в самых престижных журналах; *NI* – отношение цитируемости к среднемировому показателю, который принят за единицу. Например, *NI*, равный 0,5, показывает, что учреждение цитируется на 50% ниже среднемирового уровня.

Из других российских учреждений после РАН следует МГУ, который находится на 88-м месте, процент его публикаций в самых престижных журналах также низкий – 24,5%, цитируемость меньше среднемирового уровня на 40%. Наиболее высокие показатели в России – у Института ядерных исследований РАН – его цитируемость соответствует среднемировому уровню. Таким образом, РАН является одним из главных научных институтов, обеспечивающих фундаментальные исследования, а международная публикационная активность его сотрудников – наивысшая в стране.

Миф 10. Научный кадровый состав в России не требует корректировки.

Реальность. Удельное количество исследователей в России ниже, чем за рубежом, из них многие де-факто не заняты научной деятельностью.

Насколько эффективно используются исследовательские ресурсы в России и за рубежом (табл. 6)?

Таблица 6. Показатели исследовательской активности в России и за рубежом, 2012 г.

Страна	Кол-во исследователей, тыс. чел.	Кол-во исследователей на 10 тыс. чел., занятых в экономике, чел.	Кол-во публикаций на исследователя
США	1412,6	95	0,4
Китай	1318,1	17	0,3
Япония	656,7	102	0,2
Россия	444,1	65	0,1
Германия	327,9	81	0,5
Великобритания	262,3	84	0,6
Южная Корея	288,9	119	0,2
Франция	239,6	90	0,5
Швеция	49,1	106	0,7

Источник: ВШЭ [1], SCImago [13], расчеты авторов.

Как видно из данных таблицы, количество исследователей наиболее велико в США и Китае; страны-лидеры по удельному весу научных работников – Южная Корея, Швеция, Япония. По второму показателю Россия отстает от них практически вдвое. Но не это главное – при расчете количества публикаций, приходящихся на одного исследователя, Россия занимает последнее место со значением 0,1, в то время как в Швеции оно в семь раз больше. Это свидетельствует о необходимости усиления кадровой работы в РАН, что позволит привлечь большее число квалифицированных исследователей, повысить публикационную активность и т. д.

Миф 11. И в России, и за рубежом в основном финансируются фундаментальные исследования.

Реальность. И в России, и за рубежом в основном финансируются разработки и прикладные исследования.

Вопрос измерения эффективности научного труда с использованием показателей публикационной активности неоднозначен. Разработчики новейших современных технологий (например, в военной, авиакосмической областях) могут не описывать технологии своих продуктов в научных журналах, но разве они не занимаются научной деятельностью?

Наряду с приобретением достижений научно-технического прогресса из-за рубежа важную роль играет продажа отечественных технологий, спрос на которые свидетельствует об уровне развития национальной науки (рис. 4).

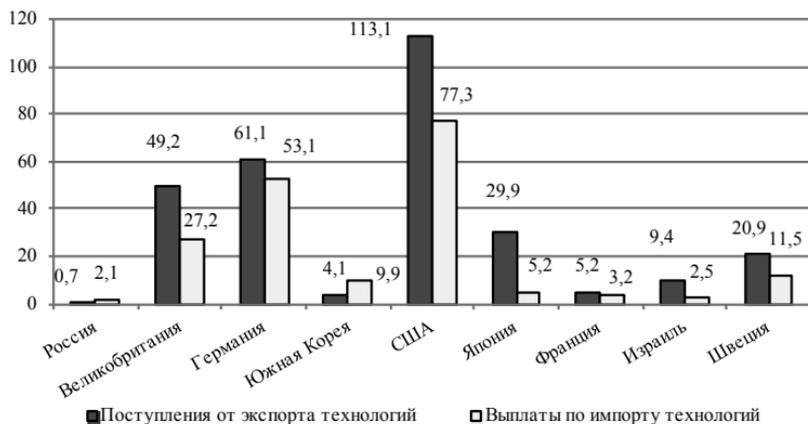

Рис. 4. Поступления от экспорта технологий и выплаты по импорту технологий в 2012 г. в России и за рубежом, млрд долл.

Россия выплачивает по импорту технологий в три раза больше, чем получает соответствующей экспортной выручки. При этом размер выплат в 37 (!) раз, а размер поступлений – в 162 (!) раза меньше, чем в США. В Америке наблюдается положительное «технологическое» платежное сальдо – 35,8 млрд долл. Большинство развитых стран (за исключением Южной Кореи и России) продают технологий больше, чем покупают. Отметим, что в настоящее время практически все передовые научные страны мира направляют ресурсы именно на разработки (рис. 5).

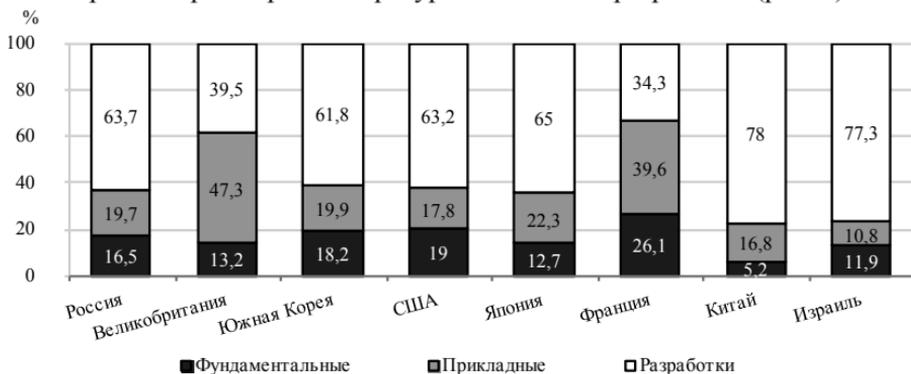

Рис. 5. Внутренние затраты на исследования и разработки по видам работ в 2012 г., %

При этом в большинстве случаев соблюдается баланс в финансировании прикладных и фундаментальных исследований. Не является исключением и Россия, однако мировая конкурентоспособность отечественных разработок не слишком велика.

Миф 12. Создание ФАНО позволит повысить эффективность управления наукой в России.

Реальность. Подобные сведения отсутствуют.

Отмеченные проблемы, связанные с недостаточной конкурентоспособностью отечественной науки в мировом масштабе, привели к необходимости болезненного реформирования Российской академии наук, начатого в 2013 г. Оно включает в себя объединение трех государственных академий в одну – Российскую академию наук и создание Федерального агентства научных организаций России (ФАНО), основным назначением которого является профессиональное управление имуществом Академии. Результатами деятельности ФАНО должны стать рост финансирования научной деятельности, пенсий, зарплаты ученых и, как следствие, повышение социального статуса ученых, постепенная замена старого оборудования (износ в 2012 г. составлял более 50%) и т. д. [14].

Однако в декабре 2014 г. Президентом РФ В. В. Путиным был еще на год продлен мораторий на вывод научных организаций из системы ФАНО, то есть имущество Академии еще на год остается в распоряжении ученых. Если говорить о ненаучной жизни институтов, то ФАНО требует от их директоров планы научной и хозяйственной деятельности на несколько лет вперед, что, по мнению ученых, доставляет им больше проблем, чем раньше. По яркому выражению академика Л. Д. Фаддеева, «количество бумаг, которые директора пишут по требованию ФАНО, на порядок превосходит то, что было раньше от нашего Президиума. <...> В нашем институте 10 лабораторий и 19 направлений. ФАНО по каждому из этих направлений требует на три года вперед <...> указать оплату за отопление, оплату за потребление электрической энергии и оплату за водоснабжение помещений. Наш институт имеет три туалета, но девятнадцать направлений. Что мы должны писать, что этот туалет – для этого направления? Это абсолютный идиотизм и паразитизм» [16].

Систематизированных отчетов о своей деятельности на официальном сайте ФАНО нет. Сведения рассредоточены по небольшим

сообщениям типа «В ФАНО России обсудили проекты структуризации сети научных организаций», «На заседании бюро НКС обсудили принципы структуризации сети научных организаций и роль региональных научных центров». Отметим, что глагол «обсудить» встречается в таких сообщениях довольно часто. При этом сведений о численности, показателях эффективности ФАНО не приводится⁸. Файл «Об ожидаемом исполнении бюджета ФАНО России на 2014 г. и бюджете на 2015–2017 гг.» крайне неинформативен, его название не в полной мере отражает содержание.

Отметим, что и на сайтах НИИ подобные отчеты нередко отсутствуют. Это затрудняет понимание направлений расходования средств, использования фондов, оценку научной эффективности и т. д. Но ведь реформа РАН проводится с целью улучшения, а не запутывания ситуации.

Миф 13. Системы типа ФАНО применяются за рубежом безальтернативно, а системы типа РАН – априори неэффективны.

Реальность. Вопрос эффективности зависит в основном от организации процесса и кадров.

Во многих странах с развитой наукой существуют аналоги ФАНО. Например, в США федеральным агентством, которое финансирует и следит за эффективностью научных процессов, является Национальный научный фонд. Академия наук в США существует, однако исследовательских работ она не проводит и выполняет лишь консультативные функции. Аналогом РАН в Великобритании является Лондонское королевское общество по развитию знаний о природе, которое также является лишь совещательным органом по важнейшим научным вопросам. Основные исследовательские центры сосредоточены в университетах; самые крупные – Кембриджский и Оксфордский. В Великобритании активно действует Совет по финансированию высшего образования в Англии, который выделяет денежные средства и отвечает за эффективность их использования в университетах и колледжах.

⁸ Общие расходы на реализацию функций иных федеральных органов государственной власти за 2014 г. составили 2,3 млрд руб. [17]. Любопытно, что бюджетный код ФАНО – 007, как у известного агента британской разведки, имеющего «лицензию на убийство».

В Германии близким аналогом РАН является Общество Макса Планка, которое полностью самостоятельно управляет своим имуществом и независимо в выборе основных направлений научных исследований. Его сотрудники каждый год публикуют более 15 тыс. работ в престижных международных журналах, многие из которых являются наиболее цитируемыми в своих областях исследований; это составляет около 35% всех публикаций российских авторов [18].

Таким образом, судя по показателям Общества Макса Планка, нельзя сказать, что отдельный орган по управлению научными процессами – панацея. Самое главное – «настройка» управления научной системой и кадры, которые, как известно, решают все.

Что делать?

В отличие от автора одноименного романа, революционный путь в научной сфере нам не кажется заманчивым, в связи с чем предлагаются некоторые соображения эволюционного характера.

Молодые ученые: опыт РАН и Общества Макса Планка

Численность работников РАН в 2012 г. составила около 95 тыс. чел., доля исследователей до 29 лет – 14%, от 30 до 50 лет – 30%, от 51 до 69 лет – 40%, старше 70 лет – 16% [1]. Средний возраст докторов наук – 64,2 года, кандидатов наук – 50,5 лет (!), научных работников без ученой степени – 41,6 года (!) [14]. Это свидетельствует о недостаточном привлечении в науку талантливой молодежи.

Квалифицированных исследователей нельзя «взять из ниоткуда, по мановению волшебной палочки» – их нужно готовить годами, начиная со студенческих лет. С учетом демографической ситуации в РАН, её недалекое научное будущее (буквально через 10–20 лет) будет зависеть от сегодняшних молодых людей 20–30 лет. Их необходимо привлекать на место бесперспективных исследователей, например, пенсионного возраста без ученых степеней.

Отметим, что серьезных программ по привлечению талантливых молодых людей в систему РАН (стажировки, научное приращение и т. д.) практически нет, по крайней мере, на её официальном сайте такие сведения отсутствуют. Решению жилищных проблем молодых ученых, особенно талантов из провинции, уделяется недостаточное внимание – в 2014 г. через ФАНО на эти

цели было выделено 1,9 млрд руб. [17]. Этого хватит на покупку всего 500–700 небольших квартир⁹.

Интересен опыт Общества Макса Планка: начиная с 1 июля 2015 г. 40% своих средств (около 50 млн евро) оно будет направлять на финансирование молодых ученых [18]. Отметим прозрачность официального сайта Общества Макса Планка, на котором оно буквально зазывает молодых людей лозунгом «Иди к нам». Почему бы не использовать этот положительный опыт во благо России?

О возможности кооперации НИИ с вузами

Одним из проектов деятельности ФАНО является консолидация научных учреждений. Так, 10 апреля 2015 г. ФАНО объединило несколько институтов РАН в четыре научных центра [16]. Одним из эффективных решений может быть кооперация некоторых институтов РАН с университетами для повышения результативности деятельности. Общеизвестно, что обучение в вузе – это продукт, а преподавание – услуга. Оказание преподавательских услуг позволит увеличить практическую эффективность НИИ при сохранении возможностей для фундаментальных исследований. Кадровый состав ведущих вузов в такой ситуации может быть усилен, а наукометрические показатели – повышены (рис. 6).

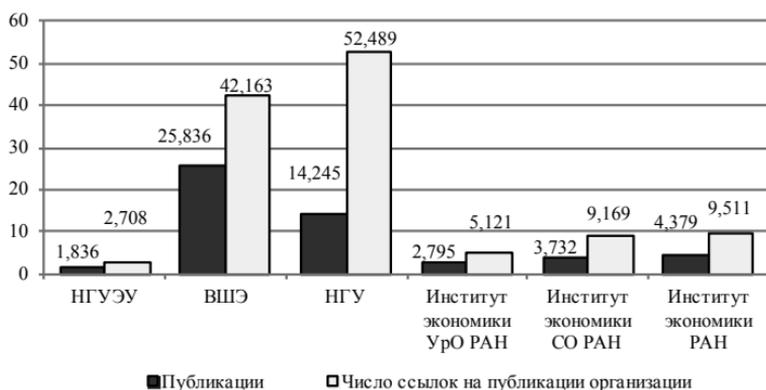

Рис. 6. Количество публикаций и число ссылок на работы сотрудников организации в некоторых вузах и институтах экономики РАН на 01.04.2015 г., тыс. ед.

Источник: E-library [19], расчеты авторов.

⁹ Сведения о фактическом исполнении мероприятий отсутствуют.

Подчеркнём, что прямое количественное сопоставление на рисунке 6 не является корректным, так как не учитывается существенно отличающийся кадровый состав НИИ и вузов и т. д. Внедрение форм взаимной научно-педагогической интеграции (возможно, без юридического объединения) должно помочь в повышении качества образования, формировании студенческого кадрового научного резерва, привлечении наиболее «научно-ориентированных» преподавателей к исследовательской работе, увеличении наукометрических показателей НИИ и вузов.

О социально-экономическом статусе ученых

В период СССР было престижно иметь высшее образование, многие с гордостью носили «поплавки» – знаки окончания вузов. Кандидат, а тем более доктор наук – элита, чьи доходы были в несколько раз выше, чем в среднем по стране. Средняя заработная плата научных работников в 2014 г. – 48,2 тыс. руб., что на 48% больше, чем в среднем в России [20]. Конечно, учет «серых» доходов населения существенно снизил бы превышение, однако можно сделать твердый вывод: российские научные работники – отнюдь не нищие. Вместе с тем трудность и длительность получения определенного научного статуса (а вместе с ним – и доходной составляющей) отталкивает перспективных студентов от научной работы по окончании вуза. Необходим гибкий (в том числе финансово) подход в работе с перспективной молодежью.

В настоящее время в значительной мере престиж профессии ученого утерян. Это можно исправить, усилив нематериальную мотивацию к занятию наукой. Например, в Германии после присвоения докторской степени во всех документах (паспорте, водительских правах) указывается наличие степени, окружающие обращаются к человеку с использованием префикса «доктор», а в Китае с 2006 г. реализуется программа «План действий по увеличению понимания науки населением». Неужели это нельзя создать и в России?

Дискуссионные выводы

Не вызывает сомнений тот факт, что российская наука по сравнению с советским периодом в целом потеряла лидирующие мировые позиции. И в этом нет ничего зазорного – каждый живет по средствам. К тому же численность населения,

а соответственно, и научный потенциал с распадом СССР не мог не сократиться. Нужно ли любой ценой пытаться вернуть утраченное, в качестве аргументов приводя победы титанов научной мысли полувековой давности?

В настоящее время гораздо острее стоит вопрос эффективного использования имеющегося научного потенциала, управления развитием национальной науки. Для этого необходимы критерии оценки эффективного использования ресурсов. РАН отнюдь не изжила себя, как это хотят представить её критики – большинство показателей в рамках международных сравнений ясно свидетельствуют об этом. Необходимо помочь нивелировать основные недостатки: существенное число бесперспективных исследователей, недостаточную ориентацию на практические разработки, непрозрачные механизмы распределения грантового финансирования.

Управление наукой – тонкий процесс. Внедрение наднаучного института распределения ресурсов (ФАНО) – мера неоднозначная. Основной вопрос: как она будет функционировать на практике? Если в форме «мелочной бухгалтерской опеки», то реформа провалится. Одно не вызывает сомнений: отсутствие реальной прозрачности (новости о проведенных совещаниях не в счет) – опасный тренд. В идеале каждый государственный НИИ должен размещать в открытом доступе практически все сведения о своей деятельности – от финансовых до кадровых и наукометрических. В такой ситуации некоторые объективно существующие проблемы могут решиться «сами собой».

Как известно, кадры решают все. В настоящее время этому практически не уделяется никакого системного внимания. Необходимо создавать научно-учебные кооперации между ведущими вузами и НИИ, специальные студенческие и аспирантские группы для формирования исследователей действительно мирового уровня, знающих в совершенстве и свою профессию, и иностранные языки. Это должно подкрепляться соответствующим финансированием.

Советский научный задел на исходе. Но это не повод ломать советскую научную систему. Её нужно модернизировать – быстро и эффективно. Медленно и радикально – долгий и болезненный путь в никуда.

Литература

1. Индикаторы науки: 2014. Статистический сборник ГУ-ВШЭ. URL: <http://www.hse.ru> (дата обращения: 08.04.2015).
2. Материалы Минфина Сахалинской области. URL: <http://sakhmin-fin.ru/index.php/finansy-oblasti/oblastnoj-byudzhnet> (дата обращения: 18.04.2015).
3. Материалы Национального института здоровья США. URL: <http://www.nih.gov/about/budget.htm> (дата обращения: 17.04.2015).
4. Материалы Национального научного фонда США. URL: <http://www.nsf.gov/about/budget> (дата обращения: 17.04.2015).
5. Материалы Исследовательского фонда Германии. URL: http://www.dfg.de/en/dfg_profile/annual_report/index.html (дата обращения: 16.04.2015).
6. Зоркальцев В. И., Трахтенберг М., Ратинер Д. Загадочная страна Израиль // ЭКО. – 2013. – № 10. – С. 76–92.
7. Институт «главных ученых» и опыт Израиля в трансфере технологий. URL: <http://www.iimes.ru/?p=11442> (дата обращения: 20.04.2015).
8. Материалы РГНФ. URL: <http://www.rfh.ru/index.php/ru/rezultaty/analiticheskaya-informatsiya-o-rezultatakh-konkurov/393-obzor-konkurov-rgnf-2014-goda> (дата обращения: 20.04.2015).
9. Материалы РФФИ. URL: http://www.rfbr.ru/rffi/ru/about/n_770 (дата обращения: 21.04.2015).
10. Распил мегагрантов. URL: http://www.gazeta.ru/science/2010/08/05_a_3404941.shtml (дата обращения: 21.04.2015).
11. Шесть мифов Академии наук. URL: http://expert.ru/expert/2009/48/6mifov_akademii_nauk (дата обращения: 08.04.2015).
12. Материалы SCImago Journal & Country Rank. URL: <http://www.scimagojr.com/journalrank.php> (дата обращения: 07.04.2015).
13. Отчет SCImago (SIR 2011). URL: <http://scimagoir.com> (дата обращения: 07.04.2015).
14. Концепция развития Российской академии наук до 2025 года. – М.: РАН, 2013. – 100 с.
15. Материалы издательства Elsevier. URL: <http://www.elsevier.com> (дата обращения: 15.04.2015).
16. Материалы РАН. URL: <http://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=f40b311a-9c95-4a66-bc9b-0ef10c27ecf7> (дата обращения: 20.04.2015).
17. Федеральный закон № 349-ФЗ (ред. от 26.12.2014 г.) «О федеральном бюджете на 2014 год и на плановый период 2015 и 2016 годов» от 02.12.2013 г.
18. Материалы официального сайта Общества Макса Планка. URL: http://www.mpg.de/forschung_aktuelles (дата обращения: 15.04.2015).
19. Материалы электронной библиотеки E-library. URL: <http://elibrary.ru>
20. Материалы Росстата. – URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 25.04.2015).

Исследование уровня коррупции в российских университетах

С.С. ДОНЕЦКАЯ, доктор экономических наук, Новосибирский государственный университет. E-mail: dss@inbox.ru

В статье представлены результаты анализа мнений студентов об уровне взяточничества в вузах Российской Федерации. На основе распределения вузов федеральных округов и разных отраслевых специализаций по уровню коррупции показано, что это зло в российской высшей школе стало повседневной и скандальной частью современного учебного процесса.

Ключевые слова: коррупция, взяточничество, вуз

Некоторые факты о коррупции в России

Ни для кого не секрет, что в России брали, берут и, очевидно, еще долго будут брать взятки. История отечественного взяточничества началась еще в то время, когда государство не обеспечивало своих подданных казенным доходом, из-за чего им приходилось жить за счет даров от лиц, заинтересованных в их деятельности. Такая форма заработка настолько прижилась на Руси, что даже после того как Петр I ввел обязательное финансирование деятельности чиновников из государственной казны, многие государственные служащие не смогли отказаться от легкого и постоянного дополнительного заработка, коим были коррупционные поборы. Никакие, даже самые жесткие антикоррупционные законы не смогли изменить ситуацию – с веками уровень коррупции только возрастал. Так, если в 1853 г. средний размер взятки чиновнику составлял 30–40% от его годового государственного довольствия, а «берущих» чиновников было не более 9% от общего их числа, то в начале XXI века уже около 70% российских чиновников не стеснялись брать взятки, размер которых до 27 раз превышал их годовую заработную плату [1].

В настоящее время коррупционная деятельность охватила практически все отрасли экономики и все структуры управления государством. Уровень коррумпированности в стране катастрофически высок. Так, по оценкам специалистов из «Ассоциации адвокатов России за права человека», до 46% ВВП России

в 2014 г. находилось в коррупционной тени, а средний размер взятки составил 220 тыс. руб. [2]. По оценкам международных аналитиков, масштабы коррупции в России такие же, как в Нигерии, Иране, Ливане и еще ряде стран, занявших по уровню восприятия коррупции в 2014 г. 136-е место из 174 возможных [3].

В сфере российского образования взятки берут чаще, чем в медицине, налоговых ведомствах, суде и адвокатуре. По уровню упоминания в СМИ о фактах финансовых злоупотреблений сфера образования занимает третье место, уступая только чиновникам и работникам ГИБДД [4]. Причем 37% упоминаний в СМИ о взятках в образовательной сфере касается высшего образования [5].

Методика и задачи исследования

Существуют экономические и социологические методы исследования коррупции. К первым относятся эконометрические модели, методы математического моделирования, предназначенные для выявления факторов, влияющих на уровень коррупции, а также построение различных рейтингов. Данные методы весьма трудоемки и требуют большого массива первичной информации. Именно поэтому наибольшее распространение в последнее время получили социологические методы, основанные на опросах экспертов, предпринимателей и простых граждан.

Несмотря на кажущуюся простоту проведения опросов, социологи указывают, что по-настоящему профессиональных и глубоких исследований проблемы коррупции в системе российского высшего образования сейчас никем не проводится из-за провокационности и непрозрачности темы. Поэтому у исследователей нет точных данных о масштабах взяточничества в российских вузах. В то же время почти каждый очередной опрос студентов показывает, что коррупция во многих университетах уже давно не является чем-то особенным, скорее, наоборот – это почти норма [6].

Сегодня на просторах Интернета можно найти сайты, где студенты анонимно оставляют информацию по интересующей нас проблеме, которая по мере накопления превращается в достаточно надежные интегрированные данные для дальнейшего изучения. Поэтому можно воспользоваться такой информацией для проведения исследований уровня коррупции в российских

вузах и получить ответы на вопросы: действительно ли взяточничество в системе высшего образования стало нормой, в каких вузах и в каких федеральных округах чаще берут взятки.

Источником информации в проведенном исследовании послужили:

1) WEB-сайт «Российское образование. Федеральный портал» [7], где представлены все вузы РФ, имеющие государственную аккредитацию. Там же указана предыстория вузов, т. е. их прошлые названия, а также отмечены факты слияния с другими учебными заведениями, что облегчило поиск информации в условиях участвовавшей за последние годы смены названий вузами;

2) WEB-сайт «ВСЕВЕД» [8]. На нем студенты оставляют свои суждения о качестве образования во всех вузах России по разным специальностям. Здесь можно увидеть мнения студентов о соответствии учебной программы их требованиям, помощи вуза в трудоустройстве, уровне обучения иностранным языкам, случаях употребления наркотиков и др.

С данного сайта была получена информация, касающаяся мнений студентов о качестве профессорско-преподавательского состава, уровне коррупции и общей оценке качества обучения в вузе. Оценки студенты выставляли по 5-балльной шкале: чем ниже уровень взяточничества в вузе и выше уровень педагогического мастерства и качества подготовки в вузе, тем больше балл.

Информация с вышеуказанных сайтов взята в октябре 2014 г. Исследованию подлежали все аккредитованные на момент поиска российские университеты, о качестве образования в которых студенты высказали свои суждения.

Всего собраны мнения студентов о качестве образования и уровне коррупции в 644 вузах (четверть всех университетов России). Из числа обследованных вузов 83,3% – головные организации и 16,7% – филиалы. В выборку попали вузы всех федеральных округов России, из них 31,7% – вузы Северо-Западного округа, 31,3% – Центрального, 26,5% – Сибирского, 19,9% – Приволжского, 18,7% – Уральского, 16,0% – Южного, 15,1% – Дальневосточного и 12,9% – Северо-Кавказского федеральных округов¹. Всего было обследовано 37,5% сельскохо-

¹ Вузы Крымского федерального округа в данном исследовании не анализировались.

зяйственных вузов; 34,9% – медицинских и вузов физической культуры и спорта; 34,1% – классических университетов; 30,4% – технических и технологических; 27,5% – архитектурно-художественных и вузов искусства; 22,4% – педагогических, гуманитарных и лингвистических; 18,3% – вузов экономики, права и сервиса и 5,0% – военных². Группировка вузов по отраслевой специализации выполнялась в соответствии с классификацией, используемой до 2008 г. при рейтинговании вузов Минобрнауки РФ. Эта классификация позволила отнести вузы к конкретной группе, чего нельзя было сделать при использовании Общероссийского классификатора специальностей образования 2003 г. [9], согласно которому каждый вуз может иметь несколько профилей и включаться в разные группы.

Результаты исследования

Результаты исследования показали, что не все преподаватели российских вузов берут взятки (табл. 1). Как правило, чем выше уровень квалификации профессорско-преподавательского состава, тем ниже уровень взяточничества. А вот частота случаев взяточничества от качества предоставляемых образовательных услуг в российских вузах не зависит.

Данные показывают, что коррупция в российских вузах стала повседневным явлением. Однако полученные результаты не позволили выявить, в вузах какого типа случаи взяток бывают чаще. Для этого было проведено распределение вузов, попавших в выборку, по уровню коррупции. Выделены четыре группы вузов в соответствии с границами балльной оценки данного явления, предложенной организаторами сайта «ВСЕВЕД»:

1) вузы с катастрофически высоким уровнем коррупции, где большинство преподавателей берут взятки (оценки от 2 до 3 баллов);

2) вузы с достаточно высоким уровнем коррупции, где взятки практикуются довольно часто (от 3 до 4 баллов);

3) вузы со средним уровнем коррупции, где взятки случаются, но не часто (от 4 до 5 баллов);

² Изучение данной группы вузов из-за малой ее численности не проводилось. В то же время мнения студентов о данных вузах были учтены при анализе всей совокупности исследованных вузов.

4) вузы с очень низким уровнем коррупции, где взятки практически отсутствуют (оценка 5 баллов).

Таблица 1. Корреляция между мнением студентов об уровне коррупции в российских вузах и характеристиками качества обучения

Тип вуза	Корреляция между уровнем коррупции и	
	качеством профессорско-преподавательского состава	общей оценкой качества обучения
Головные	-0,04	-0,34
Филиалы	-0,76	-0,40
Группировка по федеральным округам		
Центральный	-0,81	-0,34
Северо-Западный	-0,83	-0,34
Приволжский	-0,78	-0,47
Южный	-0,69	-0,49
Уральский	-0,82	-0,44
Северо-Кавказский	-0,32	-0,11
Сибирский	-0,04	-0,41
Дальневосточный	-0,78	-0,10
Группировка по отраслевой специализации		
Классические университеты	-0,85	-0,50
Педагогические, гуманитарные и лингвистические вузы	-0,81	-0,24
Вузы экономики, права и сервиса	-0,82	-0,52
Архитектурно-художественные вузы и вузы искусства	-0,62	0,41
Сельскохозяйственные вузы	-0,84	-0,38
Медицинские, вузы физической культуры и спорта	-0,68	-0,36
Технические и технологические	-0,08	-0,36

Данная группировка была проведена для всех вузов, для головных и филиалов (табл. 2), а также по федеральным округам и по отраслевой специализации. Кроме того, было изучено мнение студентов об уровне взяточничества в 161 лучшем университете России в 2013/2014 учебном году, по мнению рейтингового агентства «Интерфакс», а также в национальных исследовательских и федеральных университетах (включая Московский и Санкт-Петербургский государственные университеты).

Таблица 2. Группировка вузов РФ по уровню коррупции, %

Тип вуза	Вузы с уровнем коррупции, баллов			
	от 2 до 3	от 3 до 4	от 4 до 5	5
Головные	19,4	53,4	17,4	9,8
Филиалы	26,1	36,9	14,4	22,5
Лучшие вузы России, по данным «Интерфакса»	12,4	67,9	18,2	1,5
Национальные исследовательские и федеральные университеты, МГУ и СПбГУ	5,3	60,5	34,2	–
Итого	20,6	50,5	16,8	12,0

Как видно из таблицы, в целом по РФ в 20,6% вузов катастрофический уровень коррупции, в половине из них взятки практикуются довольно часто и только в 28,8% вузов уровень взяточничества средний и очень низкий. Необходимо заметить, что распределение филиалов по уровню взяточничества отличается от головных вузов. Так, если средний и низкий уровень коррупции зафиксирован в 27,2% головных вузов, то среди филиалов таких уже – 36,9%. В то же время большая доля филиалов отличается катастрофически высоким уровнем коррупции. Среди лучших вузов такой уровень коррупции встречается реже – 12,4% (в целом по вузам – 20,6%). Тем не менее две трети вузов этой группы сконцентрированы в диапазоне высокого уровня коррупции. Также велик процент ведущих (национальных исследовательских и федеральных) университетов с высоким уровнем коррупции (60,5%). И нет ни одного ведущего российского вуза, где бы преподаватели совсем не брали взятки (в среднем по всем исследованным вузам таких только 12,0%).

По федеральным округам распределение вузов по уровню коррупции также неравномерно (табл. 3). На среднероссийском фоне наиболее сильно выделяются Южный, Северо-Кавказский, Северо-Западный и Дальневосточный федеральные округа. Первые два округа относятся к наиболее коррумпированным российским регионам, где, по мнению студентов, все или почти все преподаватели берут взятки. Поэтому в Южном округе только 14,3% вузов со средним и низким уровнем коррупции, а в Северо-Кавказском округе таких вообще нет. Противоположная ситуация – в Северо-Западном и Дальневосточном федеральных округах, где вузов с низким и средним уровнем коррупции в 2–3 раза больше.

Таблица 3. Группировка вузов РФ по федеральным округам, %

Федеральный округ	Вузы с уровнем коррупции, баллов			
	от 2 до 3	от 3 до 4	от 4 до 5	5
Центральный	14,1	55,4	18,1	12,4
Северо-Западный	12,1	50,5	16,5	20,9
Приволжский	25,5	54,1	14,3	6,1
Южный	42,9	42,9	4,8	9,5
Северо-Кавказский	70,0	30,0	–	–
Уральский	16,3	51,2	14,0	18,6
Сибирский	23,7	43,4	26,3	6,6
Дальневосточный	18,2	36,4	27,3	18,2

При распределении вузов разной отраслевой специализации по уровню коррупции (табл. 4) можно заметить, что почти в половине обследованных сельскохозяйственных вузов, а также медицинских и вузах физической культуры и спорта катастрофически высокий уровень коррупции. Если к ним прибавить вузы с достаточно высоким уровнем коррупции, то получается, что почти в 90% данных вузов взяточничество является привычным атрибутом учебного процесса. Аналогичная ситуация и среди технических и технологических вузов. Отличие лишь в том, что катастрофический уровень взяточничества встречается только в 27,6% из них, а высокий – в 62%. Противоположная ситуация – среди педагогических, гуманитарных и лингвистических вузов, где случаи взяточничества редко встречаются или практически отсутствуют (49,6% вузов), а катастрофически высокий уровень коррупции наблюдается, по мнению студентов, всего в 10,4% вузов данной отраслевой группы.

Таблица 4. Группировка вузов РФ по уровню коррупции в зависимости от отраслевой специализации, %

Отраслевая специализация вузов	Вузы с уровнем коррупции, баллов			
	от 2 до 3	от 3 до 4	от 4 до 5	5
Классические университеты	16,3	54,3	23,9	5,4
Педагогические, гуманитарные и лингвистические	10,4	40,0	26,1	23,5
Экономики, права и сервиса	16,5	45,6	19,8	18,1
Архитектурно-художественные и искусства	14,3	53,6	10,7	21,4
Сельскохозяйственные	44,4	44,4	7,4	3,7
Медицинские, физической культуры и спорта	43,3	46,7	6,7	3,3
Технические и технологические	27,6	62,0	8,0	2,5

Средняя оценка уровня коррупции в российских вузах, рассчитанная на основе мнений студентов, составляет 3,6 балла, т. е. в среднем все вузы России можно отнести к группе с достаточно 4*

высоким уровнем коррупции среди преподавателей (табл. 5). Исключение составляют только педагогические, гуманитарные и лингвистические вузы со средней оценкой уровня коррупции в 4 балла, где преподаватели нечасто прибегают к данному способу заработка.

Таблица 5. Средние оценки уровня коррупции в вузах РФ в разрезе федеральных округов и отраслевой специализации вузов, баллов

Отраслевая специализация вузов	Центральный	Северо-Западный	При-волжский	Южный	Северо-Кавказский	Уральский	Сибирский	Дальневосточный	Итого
Классические университеты	3,7	4,2	3,4	3,2	2,5	3,7	4,1	3,7	3,7
Педагогические, гуманитарные и лингвистические	4,2	4,4	3,8	3,2	2,9	4,0	3,6	4,8	4,0
Вузы экономики, права и сервиса	3,9	3,8	3,5	3,7	3,1	4,1	3,8	4,2	3,8
Архитектурно-художественные и вузы искусства	3,7	4,1	4,0	3,5		3,9	2,5	4,3	3,8
Сельскохозяйственные	2,8	3,0	3,5	3,5	2,5	4,3	2,8	–	3,2
Медицинские, вузы физической культуры и спорта	3,1	3,5	3,3	3,0	3,0	2,5	3,3	2,5	3,2
Технические и технологические	3,4	3,4	3,3	2,9	2,5	3,1	3,5	4,3	3,3
Итого	3,7	3,9	3,5	3,3	2,8	3,8	3,6	3,9	3,6

Средние оценки уровня коррупции в вузах по федеральным округам (за исключением Северо-Кавказского) незначительно отличаются от среднероссийской статистики. Однако если сравнить оценки и по федеральным округам, и по отраслевой специализации, то можно увидеть несколько отличий от среднероссийских показателей.

В Дальневосточном федеральном округе вузы экономики, права и сервиса; архитектурно-художественные и вузы искусства; технические и технологические, по мнению студентов, относятся к группе со средним уровнем коррупции (оценки – 4,2–4,3 балла). В то же время медицинские и вузы физической культуры и спорта – к группе с катастрофически высоким уровнем коррупции (2,5 балла). Отметим также, что педагогические, гуманитарные и лингвистические вузы этого округа – это единственная группа российских вузов, где преподаватели почти не берут взятки (оценка – 4,8 балла).

В Уральском федеральном округе вузы экономики, права и сервиса, а также сельскохозяйственные относятся к группе со средним уровнем коррупции (оценки – 4,1 и 4,3 балла).

Медицинские и вузы физической культуры и спорта, как и в Дальневосточном, входят в группу с катастрофически высоким уровнем коррупции (2,5 балла).

В Северо-Западном федеральном округе классические университеты, архитектурно-художественные и вузы искусства – это учебные заведения со средним уровнем коррупции (оценки – 4,2 и 4,1 балла), а сельскохозяйственные – с катастрофически высоким (3,0 балла).

В Сибирском федеральном округе только классические университеты студенты отнесли к группе со средним уровнем коррупции (4,1 балла). А сельскохозяйственные; архитектурно-художественные и вузы искусства – к группе с катастрофически высоким ее уровнем (2,8 и 2,5 балла).

В Приволжском федеральном округе оценки уровня коррупции вузов всех отраслевых специализаций находятся в диапазоне от 3 до 4 баллов, что соответствует среднероссийским оценкам.

В Центральном федеральном округе не соответствует среднероссийским оценкам только очень высокий уровень взяточничества в сельскохозяйственных вузах (2,8 балла).

В Южном федеральном округе вузы всех специализаций, за исключением технических и технологических университетов, где студенты отметили наличие катастрофического уровня коррупции (2,9 балла), относятся к группе с достаточно высоким ее уровнем (3,2–3,7 балла).

В Северо-Кавказском федеральном округе зафиксированы самые низкие оценки уровня коррупции – не выше 3,1 балла, т. е. практически все преподаватели вузов округа часто берут взятки.

* * *

Таким образом, почти все вузы России, независимо от их отраслевой специализации и принадлежности к федеральному округу, качества оказываемых образовательных услуг и престижа учебного заведения, подвержены коррупционному процессу. Коррупция в российских вузах стала повседневной и, можно даже сказать, важной составной частью учебного процесса, обязательным условием получения требуемой квалификации.

Очевидно, что в ближайшее время ситуация с коррупцией в российских вузах вряд ли изменится. Этого не произойдет в силу стойкости традиций взяточничества, распространенных в некоторых

регионах России. Уровень коррупции определяется еще и тем, насколько высок и стабилен гарантированный государством доход государственных служащих. Большинство российских вузов – это государственные учреждения, а реалии сегодняшней бюджетной политики таковы, что учебные заведения финансируются практически по остаточному принципу. Даже с учетом дополнительного финансирования вузов, получающих государственную поддержку с целью повышения международной конкурентоспособности и вхождения в «Топ-100» международных рейтингов, их совокупный бюджет в несколько раз меньше бюджетов зарубежных университетов, включенных в «Топ-500» данных рейтингов. В то же время именно бюджетное финансирование обеспечивает возможность выплаты фиксированной заработной платы работникам вузов: доля оплаты труда из других источников невелика. Поэтому средняя заработная плата работников университетов будет стабильно отставать от показателей по экономике в целом. Следовательно, у работников вузов будет существовать объективная причина и желание прибегнуть к легкому и удобному способу дополнительного заработка – убедить студентов давать взятку.

Литература

1. Дегтярев А. Н., Маликов Р. И. Деловая коррупция в России // ЭКО. – 2004. – № 7. – С.38–47.
2. Коррупция в России: независимый годовой доклад всероссийской антикоррупционной общественной приемной «Чистые руки». – М., 2014, URL: <http://www.rusadvocat.com/node/954> (дата обращения: 08.02.2015) .
3. Рейтинг стран по уровню восприятия коррупции [Электронный ресурс] URL: <http://gtmarket.ru/ratings/corruption-perceptions-index/info> (дата обращения: 16.02.2015) .
4. Коррупция в зеркале российских СМИ. Итоги 2010 г. [Электронный ресурс] URL: <http://www.public.ru/about/corruption> (дата обращения: 09.02.2015).
5. Коррупция в сфере образования: стабильность достигнута. Итоги 2010 г. [Электронный ресурс] URL: http://www.public.ru/corruption_education (дата обращения: 09.02.2015) .
6. Высшее коррупционное образование. URL: http://www.ng.ru/economics/2011-05-24/1_education.html (дата обращения: 13.02.2015) .
7. Российское образование. Федеральный портал [Электронный ресурс] URL: <http://www.edu.ru/abitur/act.5/rgn.78415000/index.php> (дата обращения: октябрь 2014) .
8. ВСЕВЕД [Электронный ресурс] URL: <http://www.ed.vseved.ru/university/rating/estimation/> (дата обращения: октябрь 2014) .
9. ОК 009–2003. Общероссийский классификатор специальностей по образованию. Утвержден Постановлением Госстандарта РФ от 30.09.2003 № 276-ст.

Угледородное топливо: новые направления экономических исследований в 2006–2013 гг.¹

М.В. ЛЫЧАГИН, доктор экономических наук, Новосибирский государственный университет, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН. E-mail: lychagin@nsu.ru

А.М. ЛЫЧАГИН, кандидат экономических наук, Новосибирский государственный университет. E-mail: anton@lychagin.ru

В статье приведены результаты библиометрического анализа 4361 публикации за 1991–2013 гг., которые в электронной библиографии EconLit имели предметный код L71 Mining, Extraction, and Refining: Hydrocarbon Fuels («Добыча, извлечение, очистка: угледородное топливо»). На конец 2005 г. в EconLit было зафиксировано 2032 работы с кодом L71, часть из них одновременно имела еще 366 других предметных кодов. За 2006–2013 гг. появилось 2329 новых работ с кодом L71, которые породили 123 новых направления исследований на пересечениях L71 с ранее не задействованными предметными областями. В статье дана краткая характеристика этих новых направлений с выделением девяти, которые дали более 10 публикаций.

Ключевые слова: угледородное топливо, новые направления экономических исследований, EconLit

По-видимому, древнеиндийский трактат «Артхашастра» [1] является первой попыткой представить статистическую характеристику текста произведения: «предлагаемое руководство включает 15 отделов, 150 глав, 180 разделов и 6000 шлок»². В XIX в. появились *классификации* для систематизации библиотечных фондов, *наукометрия* (scientometrics) – статистическое исследование

¹ Исходные данные EconLit и результаты их библиометрического анализа публикуются благодаря любезному разрешению Американской экономической ассоциации (письмо от 09.11.2013 г.), которой принадлежит копирайт всех записей EconLit. Библиометрические «координаты» новых направлений исследований также защищены Свидетельством о государственной регистрации базы данных № 2015620085 «Таблицы взаимосвязей 822 предметных областей JEL в 1991–2013 гг. на основе EconLit (EconLit-JEL-91-13)» (дата регистрации – 16.01.2015 г., правообладатели – НГУ и М. В. Лычагин, авторы: Лычагин М. В., Лычагин А. М., Мкртчян Г. М., Суслов В. И., Попов И. Ю., Лычагин Д. М., Мирзагитова М. Г., Слепенкова Ю. М.) .

² Шлока – двуступише со строкой из 16 слогов.

структуры и динамики научной деятельности по числу публикаций, ученых, университетов и т. п., *контент-анализ, или анализ содержания* – количественный анализ текстов и текстовых массивов с целью содержательной интерпретации выявленных числовых закономерностей.

В этом же веке были созданы и предпосылки *индексов научно-го цитирования* в виде инструмента Shepard's Citations, который с 1873 г. охватывал прецеденты в судах всех 48 штатов США и федеральных судах. Система цитирования представляла собой список всех дел в каждом суде, сопровождаемый соответствующим кодом и полным описанием. Для каждого указывались печатный источник, который имел отношение к данному случаю, другие схожие судебные решения и необходимые ссылки для юриста. В 1960 г. Ю. Гарфилд основал Институт научной информации (ISI), который ввел в научное обращение Science Citation Index (SCI) – индекс цитирования статей, опубликованных в научных журналах. Впоследствии в него были включены индексы цитирования по общественным наукам (Social Sciences Citation Index, SSCI) и искусствам (Arts and Humanities Citation Index, AHCI) [2].

В XX в. появился термин «библиометрия» (bibliometrics), который А. Причард определил как «применение математических и статистических методов по отношению к книгам и другим средствам коммуникации» [3].

Возник *морфологический метод*, связанный с именем швейцарского астронома Цвикки [4], когда новое находится путем целенаправленного перебора возможных сочетаний известных элементов и их свойств. Этот метод используется для поиска нового наряду с анализом публикационной активности, показателей, патентов и лексическим и терминологическим анализом.

Усложнение и динамизм хозяйственной и общественной жизни в конце XX века создали предпосылки для развития и все более широкого применения математических методов и компьютерных технологий в научных исследованиях, практике управления и в обучении. Применительно к экономическим исследованиям значимым явлением стало создание и постоянное развитие электронной библиографии EconLit, которая ставит своей целью охватить все предметные области экономики и все виды публикаций, начиная с 1886 г. В марте 2015 г. число публикаций, отраженных в EconLit, превысило 1,4 млн.

Опыт «предметной картографии» в географии и других науках показал, что формы визуально-числового представления материала позволяют лучше понять взаимосвязи различных систем. Это побудило М. В. Лычагина и В. И. Суслова в 1970 г. выдвинуть идею «карт» и «атласа экономических знаний». Цель – создать совокупность взаимосвязанных «карт» разного масштаба, которые бы помогли исследователю, менеджеру и студенту визуализировать все многообразие экономических взаимосвязей, подобно тому, как на географической карте можно измерить расстояние между двумя объектами и с помощью цифр и условных обозначений видеть высоту поверхности над уровнем моря, направления рек, месторождения полезных ископаемых и др., при помощи комбинации рисунков, графиков, моделей, текстов, символов и чисел (от специально сконструированных к реальным), связанных некоторой предметной классификацией.

Для создания таких «карт» неизбежно требовалось статистически анализировать то, что содержалось в разных публикациях, т. е. использовать библиометрический анализ. В последующие годы на экономическом факультете Новосибирского государственного университета и в Институте экономики и организации промышленного производства СО РАН велись работы по созданию и апробации системы анализа экономических знаний с участием ряда исследователей.

Важным этапом стало создание «Атласа публикаций» в 2005 г. [5], в котором представлен анализ работ за 1992–2005 гг. Обобщение зарубежного и отечественного опыта позволило обосновать концепцию системно-инновационного библиометрического анализа и картографирования экономической литературы (СИБАКЭЛ) [6].

За 1991–2005 гг. в EconLit было учтено 576 тыс. публикаций, которые охватывали 757 микрообластей предметной классификации JEL. За 2006–2013 гг. число работ приросло на 82,3% и стало охватывать уже 822 микрообласти. Поэтому с каждым годом все острее становилась потребность выявить новые направления исследований, которые возникли в 2006–2013 гг. на пересечениях как старых, так и новых предметных микрообластей. Эту задачу удалось решить группе исследователей из НГУ и ИЭОПП СО РАН. Было получено разрешение Американской экономической

ассоциации публиковать полученные результаты на английском и русском языках в разных форматах.

Предлагаемая статья-дайджест является первой публикацией, в которой освещены важнейшие новые направления экономических исследований в 2006–2013 гг. применительно к микрообласти L71 «Добыча, извлечение, очистка: углеводородное топливо».

Направления-чемпионы. Среди 123 предметных микрообластей, которые в 2006–2013 гг. породили новые направления экономических исследований на пересечении с микрообластью L71, рассмотрим в порядке убывания те, которые обеспечили более 10 публикаций на новых пересечениях. Общее число публикаций на рассматриваемых пересечениях за период 2006–2013 гг. обозначим через NP.

C58 Финансовая эконометрия (NP = 32). Впервые в записях EconLit эта микрообласть встретилась в 2004 г. – две работы. До 2008 г. число публикаций с кодом C58 не превышало 10. Но потом происходит настоящий «взрыв»: 82 публикации в 2008 г., 122 – в 2009 г., 545 – в 2010 г., 1143 – в 2011 г. На конец 2013 г. – 3952 работы.

С микрообластью L71 пересечение C58 произошло в 2010 г.: шесть статей в научных журналах, которые одновременно в поле дескрипторов имели коды L71 и C58. Среди них три посвящены управлению рисками при торговле сырой нефтью [7–9]. В двух статьях эконометрический анализ охватывает более широкий спектр энергетических и других продуктов и валютных индексов [10–11].

Q57 Экологическая экономика: услуги экосистем; сохранение биологического разнообразия; биоэкономика; индустриальная экология (NP = 31). Микрообласть Q57 входит в мезообласть Q5, которая охватывает проблемы охраны окружающей среды. Появление мезообласти Q5 в предметной классификации JEL на рубеже нового тысячелетия стало ответом на рост значимости эколого-экономических проблем. Подтверждением тесной связи нефтегазовой отрасли и экологии стало быстрое появление публикаций на пересечении L71 и микрообластей, входящих в Q5, в начале 2000-х годов. Последними в этом соединении в 2006 г. стали Q57 и Q50 (общие вопросы экономики окружающей среды).

Хорошим примером статьи на пересечении L71 и Q57 может служить работа Б. Роуча и У. Вейда [12]. В ней предлагается

при оценке ущерба, наносимого природной среде, перейти от традиционного экономического анализа, который ориентирован на потери с точки зрения человека, к анализу, в котором принимались бы во внимание и потери, связанные с изменением (или исчезновением) мест распространения (ареалов) животных и растений.

F50 Международные отношения, национальная безопасность и международная политическая экономия: общее (NP = 15). Мезообласть F5 относится к числу появившихся в предметной классификации JEL в первые годы XXI века и продемонстрировавших впечатляющие темпы. Сюда входит и микрообласть F50. Если в 2002 г. в EconLit было только две публикации с кодом F50, то в 2005 г. их стало 97, а в 2006 г. – 213. Первое пересечение F50 с нашей L71 (шесть работ) было зафиксировано в 2007 г. Тематика публикаций на рассматриваемом пересечении чрезвычайно разнообразна: климатические изменения в Арктике и их влияние на национальную безопасность США [13], искусство управления энергетическими рисками [14], подъемы и падения ОПЕК [15], финансовая помощь между арабскими странами [16]. Всегда приятно встретить отражение в EconLit работы отечественного исследователя, особенно с названием «Может ли Россия стать энергетической супердержавой?» [17].

Q47 Энергетическое прогнозирование (NP = 15). Стартовав в классификации JEL в 2006 г. с одной публикации, эта микрообласть с 2009 г. стала давать десятки работ в год. В 2010 г. в EconLit зафиксированы первые три публикации на пересечении с L71.

Журнал «Экономика энергетики» (цитируется в Web of Science) поместил статью, в которой предложена совокупность регрессионных моделей для описания взаимосвязи цен и объемов потребления природного газа для каждого штата США за последние 20 лет [18].

В статье в «Журнале энергетики и развития» предлагается использовать модификацию модели Mackey-Glass для изучения сезонных колебаний цен на нефть [19]. Для иллюстрации даны месячные данные из Западного Техаса.

Статья трех авторов из Ирана посвящена проблеме, которой уделяют много внимания представители академической науки и практики бизнеса: прогнозированию цен на бензин [20]. Предложен вариант гибридной системы, в которой интегрированы:

1) искусственная нейронная сеть типа Group method of data handling (GMDH) (добыча данных + извлечение знаний + комплексное моделирование + предсказание + распознавание образов + параметрическая оптимизация в моделях³); 2) экспертная система, основанная на правилах с возможностями поиска необходимых данных в Интернете.

Q01 Устойчивое развитие (NP = 14). Хотя эта микрообласть присутствует в EconLit с 1995 г., однако только в 2007 г. одна публикация пересеклась с L71. Эта работа посвящена обсуждению соотношения между «слабой» и «сильной» замещаемостью капитала и ресурсов [21]. Большинство статей на рассматриваемом пересечении связано с оценкой влияния нефтегазового сектора на устойчивость развития (с детализацией по факторам и регионам, включая Арктику [22]).

G01 Финансовые кризисы (NP = 12). Первые две публикации с кодом G01 зафиксированы в EconLit в 2003 г. С 2005 г. по 2008 г. число работ выросло с 12 до 69. С 2009 г. ежегодно регистрируется более 1000 работ.

Первая работа на пересечении G01 и L71 появилась в 2009 г. [23]. В ней высказано мнение, что «в энергетике принято принимать решения в условиях неопределенности. И, наоборот, обманчиво определенные решения могут быть драматичными для инвестора». Сделан прогноз о том, что системный кризис 2008 г. окажет влияние на индустрию природного газа.

Q16 Исследования и разработки в сельском хозяйстве; агротехнологии; биотопливо (NP = 12). В 2009 г. появилась первая работа на пересечении L71 и Q16, в которой вопросы нефти и природного газа рассмотрены во взаимосвязи с инновациями, транзакционными отношениями, спросом, предложением и ценообразованием на сельскохозяйственную продукцию [24].

O24 Планирование и политика развития: торговая политика; политика движения факторов производства; политика обменных курсов валют (NP = 11). Интенсивный рост числа публикаций (более 100 в год) с кодом O24 наблюдается с 2001 г. В 2006 г. зафиксированы первые две работы на пересечении O24 и L71, посвященные проблемам вхождения Саудовской Аравии в ВТО (состоялось 11.12.2005) [25–26].

³ URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Group_method_of_data_handling (дата обращения: 15.04.2015).

Н54 Расходы национального правительства и связанные с этим политики: инфраструктура и другие государственные инвестиции и вложения капитала (NP = 11). Первое пересечение с L71 – в 2007 г. В EconLit зафиксировано три работы.

Статья «Назад в будущее» – взаимоотношения Китая со странами Африки, новые инвестиции на континенте и связь этого продвижения с политикой США в Африке [27].

Вторая статья посвящена анализу впечатляющих экономических успехов (в том числе благодаря нефтедобывающей промышленности), достигнутых Казахстаном за последние шесть лет перед написанием этой работы [28].

Для надлежащего понимания аббревиатур, содержащихся в третьей статье [29], обратимся к энциклопедиям. Если сокращение FDI – прямые иностранные инвестиции – для многих стало привычным, то GCC – Gulf Cooperation Council – это региональная межправительственная организация арабских стран Персидского залива, в которую входят Бахрейн, Кувейт, Оман, Катар, Саудовская Аравия и Объединенные Арабские Эмираты. В статье изучаются (на основе панельных данных за 1980–2002 гг.) факторы, определяющие потоки прямых иностранных инвестиций в страны GCC. Расчеты по модели выявили, что запасы и объемы производства нефти оказывают негативное влияние на FDI. Оценки также демонстрируют, что качество институтов, свобода торговли и развитие инфраструктуры положительно воздействуют на приток FDI, в то время как человеческий капитал оказывает негативное влияние.

Резюме

Библиометрический анализ публикаций за 2006–2013 гг., отраженных в авторитетной электронной библиографии EconLit, позволил выявить 123 новых направления экономических исследований, которые возникли на пересечениях микрообласти L71 «Добыча, извлечение, очистка: угледородное топливо» с другими микрообластями предметной классификации JEL. Часть из них обусловлена включением в предметную классификацию новых делений для лучшего отражения изменений, происходящих в мировой экономике (финансовые кризисы, глобализация и др.). Но встретились и микрообласти, которые долгое время как бы находились в «спячке» (например, Q01 «Устойчивое развитие»), прежде чем сформировать новое пересечение с L71.

Несмотря на интенсивное развитие новых направлений исследований в 2006–2013 гг., на начало 2014 г. в предметной классификации JEL существовала 331 микрообласть, не имевшая пересечений с L71. Особое внимание следует обратить на 50 еще незадействованных микрообластей, входящих в макрообласть С «Математические и количественные методы».

От редакции. Если материал заинтересует уважаемого читателя, то его авторы готовы подготовить для «ЭКО» дайджесты по ряду других перспективных и интересных направлений экономических исследований, находящихся в предметной сфере журнала и выявленных на основе библиометрического анализа.

Направляйте запросы по E-mail: eco@ieie.nsc.ru

Литература

1. Артхашастра или Наука политики / Подгот. В. И. Кальянов. – М.: Ладомир; Наука, 1993. – С. 16.
2. *Garfield E.* Citation indexes for science: a new dimension in documentation through association of ideas // *Science*. – 1955. – Vol. 122. – P. 108–111.
3. *Pritchard A.* Statistical bibliography or bibliometrics? // *Journal of Documentation* 24. – 1969. – P. 348–349.
4. Янч Э. Прогнозирование научно-технического прогресса. – М.: Прогресс, 1974. – С. 212–219.
5. *Лычагин М. В., Лычагин А. М., Шевцов А. С.* Атлас публикаций по экономике на основе EconLit. 1992–2005 = Atlas of publications in economics on the EconLit basis. 1995–2005 / Отв. ред. В. И. Суслов; Новосиб. гос. ун-т. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2007. – 400 с. (на рус. и англ. яз.).
6. *Лычагин М. В., Мкртчян Г. М., Суслов В. И.* Концепция системно-инновационного библиометрического анализа и картографирования экономической литературы // *Вестник НГУ. Серия: Социально-экономические науки*. – 2014. – Т. 14. – Вып. 2. – С. 127–141.
7. *Yun W.-C., Kim H. J.* Hedging Strategy for Crude Oil Trading and the Factors Influencing Hedging Effectiveness // *Energy Policy*. – 2010. – Vol. 38. – № 5. – P. 2404–2408.
8. *Cheong C. W.* Long-Memory Dynamic Power Volatility and Market Risk Evaluation of Brent Crude Oil Markets // *Journal of Energy and Development*. – 2010. – Vol. 36. – № 1–2. – P. 243–272.
9. *Cheong C. W.* Market Risks in Spot Markets of Crude Oil and Products: A Long Memory Value-at-Risk Approach // *Journal for Studies in Economics and Econometrics*. – 2010. – Vol. 34. – № 2. – P. 19–38.
10. *Chaker A., Mabrouk S.* Value-at-Risk Estimations of Energy Commodities via Long-Memory, Asymmetry and Fat-Tailed GARCH Models // *Energy Policy*. – 2010. – Vol. 38. – № 5. – P. 2326–2339.
11. *Xue S., Cheng M.-Y.* Nonparametric Change-Point Analysis of Gold and Petroleum Prices and US Dollar Index // *Journal of the Chinese Statistical Association*. – 2010. – Vol. 48. – № 1. – P. 45–73.
12. *Roach B., Wade W. W.* Policy Evaluation of Natural Resource Injuries Using Habitat Equivalency Analysis // *Ecological Economics*. – 2006. – Vol. 58. – № 2. – P. 421–433.

13. *Chalecki E. L.* He Who Would Rule: Climate Change in the Arctic and Its Implications for U. S. National Security // *Journal of Public and International Affairs.* – 2007. – Vol. 18. – P. 204–222.
14. *Van der Linde C.* The Art of Managing Energy Security Risks // *EIB Papers.* – 2007. – Vol. 12. – № 1. – P. 50–78.
15. *Beenstock M.* The Rise, Fall and Rise Again of OPEC // In *Economic Disasters of the Twentieth Century*, ed. Michael J. Oliver and Derek H. Aldcroft. Cheltenham U. K., Northampton, Mass.: Elgar. – 2007. – P. 133–161.
16. *Villanger E.* Arab Foreign Aid: Disbursement Patterns, Aid Policies and Motives // *Forum for Development Studies.* – 2007. – Vol. 34. – № 2. – P. 223–256.
17. *Milov V.* Can Russia Become an Energy Superpower? // *Social Sciences.* – 2007. – Vol. 38. – № 1. – P. 23–32.
18. *Kalashnikov V. V., Matis T. I., Perez-Valdes G. A.* Time Series Analysis Applied to Construct US Natural Gas Price Functions for Groups of States // *Energy Economics.* – 2010. – Vol. 32. – № 4. – P. 887–900.
19. *Melhem S., Terraza M., Chikhi M.* Cyclical Mackey-Glass Model for Oil Bull Seasonals // *Journal of Energy and Development.* – 2010. – Vol. 36. – № 1–2. – P. 165–178.
20. *Abrishami H., Mehrara M., Ahrari M., Varahami V.* A Hybrid Intelligent System for Forecasting Gasoline Price // *Iranian Economic Review.* – 2010. – Vol. 15. – № 27. – P. 13–31.
21. *Ayres R. U.* On the Practical Limits to Substitution // *Ecological Economics.* – 2007. – Vol. 61. – № 1. – P. 115–128.
22. *Bock N.* Sustainable Development Considerations in the Arctic // In *Environmental Security in the Arctic Ocean*, ed. Paul Arthur Berkman and Alexander N. Vylegzhanin. – 2013. – Vol. 37–57. Published in cooperation with NATO Emerging Security Challenges Division. NATO Science for Peace and Security Series C: Environmental Security. Dordrecht: Springer.
23. *Cio A.* La Grande Crisi ed i futuri scenari del metano (With English summary) // *Energia.* – 2009. – Vol. 30. – № 3. – P. 8–12.
24. *Hill K, Hofer R.* Sustainable Solutions for Modern Economies: Natural Gases and Oils // *Sustainable Solutions for Modern Economies*, ed. Rainer Hofer. RSD Green Chemistry series. Cambridge: Royal Society of Chemistry, 2009. – P. 167–237.
25. *Seznec J.-F.* WTO and the Dangers of Privatisation: An Analysis of the Saudi Case // In: *Institutions, Globalisation and Empowerment*, ed. Kartik C. Roy and Jorn Sideras. Cheltenham U. K., Northampton, Mass.: Elgar. – P. 223–241.
26. *Ramady M. A., Mansour M.* The Impact of Saudi Arabia's WTO Accession on Selected Economic Sectors and Domestic Economic Reforms // *World Review of Entrepreneurship, Management and Sustainable Development.* – 2006. – Vol. 2. – № 3. – P. 189–199.
27. *Pollock Gr.* Back to the Future: Understanding China's Return to Africa and Its Implications for U. S. Policy // *Journal of Public and International Affairs.* – 2007. – Vol. 18. – P. 55–79.
28. *Brauer B.* Kazakhstan's Economic Challenges: How to Manage the Oil Boom? // *Transition Studies Review.* – 2007. – Vol. 14. – № 1. – P. 188–194.
29. *Mina W.* The Location Determinants of FDI in the GCC Countries // *Journal of Multinational Financial Management.* – 2007. – Vol. 17. – № 4. – P. 336–348.

Актуарное обоснование условий повышения пенсионного возраста в Российской Федерации*

А.К. СОЛОВЬЁВ, доктор экономических наук, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва. E-mail: sol26@100.pfr.ru

Проблема повышения пенсионного возраста в России обсуждается уже с первых шагов рыночных преобразований системы пенсионного обеспечения, т. е. четверть века, но сколько-нибудь видимого продвижения к ее решению пока нет. Все цивилизованные страны уже выработали четкую программу действий, хотя и с разными социальными и экономическими последствиями: одни повысили пенсионный возраст «шоковыми» инструментами за один-два года, другие растянули этот процесс на несколько десятилетий, третьи отказались от возрастного регулятора страховых пенсионных прав. В нынешних российских социально-экономических условиях проблема повышения пенсионного возраста приобрела особую остроту.

Ключевые слова: пенсионная реформа, пенсионный возраст, численность пенсионеров, демографическая нагрузка на экономику

Мировые пенсионные системы

Повышение пенсионного возраста позиционируется сторонниками этой меры как главный фактор экономии бюджетных средств путем сокращения числа новых назначений страховой пенсии. Однако в условиях сохранения действующего страхового механизма формирования и реализации пенсионных прав застрахованных лиц достижение поставленной цели сопряжено с рядом объективных условий и факторов.

Сами нынешние и будущие пенсионеры считают такой способ решения финансовых проблем правомерным только в том случае, если не произойдет снижения гарантированных государством пенсионных прав, заработанных в течение трудоспособного периода жизни. Практика зарубежных стран показывает, что для решения данной многофункциональной задачи

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета 2015 г. Статистический анализ и расчеты выполнены С. А. Донцовой, С. Е. Кучук, Е. Б. Новиковой.

необходимо наличие демографических и социально-трудовых предпосылок для повышения пенсионного возраста. Государство же в первую очередь рассматривает последствия реализации этой меры для бюджета Пенсионного фонда России и макроэкономики в целом.

С последней четверти XX века ведутся активные научные обсуждения, сопровождаемые агрессивной критикой законодательно установленного возраста выхода на пенсию в России, который остается самым низким из всех стран, имеющих общегосударственную систему обязательного пенсионного обеспечения (табл. 1). Пенсионные системы всех развитых стран (в первую очередь ОЭСР) давно установили 65-летний рубеж пенсионного возраста, причем в абсолютном большинстве государств – даже без символических гендерных различий (льготного понижения возраста для женщин). Более того, в начале XXI века многие страны ОЭСР приступили к корректировке общегосударственных пенсионных программ в направлении дальнейшего повышения возраста выхода на пенсию – до 67 и даже до 70 лет.

**Таблица 1. Нормативный возраст выхода
на государственную пенсию на общих основаниях
в странах ОЭСР**

Страна	Мужчины	Женщины
Германия	65	65
Греция	65	64
Испания	65	65
Франция	65	65
Италия	66	62
Финляндия	65	65
Швеция	65	65
Великобритания	65	61
Норвегия	67	67
Швейцария	65	64
Канада	65	65
США	66	66
Польша	65	60

Однако надо учитывать, что во все времена повышение пенсионного возраста осуществлялось постепенно: от 1–2 мес. за календарный год в начале и до 3–4 мес. – в конце переходного периода. В результате процесс перехода растягивался в среднем

на 20–25 лет. По данным аналитических обзоров ОЭСР, все страны должны завершить переход на рубеж 67-летнего выхода на трудовую пенсию на общих основаниях не позднее 2020-х годов. Одновременно некоторые государства уже отработывают схемы перехода на 70-летний возрастной рубеж к середине 2030-х годов.

Почему же российская пенсионная система отстает от этого процесса? Ответ на этот вопрос заключается в том, что в страховой пенсионной системе общеустановленный возраст является не аксиоматическим параметром, а производной величиной, получаемой расчетным путем из уравнения актуарного баланса пенсионных прав и обязательств.

Сторонники повышения пенсионного возраста в России аргументируют необходимость его безотлагательного введения увеличением числа работающих пенсионеров (табл. 2), а также существенным изменением демографических тенденций, в частности, устойчивым ростом общей продолжительности жизни при рождении, особенно за последние пять лет (рис. 1).

Таблица 2. Динамика числа работающих пенсионеров в России в 2000–2015 гг., тыс. чел.

Год	Работающие пенсионеры, тыс. чел.
2000	6 101, 8
2001	5 762, 2
2002	6 486, 1
2003	7 067, 7
2004	7 821, 4
2005	8 594, 1
2010	12 382,8
2011	13 032, 9
2012	13 671, 7
2013	14 328,0
2014	14 920,3
2015	15 310,0

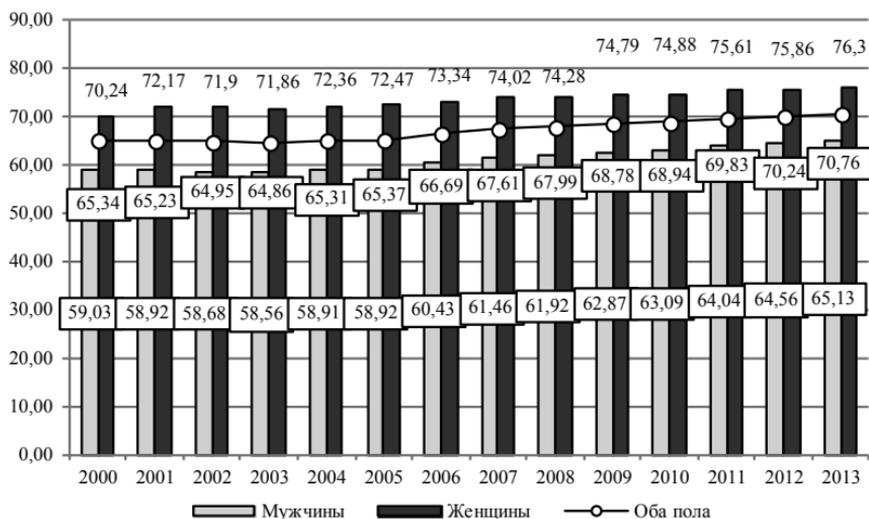

Рис. 1. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в России в 2000–2013 гг.

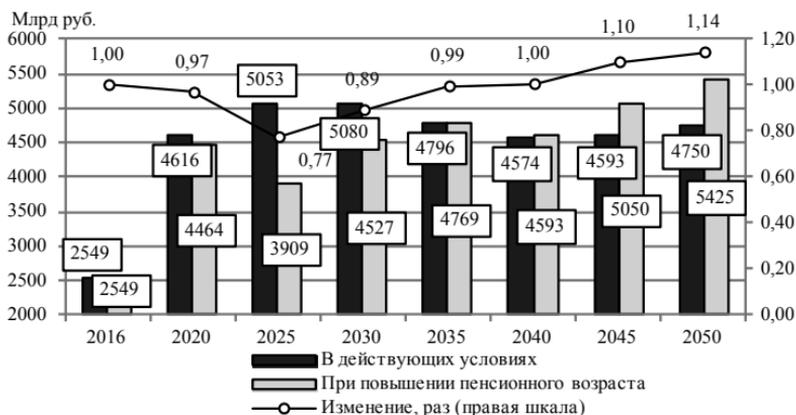
Источник: Данные таблиц смертности и ожидаемой продолжительности жизни. Федеральная служба государственной статистики. Официальный сайт. URL: <http://www.gks.ru>. Расчеты автора.

Увеличивается и демографическая нагрузка на экономику, что проявляется в росте соотношения нетрудоспособного и трудоспособного населения (табл. 3).

Таблица 3. Ожидаемый рост демографической нагрузки на экономику в 2015–2050 гг., млн чел.

Численность	2015	2020	2025	2030	2035	2040	2045	2050
Получателей страховой пенсии	39,7	41,2	42,0	42,0	42,0	42,0	41,8	40,9
Наемных работников	45,5	44,5	43,2	42,6	42,7	42,3	41,3	40,1

Среди других причин называют усиление разбалансированности бюджета пенсионной системы и, соответственно, увеличение риска субсидиарной ответственности по трансфертному финансированию бюджета Пенсионного фонда России (ПФР) на покрытие дефицита (рис. 2) и увеличение пенсионной нагрузки на бизнес в форме неизбежного повышения размера страховых тарифов для всех участников пенсионного процесса или отдельных видов трудовой деятельности (в первую очередь это касается самозанятого населения и малого бизнеса).

Источник: Прогноз долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2030 г. Министерство экономического развития РФ. Официальный сайт. URL: <http://www.economy.gov.ru>. Расчеты автора.

Рис. 2. Объем межбюджетных трансфертов необходимый для покрытия дефицита бюджета ПФР (в действующих условиях и при повышении пенсионного возраста) в 2016–2050 гг., млрд руб.

Демографические предпосылки повышения пенсионного возраста

Действительно, численность работающих пенсионеров неуклонно растет, что часто трактуется как наглядное свидетельство увеличения продолжительности жизни. Но принципиально важно выяснить, кто и почему работает после назначения трудовой пенсии. Так, в число работающих пенсионеров входят, в первую очередь, «досрочники», т. е. северяне; работающие во вредных и опасных условиях; занятые в отраслях, где есть право на «выслугу лет», а также низкодоходные категории населения, которые просто вынуждены работать для выживания на тех рабочих местах с низкой зарплатой, на которые никто и не претендует, кроме временных трудовых мигрантов.

Еще один «аргумент» – это рост ожидаемой продолжительности жизни при рождении в России, которая, действительно, существенно увеличилась и в 2013 г. составила у женщин 76,3 года, у мужчин – 65,13 года. Однако она все еще ниже, чем в более-менее развитых странах Америки, Азии и Европы (в том

числе в Чехии, Словакии, Словении, Польше, Греции, странах Прибалтики, не говоря уже о США, Франции, Германии, Японии и т. д.) (табл. 4).

Таблица 4. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в некоторых странах мира в 2012 г., лет

Государство	Пол	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет	Превышение над Россией (-), лет
Австралия	Мужчины	84,4	-8,1
	Женщины	79,9	-14,3
	Оба пола	82,1	-11,3
Австрия	Мужчины	83,6	-7,3
	Женщины	78,4	-13,3
	Оба пола	80,9	-10,2
Бельгия	Мужчины	83,1	-6,8
	Женщины	77,8	-12,7
	Оба пола	80,4	-9,6
Великобритания	Мужчины	83,6	-7,3
	Женщины	79,5	-14,4
	Оба пола	81,5	-10,7
Германия	Мужчины	83,3	-7,0
	Женщины	78,6	-13,5
	Оба пола	80,9	-10,1
Гонконг	Мужчины	86,4	-10,1
	Женщины	80,7	-15,6
	Оба пола	83,5	-12,7
Греция	Мужчины	83,4	-7,1
	Женщины	78,0	-12,9
	Оба пола	80,6	-9,9
Дания	Мужчины	82,1	-5,8
	Женщины	78,1	-13,0
	Оба пола	80,1	-9,3
Израиль	Мужчины	83,6	-7,3
	Женщины	79,9	-14,8
	Оба пола	81,7	-10,9
Ирландия	Мужчины	83,2	-6,9
	Женщины	78,7	-13,6
	Оба пола	80,9	-10,1
Исландия	Мужчины	84,3	-8,0
	Женщины	81,6	-16,5
	Оба пола	82,9	-12,2

Государство	Пол	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет	Превышение над Россией (-), лет
Испания	Мужчины	85,4	-9,1
	Женщины	79,5	-14,4
	Оба пола	82,4	-11,6
Италия	Мужчины	85,6	-9,3
	Женщины	80,4	-15,3
	Оба пола	82,9	-12,2
Канада	Мужчины	83,4	-7,1
	Женщины	79,1	-14,0
	Оба пола	81,2	-10,5

Главное, следует подчеркнуть, что в соответствии с экономической и социальной функцией государственной пенсии ожидаемая продолжительность жизни при рождении не является показателем, на который можно ориентироваться при установлении пенсионного возраста. Ее рост достигается, в первую очередь, за счет повышения этого показателя для детей и в меньшей степени – лиц трудоспособного возраста. В частности, продолжительность жизни у детей выросла за последние 11 лет на шесть лет (у мальчиков) и на четыре года (у девочек), в то время как у лиц старше трудоспособного возраста – всего на 1,46 у мужчин и 1,36 года – у женщин (табл. 5).

Таблица 5. Рост ожидаемой продолжительности жизни в России по основным возрастным группам в 2002–2013 гг., лет

Возраст, лет	Пол	2002	2013	Абсолютный прирост (2013 к 2002)
Моложе трудоспособного возраста (0–15)				
0	Мужчины	58,68	65,13	6,45
	Женщины	71,90	76,3	4,40
15	Мужчины	45,08	51,02	5,94
	Женщины	58,16	62,11	3,95
В среднем по группе моложе трудоспособного возраста				
	Мужчины	52,32	58,35	6,03
	Женщины	65,45	69,46	4,01
В трудоспособном возрасте (16–55/16–59)				
16	Мужчины	44,12	50,06	5,94
	Женщины	57,19	61,13	3,94
54	Женщины	23,04	26,21	3,17
59	Мужчины	13,35	16,33	2,98

Возраст, лет	Пол	2002	2013	Абсолютный прирост (2013 к 2002)
В среднем по группе в трудоспособном возрасте				
	Мужчины	28,53	33,03	4,50
	Женщины	39,92	43,53	3,61
Старше трудоспособного (55 и более/60 и более)				
55	Женщины	22,24	25,36	3,12
60	Мужчины	12,8	15,73	2,93
100	Мужчины	1,38	1,48	0,10
	Женщины	1,77	1,84	0,07
В среднем по группе старше трудоспособного возраста				
	Мужчины	9,36	10,82	1,46
	Женщины	13,51	14,87	1,36

У населения, дожившего до законодательно общеустановленного пенсионного возраста (т. е. до 55 лет для женщин и 60 лет для мужчин), прирост ожидаемой продолжительности жизни составил в 2013 г. к уровню 2002 г. для женщин 3,1 года, для мужчин – 2,9 года.

Следует напомнить, что в России ожидаемая продолжительность жизни при достижении общеустановленного пенсионного возраста составляет у женщин 25,36 года, у мужчин – 15,73 года. Значение этого показателя только недавно вышло на уровень 1950-х годов (в начале 2000-х мы находились на уровне 1896–1897 гг.) (табл. 6).

Таблица 6. Динамика ожидаемой продолжительности жизни при достижении пенсионного возраста в России в XIX–XXI вв.

Пол и возраст	1896–1897	1926–1927	1958–1959	2000	2012	2013
Мужчины в возрасте 60 лет	13,9	14,5	15,9	13,21	15,38	15,73
Женщины в возрасте 55 лет	17,2	20,7	24,2	22,53	25,05	25,36

Приведенная статистика показывает, что, как и столетием раньше, до нормативно установленного пенсионного возраста не доживают около 10% женщин и 34% мужчин.

В странах Западной Европы, а также в США, Мексике пенсионный возраст давно повышен до 65 лет и начато повышение до 67 лет (Австралия, Израиль, Греция, Норвегия, Франция). Однако главным движущим фактором данного процесса послужила именно устойчивая тенденция повышения ожидаемой продолжительности жизни в этих странах для 65-летних, которая

принципиально выше, чем в России. Например, в Финляндии для женщин – 21,6 года, для мужчин – 17,8 года, во Франции – 19,1 и 13,4 года соответственно.

Страны Восточной Европы также стали повышать пенсионный возраст, хотя продолжительность жизни в них ниже, чем в Западной Европе. Но причины заключаются в геополитических обязательствах государств, входящих в ЕС. В Эстонии в 2014 г. пенсионный возраст составлял 63 и 61 год для мужчин и женщин соответственно (дожитие в 65 лет составляет 14,8 и 20,3 года). Чехия повышает возраст ежегодно на два месяца без установления верхнего предела. В 2014 г. он составлял 62,67 года для мужчин и 61,33 года – для женщин. Ожидаемая продолжительность жизни для 65-летних в этой стране – 15,7 и 19,2 года соответственно.

В России ожидаемая продолжительность жизни в возрасте 65 лет ниже, чем во всех странах Евросоюза: женщины – 17,36 года, мужчины – 13,08 года. Не доживают до этого возраста 18% женщин и 44% мужчин. Так, из числа 20-летних женщин до 60 лет не доживут 12%, а в течение последующих пяти лет – еще 5,6%. Особенно негативная тенденция резкого сокращения периода дожития наблюдается в старших возрастах. Так, из числа мужчин, достигших возраста 60 лет, 15% не доживают до 65-летнего возраста.

Это означает, что в случае перехода на общеевропейский пенсионный возраст абсолютное большинство населения России будет практически лишено права получения страхового возмещения, что противоречит нормативным документам Международной организации труда по «гарантии охвата и доступности» для населения социальных форм материального обеспечения.

В настоящее время гипотетически можно говорить о наличии демографических предпосылок повышения пенсионного возраста только для женщин, и то с очень большой натяжкой. По прогнозу, разработанному на основе параметров, установленных Концепцией демографического развития России, 60-летние мужчины достигнут текущей ожидаемой продолжительности жизни в странах ОЭСР для 65-летних мужчин не ранее 2040-х годов. Только тогда повышение пенсионного возраста станет адекватным западным

параметрам, и период предстоящей жизни у пенсионеров будет достаточным для реализации их пенсионных прав. Для женщин это можно сделать несколько ранее – в 2025–2030 гг.

Теперь о самом показателе «демографической нагрузки», которая измеряется соотношением нетрудоспособного населения старше общеустановленного (в странах ОЭСР и в мировой практике – 65 лет) и трудоспособного возраста. В соответствии с данной методологией в нашей стране численность населения трудоспособного возраста будет превышать численность старше трудоспособного возраста на всем прогнозном интервале не менее чем в 1,5 раза (табл. 7).

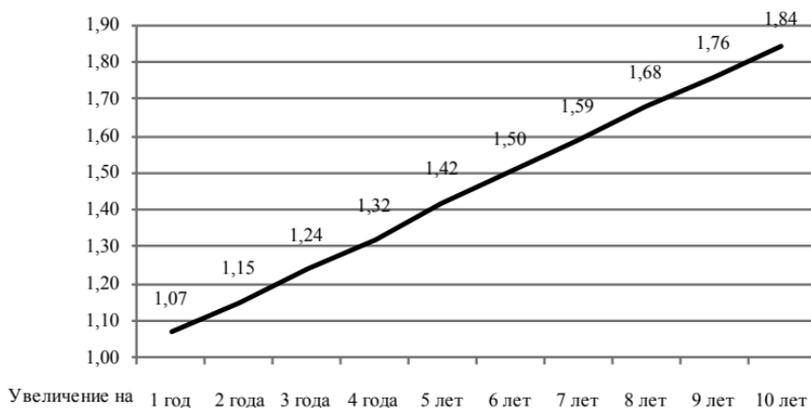
Таблица 7. Прогноз численности трудоспособного и нетрудоспособного населения в РФ в 2015–2050 гг., млн чел.

Численность населения	2015	2020	2025	2030	2040	2050
В трудоспособном возрасте	83,6	79,7	78,3	78,6	75,4	70,5
В возрасте старше трудоспособного	34,9	38,0	39,6	40,4	42,8	45,0
В возрасте моложе трудоспособного	25,4	26,8	26,4	24,3	23,3	26,0
Всего	143,9	144,5	144,2	143,3	141,6	141,5

Источник: расчеты автора.

Это означает, что даже объективно существует демографический резерв для увеличения соотношения численности лиц, уплачивающих страховые взносы в ПФР, и пенсионеров. **Граждане трудоспособного возраста, которые по объективным основаниям не могут участвовать в легальном трудовом процессе, при достижении установленного возраста потребуют от государства реализации своих конституционных прав как минимум в форме социальной пенсии, которая, как известно, ненамного ниже страховой.**

Следующий социально-демографический аспект проблемы повышения пенсионного возраста – это инвалидизация населения России. Ее высокий уровень при повышении общеустановленного пенсионного возраста вызовет существенный скачок числа получателей пенсий по инвалидности. При увеличении пенсионного возраста на один год численность пенсионеров по инвалидности вырастет, по оценкам, на 7–9%, на два года – на 15–17%, на три года – на 24% и т. д. (рис. 3).

Источник: данные выборки из базы данных актуарных расчетов ПФР. Расчеты автора.

Рис. 3. Рост численности получателей страховой пенсии по инвалидности при увеличении пенсионного возраста на 1–10 лет, раз

Социально-трудовые предпосылки повышения пенсионного возраста

Процесс повышения пенсионного возраста должен быть подготовлен адекватным развитием всей социально-экономической системы государства. В первую очередь должны быть созданы соответствующие рабочие места как для пожилых людей, которых коснется повышение пенсионного возраста, так и для молодых, чтобы избежать роста молодежной безработицы. Должны быть изменены тенденции роста незанятости населения трудоспособного возраста, которые усугубляются на протяжении всего периода реформирования пенсионной системы.

На сегодняшний день необходимые условия на рынке труда отсутствуют. В 2011 г. численность застрахованных лиц трудоспособного возраста, зарегистрированных в системе персонализированного учета ПФР, составила 88,1 млн чел. Из них были заняты и уплачивали страховые взносы лишь 57 млн чел. Более трети застрахованных лиц трудоспособного возраста – 31 из 88 млн – не были заняты деятельностью, подлежащей обязательному пенсионному страхованию (16,9 млн мужчин

и 13,1 млн женщин). Потери² доходов ПФР от незанятости составили 867,5 млрд руб. (30,8% от объема поступивших страховых взносов на страховую и накопительную части).

В 2002 г. уровень занятости застрахованных трудоспособного возраста³ составлял 74,3%, в 2011 г. он упал до 64,7%, причем доля занятых уменьшилась больше среди мужчин, нежели среди женщин (соответственно на 11 и 8 п. п.). Сильнее всего снизился удельный вес занятых среди мужчин в наиболее работоспособных возрастных группах: 35–39 лет (снижение на 11,9 п. п.), 40–44 года (на 13,2 п. п.), 45–49 лет (на 12,4 п. п.). И, вероятно, этот факт свидетельствует не столько о полной незанятости, сколько об уходе в «теневую экономику».

Незанятость застрахованных лиц трудоспособного возраста надо рассматривать в двух аспектах: текущая и хроническая. Текущая незанятость подразумевает, что за застрахованное лицо в течение всего рассматриваемого года не начислялись и не уплачивались страховые взносы. Она оказывает негативное влияние в первую очередь на объемы текущего поступления страховых взносов в ПФР.

Хроническая незанятость означает, что за застрахованное лицо на протяжении ряда лет не начислялись и не уплачивались взносы. За рассматриваемый нами 10-летний период максимальная продолжительность хронической незанятости составит соответственно 10 лет. Такая хроническая незанятость наиболее негативно сказывается на объемах пенсионных прав застрахованных лиц.

В качестве примера проанализируем численность застрахованных лиц трудоспособного возраста, не сформировавших пенсионные права в отчетном году (т. е. величина текущей незанятости возросла на 62,5% – с 19 млн чел. в 2002 г. до 31 млн чел. в 2011 г.). Доля незанятых в численности зарегистрированных в СПУ застрахованных лиц трудоспособного возраста увеличилась за 10 лет с 25,6% до 35,3%. Из общего числа застрахованных

² Численность незанятых трудоспособного возраста в 2011 г. (число пенсионеров по инвалидности этого возраста) · 12 · среднюю зарплату в экономике в 2011 г. · тариф 26% = (14423595–2526035) · 12 · 23369 · 0,26).

³ Рассчитан как отношение численности занятых застрахованных лиц трудоспособного возраста к численности застрахованных лиц трудоспособного возраста, зарегистрированных в системе персонифицированного учета Пенсионного фонда РФ, выраженное в процентах.

лиц трудоспособного возраста около 14,4 млн чел. за период с 2002 г. по 2011 г. официально не были заняты и не уплачивали взносы. Их доля в численности зарегистрированных в СПУ лиц этого возраста составила 16,4% (табл. 8).

Таблица 8. Структура численности наемных работников по продолжительности периода работы в течение года в Российской Федерации в 2002–2011 гг., %

Продолжительность периода работы	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
<i>Женщины 20–54 лет</i>										
Всего	100,0									
1 год	75,0	74,8	74,6	74,5	73,0	72,3	72,3	73,5	71,3	68,1
6–11 мес.	13,6	14,0	14,4	14,5	15,6	16,4	16,9	15,0	20,0	22,8
Менее 6 мес.	11,4	11,1	11,0	11,1	11,5	11,3	10,7	11,5	8,8	9,1
<i>Мужчины 20–59 лет</i>										
Всего	100,0									
1 год	64,2	64,0	64,3	64,8	63,7	62,6	62,5	64,0	62,1	59,8
6–11 мес.	19,3	19,7	19,7	19,6	20,4	21,3	22,0	19,3	25,8	28,1
Менее 6 мес.	16,5	16,3	16,0	15,6	15,9	16,0	15,5	16,7	12,1	12,2

Источник табл. 8–9: Всероссийская перепись населения – 2010. URL: <http://www.gks.ru>. Расчеты автора.

За вычетом неработающих получателей трудовой пенсии по инвалидности численность лиц трудоспособного возраста, не имеющих страхового стажа с 2002 г. (т. е. не занятых в течение 10 лет из 10 рассматриваемых), составила в 2011 г. 12,7 млн чел. Не имеют ни одного дня стажа за 2002–2011 гг. 14,4% мужчин и 11,6% женщин, которым до достижения пенсионного возраста осталось 10–15 лет; 15,2% мужчин и 12,1% женщин, которым до пенсии – не более пяти лет. Эти лица в оставшееся время, учитывая изменения, внесенные в условия назначения пенсии федеральным законом «О страховых пенсиях», вероятнее всего, не успеют выработать необходимый стаж и станут получателями социальных пенсий по государственному пенсионному обеспечению спустя пять лет после достижения общеустановленного пенсионного возраста. В долгосрочной перспективе это приведет к росту числа бедных пенсионеров.

Еще один резерв снижения демографической нагрузки заключается в повышении эффективности занятости наемных работников. В настоящее время из числа наемных работников полный год заняты

только 68% женщин и 60% мужчин, остальные работают менее года. В 2011 г. 9% работавших женщин и 12% мужчин в течение года были заняты менее шести месяцев. Средняя продолжительность периода работы у женщин составила 10,5 мес., у мужчин – 10 мес. У первых она сокращалась, у вторых – росла.

Среди работников сельскохозяйственных организаций заняты полный год были лишь 53,4% женщин и 47,3% мужчин (ниже уровня 2002 г. на 8,3 п. п. и 12,0 п. п. соответственно). При этом доля отработавших менее полугода значительно больше, чем среди наемных работников: у женщин – 21,6%, у мужчин – 23,7% (табл. 9).

Таблица 9. Структура численности работников сельскохозяйственных организаций по продолжительности периода работы в течение года в Российской Федерации в 2002–2011 гг., %

Продолжительность периода работы	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
<i>Женщины 20–54 лет</i>										
Всего	100,0									
1 год	62,3	62,1	61,7	62,3	61,6	60,6	60,4	60,6	57,2	53,4
6–11 мес.	15,4	14,6	15,1	14,6	15,2	15,5	15,8	14,9	24,7	25,0
Менее 6 мес.	22,3	23,3	23,2	23,1	23,2	23,9	23,8	24,5	18,1	21,6
<i>Мужчины 20–59 лет</i>										
Всего	100,0									
1 год	59,3	58,8	58,0	58,3	57,4	55,8	55,5	54,2	50,3	47,3
6–11 мес.	17,7	17,0	17,4	17,1	17,6	17,7	17,8	18,0	29,5	29,1
Менее 6 мес.	22,9	24,2	24,6	24,6	25,0	26,5	26,7	27,8	20,2	23,7

Выводы и предложения

Комплексный статистический анализ проблемы повышения пенсионного возраста показывает, что экономические результаты от потенциального повышения пенсионного возраста ограничены для нашей страны «внешними» к пенсионной системе – макроэкономическими и демографическими – факторами, а негативные социальные результаты обусловлены *особенностями исторически сложившейся пенсионной системы*. Поэтому повышение пенсионного возраста должно сопровождаться комплексом мероприятий государственной политики в сфере занятости – созданием дополнительных рабочих мест как для пожилых работников с учетом их возрастных особенностей, так и для молодых с учетом их квалификационного уровня.

Повышение пенсионного возраста не охватит огромное число получателей досрочных (льготных) пенсий по условиям труда (Список 1, Список 2 и «малые» списки), за выслугу лет, специфического контингента пенсионеров в связи с работой в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях и пенсий по государственному пенсионному обеспечению. Повышать пенсионный возраст этим категориям общими темпами нельзя, необходима оценка влияния условий труда на их здоровье и трудоспособность.

Значительный объем накопленных за период действия прошлых (до 2015 г.) законодательных норм «нестраховых» государственных обязательств в рыночных условиях не обеспечивается адекватными страховыми источниками финансирования.

В целом в настоящее время 44,3% (15,8 млн чел.) получателей трудовых пенсий составляют пенсионеры, на назначение пенсий которым возраст не влияет, включая 10,3 млн чел. – получатели досрочных пенсий по старости (в том числе работники, проработавшие на работах с тяжелыми условиями труда, – 2,7 млн чел.; лица, работавшие в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, – 2,5 млн чел.; лица, проработавшие на подземных работах, на работах с вредными условиями труда и в горячих цехах, – 1,98 млн чел.), а также 3,9 млн чел. – получатели пенсий по инвалидности и 1,7 млн чел. – по случаю потери кормильца. В структуре новых назначений трудовых пенсий перечисленные категории получателей составляют примерно столько же – 42,5%.

Таким образом, учитывая, что прогнозные показатели демографического развития нашей страны свидетельствуют о быстрое повышение продолжительности жизни, в целях нивелирования негативных экономических и социальных последствий целесообразно незамедлительно начинать повышение пенсионного возраста «цивилизованными» темпами: первые годы – по 1–2 мес. в календарный год. В последующие периоды возможен переход на полугодовой цикл при стабилизации макроэкономической ситуации (темпов роста инфляции) и увеличении доли фонда оплаты труда в структуре ВВП. При этом повышение пенсионного возраста должно быть направлено исключительно на экономическое стимулирование формирования пенсионных прав застрахованных лиц в долгосрочной перспективе, а не на мифическую экономию средств госбюджета.

Социально-демографический потенциал развития сельских территорий России

З.И. КАЛУГИНА, доктор социологических наук. E-mail: zima@ieie.nsc.ru

О.П. ФАДЕЕВА, кандидат социологических наук,

С.В. БРАТЮЩЕНКО, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, Новосибирск.

В статье представлены результаты типологического анализа социально-демографической ситуации в сельских регионах России. Выделены кластеры, отражающие социально-демографическую структуру населения, миграционную активность и уровень профессиональной подготовки трудовых ресурсов. Основа данной работы – статистические данные, а также материалы специальных выборочных исследований, проведенных органами государственной статистики РФ. *Ключевые слова:* кластеризация регионов, социально-демографический потенциал, миграционная активность, перспективы развития

Современная ситуация в аграрном секторе России определяется, с одной стороны, введением против нее экономических санкций, а с другой – принятием нашей страной ответных мер в виде продовольственного эмбарго. Резкое сокращение объемов импортируемой сельскохозяйственной продукции поставило перед российским АПК задачу по наращиванию конкурентной продукции отечественного производства. Правительство разработало план мероприятий по содействию импортозамещению в сельском хозяйстве. В справке к документу отмечается, что утвержденная «дорожная карта» содержит комплекс мероприятий (в том числе по разработке нормативных правовых актов), направленных на достижение показателей импортозамещения, установленных в Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы и в госпрограмме «Развитие рыбохозяйственного комплекса».

Планом предусмотрено совершенствование механизмов таможенно-тарифного регулирования импорта основных видов сельскохозяйственной, рыбной и другой продукции из водных биологических ресурсов с учетом членства России во Всемирной торговой организации и Таможенном союзе. В «дорожную карту» включены также мероприятия по повышению эффективности использования земель сельскохозяйственного назначения

и совершенствованию государственного ветеринарного и фитосанитарного контроля (надзора), в том числе по созданию государственной автоматизированной информационной системы раннего оповещения о случаях выявления опасных в ветеринарно-санитарном отношении товаров. Реализация мероприятий плана позволит обеспечить к 2020 г. увеличение производства сельхозпродукции, сырья и продовольствия и снижение зависимости внутреннего продовольственного рынка от импортных поставок мяса с 21,6% до 7,7%, молока и молочной продукции – с 23,6% до 16,6%, овощей – с 14,6% до 10,1% [1].

По оценкам экспертов, для решения этой сложной задачи принимаемых мер явно недостаточно [2], если учесть низкий уровень самообеспечения страны основными продуктами питания (табл. 1).

Таблица 1. Уровень самообеспечения населения России основной сельскохозяйственной продукцией в 2000–2012 гг., %

Продукт	2000	2005	2008	2009	2010	2011	2012
Зерно	102,5	116,3	148,2	134,8	93,3	135,9	108,3
Мясо	67,0	62,6	66,6	70,6	72,2	74,0	76,1
Молоко	88,3	82,5	83,2	82,9	80,5	81,5	80,2
Яйца	97,5	98,7	98,9	98,8	98,3	98,0	98,0
Картофель	99,6	100,7	100,0	102,0	75,9	113,0	97,5
Овощи и бахчевые культуры	85,6	84,9	86,8	87,3	80,5	93,2	88,7

Источник: Сельское хозяйство, охота и охотничье хозяйство, лесоводство в России. 2013: Стат. сб. / Росстат – М., 2013. – С.142.

Для изменения ситуации необходимо резкое увеличение объемов производства продовольственной продукции российскими товаропроизводителями. Возникает вопрос, посильно ли это отечественному АПК? Располагают ли сельские регионы России достаточным социально-демографическим и человеческим потенциалом для быстрого реагирования и решения поставленных задач?

Специфика российского АПК заключается в том, что производство сельскохозяйственной продукции осуществляется в трех секторах: сельскохозяйственные предприятия, крестьянские (фермерские) хозяйства и хозяйства населения. При этом уровень технического оснащения сельского хозяйства недостаточно высок, чтобы обеспечить повышение производительности труда и минимизировать затраты живого труда. К тому же

за последнее десятилетие произошла деиндустриализация аграрного производства. Если в 1990 г. на 1000 га пашни приходилось 11 тракторов, то в 2000 г. – семь, а в 2013 г. – лишь четыре, комбайнов на 1000 га посевов (посадки) – 6,5 и 3 соответственно [3]. Частично это компенсируется большей мощностью используемой техники. Следствием низкой технической оснащенности сельскохозяйственного производства является аграрное перенаселение, не преодоленное до сего времени. Если в развитых странах доля занятых в сельском хозяйстве колеблется в пределах 2–3%, то в Российской Федерации в 2013 г. она составляла 9,3% от общей численности занятых в экономике [3].

Кроме того, специфической российской особенностью является высокая занятость населения в личных подсобных хозяйствах, где сегодня производится 41,1% сельхозпродукции [3]. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., для 28% сельских жителей личное подсобное хозяйство является значимым дополнительным источником дохода, а для 5% – основным [4]. И это означает, что не менее 10 млн чел., проживающих в сельской местности, заняты в личном подсобном хозяйстве.

Десятая часть сельхозпродукции производится в крестьянских (фермерских) хозяйствах. По состоянию на 1 октября 2013 г. в России числилось 227836 хозяйств и предпринимателей, заявивших в сведениях о госрегистрации сельскохозяйственную деятельность как основную. Наибольшее количество фермерских хозяйств – в Приволжском, Южном и Северо-Кавказском округах [5].

Другими словами, в аграрном секторе России велика доля живого труда, а потому роль социально-демографического потенциала в развитии сельских территорий и в производстве сельскохозяйственной продукции останется значимой и в ближайшей перспективе.

Не менее актуальной проблемой для аграрного сектора страны остается низкое качество человеческого капитала. Так, существенно сокращается выпуск квалифицированных рабочих и служащих для сельского хозяйства. Если в 2005 г. он составил 77,4 тыс. чел., то в 2010 г. снизился до 47,1 тыс. чел., а в 2013 г. – до 37,2 тыс. чел. Выпуск специалистов среднего звена для сельского хозяйства уменьшился по сравнению с 1990 г. примерно

вдвое, существенно сократился и выпуск специалистов высшего звена [6].

Оценка социально-демографического потенциала развития сельских территорий России

Характеристики человеческого потенциала, по мнению известного географа Т.Г. Нефедовой, являются ключевыми факторами, дифференцирующими территорию сельской России [7]. Для выявления и иллюстрации многообразия социально-экономического развития сельских территорий страны была осуществлена кластеризация сельских регионов по социально-демографическим критериям. Информационной базой послужили статистические материалы, характеризующие социально-демографический потенциал сельских регионов, миграционную активность населения, уровень профессиональной подготовки трудовых ресурсов [8–9].

В результате было выделено пять кластеров сельских регионов, различающихся характеристиками *трудового потенциала* и *спецификой демографической ситуации*. Первый кластер образовали 15 регионов, второй – 26, третий – пять, четвертый – 29, пятый – три. В таблице 2 представлен перечень регионов по выделенным кластерам.

Используемые в типологическом анализе индикаторы социально-демографического развития сельских регионов отражены в таблице 3.

Первый кластер с высоким трудовым потенциалом образуют 15 юго-западных и северо-западных сельских регионов, а также Московская область. Демографический состав населения отличается высокой долей трудоспособного населения (61%) и примерно равным соотношением молодых и пожилых когорт. Демографическая ситуация характеризуется относительно низкими показателями смертности (12 промилле) и более высокими показателями ожидаемой продолжительности жизни (70 лет). Миграционный отток населения здесь один из самых низких (–34 чел.) на 1000 чел. населения. Образовательный уровень трудовых ресурсов (рассчитанный по доле населения, имеющего высшее и среднее профессиональное образование) – один самых высоких среди сельских регионов страны.

Таблица 2. Распределение сельских регионов РФ по социально-демографическим кластерам

Социально-демографические характеристики кластера	Субъект РФ
1-й кластер. Большая доля стабильного населения трудоспособного возраста, имеющего высшее и среднее профессиональное образование, невысокие миграционные потери	Астраханская, Калининградская, Ленинградская, Московская, Мурманская, Тюменская области, республики Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская, Адыгея, Калмыкия, Северная Осетия – Алания, Камчатский, Краснодарский, Хабаровский, Ставропольский край
2-й кластер. Давно освоенные сельские регионы со стареющим населением, имеющим преимущественно среднее профессиональное образование, при более низкой доле специалистов с высшим образованием, низкие миграционные потери	Белгородская, Брянская, Владимирская, Вологодская, Воронежская, Ивановская, Калужская, Костромская, Курская, Липецкая, Нижегородская, Новгородская, Орловская, Пензенская, Псковская, Ростовская, Рязанская, Самарская, Смоленская, Тамбовская, Тверская, Тульская, Ульяновская, Ярославская области, республики Мордовия, Татарстан
3-й кластер. Возрастная структура населения с преобладанием молодых когорт, самые низкие показатели ожидаемой продолжительности жизни, масштабные миграционные потери	Республики Алтай, Бурятия, Саха (Якутия), Тыва, Чукотский автономный округ
4-й кластер. Сбалансированная возрастная структура населения с преобладанием начального профессионального образования и низкой долей специалистов высшего звена, значительные миграционные потери	Алтайский, Забайкальский, Красноярский, Пермский края, Амурская, Архангельская, Волгоградская, Еврейская автономная, Иркутская, Кемеровская, Кировская, Курганская, Магаданская, Новосибирская, Омская, Оренбургская, Саратовская, Сахалинская, Свердловская, Томская, Челябинская области, республики Башкортостан, Карелия, Коми, Марий Эл, Хакасия, Удмуртская, Чувашская, Приморский край
5-й кластер (долгожители). Благоприятная возрастная структура населения, низкие показатели смертности, низкий уровень начального и среднего профессионального образования, высокая доля дипломированных специалистов, умеренные миграционные потери населения	Республики Дагестан, Ингушетия, Чеченская

Наименее благоприятная возрастная структура сельского населения наблюдается в западных и центральных регионах России, вошедших во *второй кластер*. В составе населения здесь наименьшая доля молодежи (15%) и самая высокая – лиц старше трудоспособного возраста (28%). В этом кластере в основном представлены давно освоенные сельские регионы со стареющим населением, что не могло не отразиться на показателях смертности – они здесь самые высокие (19 промилле).

Тем не менее природные и социально-экономические условия жизни, географическое положение этих областей, а также интенсивное развитие аграрного производства в регионах черноземной зоны делают их привлекательными для населения. Хотя и в этом

кластере зафиксирован миграционный отток сельских жителей, но его масштабы были самыми низкими. Последнее можно объяснить, с одной стороны, отсутствием факторов, выталкивающих коренное сельское население из благополучных регионов, а с другой – исчерпанием потенциала группы наиболее активных и профессионально подготовленных сельчан, массовый исход которых был зафиксирован в регионах Нечерноземья уже в советское время. Оставшиеся граждане имели более низкий уровень профессионального образования.

Эта тенденция сохранилась и сейчас. Число лиц с высшим профессиональным образованием составляет в этом кластере 126 чел. на 1000 в возрасте от 15 лет и старше, в то время как в третьем и пятом кластерах этот показатель равен 146, а в первом – 182. Число же лиц, имеющих среднее профессиональное образование, здесь выше средних показателей.

Таблица 3. Показатели, характеризующие трудовой потенциал и демографическую ситуацию по кластерам сельских регионов

Показатели	Кластеры сельских регионов, средние значения				
	1-й	2-й	3-й	4-й	5-й
Доля населения моложе трудоспособного возраста, %	19	15	29	20	32
Доля населения в трудоспособном возрасте, %	61	57	57	57	58
Доля населения старше трудоспособного возраста, %	20	28	14	23	10
Коэффициент смертности, промилле	12	19	13	16	5
Ожидаемая продолжительность жизни, лет	70	68	61	66	75
Миграционный прирост (убыль), человек на 1000 чел. населения	-34	-11	-169	-121	-47
Численность лиц, имеющих высшее профессиональное образование, на 1000 чел. в возрасте 15 и более лет [10]	182	126	146	115	146
Численность лиц, имеющих среднее профессиональное образование, на 1000 чел. в возрасте 15 и более лет [10]	286	272	261	268	139
Численность лиц, имеющих начальное профессиональное образование, на 1000 чел. в возрасте 15 и более лет [10]	67	86	85	94	54

Демографическая нагрузка во всех выделенных кластерах (за исключением первого) примерно одинакова, так как доля трудоспособного населения колеблется незначительно: от 57% во втором, третьем и четвертом кластерах до 58% – в пятом и 61% – в первом. Суммарная численность населения, не достигшего трудоспособного возраста и вышедшего из него, во всех кластерах примерно равная.

Обращает на себя внимание то, что третий и пятый кластеры сельских регионов имеют ярко выраженную национально-этническую специфику. *Третий* кластер образуют три республики – Алтай, Бурятия, Тыва, которые входят в состав Сибирского федерального округа, и два субъекта РФ, входящие в состав Дальневосточного федерального округа – Республика Саха (Якутия) и Чукотский автономный округ. *Пятый кластер* представлен тремя республиками – Дагестан, Ингушетия, Чечня, входящими в состав Северо-Кавказского федерального округа.

Отличительная особенность социально-демографической ситуации этих кластеров – благоприятная возрастная структура населения. Здесь самая высокая доля молодых когорт (29 и 32% соответственно) и низкая доля населения старше трудоспособного возраста (14 и 10%), что определяет невысокие значения степени старения населения. Однако показатели смертности в северо-восточных (третий кластер) и южных сельских регионах различаются кратно. Если на Кавказе смертность составляет 5 промилле, то в северо-восточных – 13, что сказывается на ожидаемой продолжительности жизни. Сельские жители на территории кавказских республик живут в среднем 75 лет, а в северо-восточных регионах – 61 год.

Более благоприятные условия жизни в южных регионах сказываются и на миграционном поведении населения – отток из северо-восточных регионов в три с половиной раза выше по сравнению с южными.

Образовательный статус трудоспособного населения в выделенных типах сельских регионов также имеет специфические особенности. Если обеспеченность специалистами с высшим профессиональным образованием в третьем и пятом кластерах одинаковая, то численность специалистов, имеющих среднее и начальное профессиональное образование, в восточных регионах почти вдвое выше по сравнению с южными.

Эти два кластера сельских регионов имеют благоприятную возрастную структуру населения, но значительно отличаются между собой образовательным уровнем трудовых ресурсов и масштабами миграции.

Четвертый, самый наполненный кластер образуют, в основном, восточные регионы страны. Они имеют средние показатели по доле населения в трудоспособном возрасте при примерно

равной пропорции молодых и пожилых когорт. Коэффициент смертности и ожидаемая продолжительность жизни в этом регионе – на уровне средних значений. Миграционный отток населения – высокий. Уровень образования сельского населения этой группы регионов самый низкий, а доля лиц со средним профессиональным образованием – на уровне средних значений.

Визуальный ряд сельских регионов, различающихся социально-демографическим потенциалом, представлен на рисунке.

■ 1-й кластер ■ 2-й кластер ■ 3-й кластер ■ 4-й кластер ▨ 5-й кластер

Размещение сельских регионов, различающихся социально-демографическим потенциалом, на территории Российской Федерации

Полученные результаты свидетельствуют о существенной дифференциации социально-демографических характеристик сельского населения в географическом разрезе. Если человеческий потенциал южных и восточных «национально-этнических» регионов, относящихся к третьему и пятому кластеру, достаточно высок, но задействован далеко не в полной мере, то потенциал освоенных черноземных и нечерноземных регионов второго кластера значительно исчерпан. Это представляет серьезную проблему для реализации крупных проектов в данных регионах и успешного функционирования расположенных на этих территориях агрохолдингов.

Подобные проблемы характерны и для регионов первого кластера, в состав которого вошли наиболее развитые аграрные

территории: при наличии профессионально подготовленного населения в трудоспособном возрасте существует высокий риск утраты данного преимущества вследствие значительного миграционного оттока. На этом фоне социально-демографическая структура сельского населения в четвертом кластере представляется более сбалансированной при среднем уровне развития аграрного производства и высокой занятости населения в личных подсобных хозяйствах.

Кластеризация сельских регионов по социально-демографическим показателям позволила выявить спектр специфических для определенной группы регионов проблем, обусловленных качеством трудового потенциала и особенностями демографической ситуации, что отражается на уровне экономического развития сельских территорий и может служить основой для разработки целенаправленных мероприятий по смягчению демографических и социальных проблем их развития.

Литература

1. Федеральный портал малого и среднего предпринимательства. URL: <http://smb.gov.ru/news/14589.html> (дата обращения: 12.05.2015).
2. Травин Д. Что мешает России поднять сельское хозяйство [Электронный ресурс] URL: <http://www.rosbalt.ru/business/2014/08/19/1305484.html> (дата обращения: 12.05.2015).
3. Россия в цифрах. 2014: Крат. стат. сб. / Росстат – М., 2014. – С. 279, 104, 275.
4. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Т. 5: Источники средств к существованию. Кн.1. – С.12, 202.
5. Сколько в России фермеров? [Электронный ресурс] URL: http://www.chelagro.ru/web_newspaper/?ELEMENT_ID=8721 (дата обращения: 19.05.2015).
6. Российский статистический ежегодник. 2014: Стат.сб. / Росстат. – М., 2014. – С. 191, 195, 200.
7. Нефёдова Т. Г. Десять актуальных вопросов о сельской России. Ответы географа. – М.: ЛЕНАНД, 2013. – С.142.
8. Всероссийская перепись населения. Т. 11. Сводные итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b13_14p/lssWWW.exe/Stg/d1/05-01.htm (дата обращения: 04.03.2015).
9. Демографический ежегодник России. 2013. Стат. сб./Росстат. – 2013. – 543 с. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B13_16/Main.htm (дата обращения: 16.03.2015).

Традиционные и нетрадиционные формы регулирования занятости населения

Л.М. НИЗОВА, доктор экономических наук,
Н.В. ЮРТИКОВА, Поволжский государственный технологический универси-
тет. E-mail: nizova@yandex.ru, iurtikova@bk.ru

Определена институциональная среда занятости населения и на основе социологического исследования проведено ранжирование форм государственного регулирования по степени их важности. Предложены нетрадиционные формы занятости населения в новых экономических условиях в рамках плана первоочередных мероприятий по обеспечению устойчивого развития экономики и социальной стабильности в 2015 г.

Ключевые слова: государство, государственное регулирование, кейнсианство, экономическая система, спрос и предложение рабочей силы, занятость, безработица, рынок труда

«Государство проводит политику содействия реализации прав граждан на полную, продуктивную и свободно избранную занятость».

Закон РФ «О занятости населения в Российской Федерации», ст. 5

Неблагоприятная внешнеэкономическая и внешнеполитическая конъюнктура обострила многие социальные проблемы России, в том числе связанные с занятостью населения. Как экономическая категория занятость является индикатором социально-экономического состояния общества.

Современные изменения в сфере занятости

Для нынешней экономической ситуации характерны следующие особенности:

- реструктуризация и диверсификация отраслей экономики влекут за собой сокращение неэффективных рабочих мест и высвобождение работников;
- изменения возрастной структуры населения (его старение) вызывают сокращение численности населения трудоспособного возраста и дефицит трудовых ресурсов;
- дезинтеграционные процессы на рынке труда, территориальная диспропорция спроса и предложения порождают в одних

регионах застойную безработицу, а в других – дефицит рабочей силы;

- модернизация производства, развитие наукоемких технологий приводят к дисбалансу профессионально-квалификационной структуры спроса и предложения рабочей силы, диспропорциям на рынках труда и образовательных услуг;
- высокая дифференциация в уровне оплаты труда вызывает отток квалифицированных кадров и снижение спроса на профессиональное образование по рабочим специальностям;
- низкое качество рабочих мест приводит к текучести рабочей силы.

В этих условиях сокращается занятость населения, сохраняются безработица и напряжённость на рынке труда, несбалансированность спроса и предложения, ухудшается качество рабочей силы. Начавшееся в предкризисный период в 2014 г. снижение уровня занятости населения в Российской Федерации, в том числе в таких регионах, как Приволжский федеральный округ и Республика Марий Эл, продолжается и в 2015 г. (рис. 1).

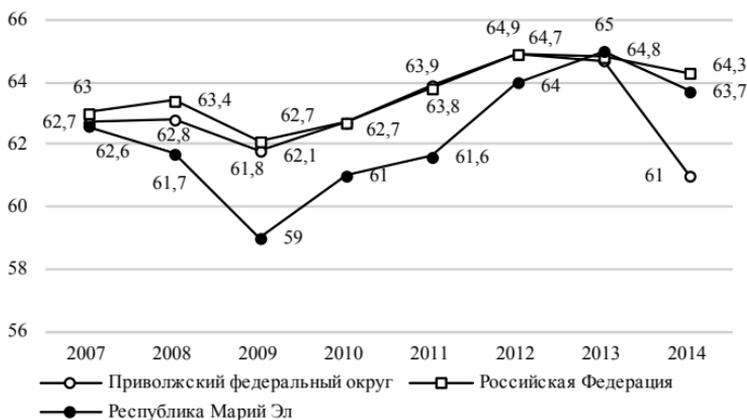

Рис. 1. Динамика уровня занятости в Российской Федерации, Приволжском федеральном округе и Республике Марий Эл в 2007–2014 гг., %

Возникшие в социальной сфере процессы ставят перед наукой и практикой много сложных и принципиально новых проблем, предусмотренных в плане первоочередных мероприятий по обеспечению устойчивого развития экономики и социальной стабильности: достижение сбалансированности и снижение

напряженности на рынке труда, поддержку эффективной занятости [1], что требует приоритетного государственного регулирования данной сферы.

Однако многие аспекты механизма государственного регулирования занятости остаются спорными, несмотря на наличие большого числа публикаций, его традиционные меры не адаптированы к современной экономической системе, требуют дальнейшей модернизации.

Исследуя состояние занятости в условиях глубочайшего экономического кризиса, Дж. Кейнс пришел к выводу о том, что «рыночная экономика не может саморегулироваться, и поэтому вмешательство государства неизбежно» [2]. Государственная политика занятости обосновывалась кейнсианской теорией стимулирования совокупного спроса. Он к двум формам безработицы добавил третью – «вынужденную», когда совокупное предложение труда работников превышает существующий объем занятости.

Для изучения сферы занятости большое значение имеет институционально-социологическое направление, которое сформировалось в экономической теории на рубеже XIX–XX веков. Его представители полагают, что в сфере занятости под воздействием экономических, социальных, правовых и экономических факторов создается институциональная среда, включающая формальные и неформальные институты. К формальным относятся институт государства, законы, органы службы занятости, общественные организации, учреждения. Система неформальных институтов включает этнические и социально-психологические, к которым относятся традиции и обычаи занятости отдельных народов.

Основой для принятия институциональных решений государственного регулирования занятости населения является нормативно-правовая база, углубленное изучение которой показало, что она не всегда отвечает современным изменениям в социально-трудовой сфере, формам организации труда в различных секторах экономики. Так, за последние годы из закона о занятости исключен ряд гарантий, связанных с социальными интересами граждан.

Серьезной институциональной проблемой является исключение из законодательства понятия «право на труд», что можно

рассматривать как снятие государством с себя ответственности за состояние занятости населения, а передача данных полномочий субъектам РФ говорит о снижении роли федеральных органов в повышении её эффективности.

Виды государственного регулирования занятости

В условиях современной экономической системы государственные услуги по содействию занятости населения условно можно разделить на две группы: традиционные и нетрадиционные (инновационные).

Традиционные услуги имеют отработанные технологии, систему контроля и оценки в соответствии с административными регламентами. Они сочетают в себе формы активной и пассивной политики государства в сфере занятости населения: содействие гражданам в поиске подходящей работы, а работодателям – в подборе необходимых работников, информирование о положении на рынке труда, организацию ярмарок вакансий и учебных рабочих мест, профессиональную ориентацию граждан в целях выбора сферы деятельности (профессий), трудоустройства, профессионального обучения, психологическую поддержку, профессиональную подготовку и повышение квалификации безработных граждан, организацию проведения оплачиваемых общественных работ и временного трудоустройства, социальную адаптацию безработных граждан на рынке труда, содействие самозанятости безработных граждан.

Вышеперечисленные формы активной политики находились, а некоторые по-прежнему находятся в основе государственного регулирования занятости населения. Однако, как показывает практика, в кризисный и посткризисный периоды актуальность и значимость отдельных из них падает, так как они слабо адаптированы к современной экономической системе, имеют ограниченную гибкость в условиях рыночных отношений, а технология их проведения не только не стимулирует экономическую активность бизнеса и человека в сфере занятости, а напротив, провоцирует их иждивенчество.

Отмечается падение степени мотивации безработных, которые реже прибегают к традиционным формам содействия занятости (таблица).

**Результаты содействия занятости в разрезе
профильных групп безработных в 2013–2014 гг., %***

Название профильной группы	Численность профильной группы, чел.		Трудоустроено		Получили услуги по профориен- тации		Направлены на профессиональное обучение	
	2013	2014	2013	2014	2013	2014	2013	2014
AA	715	601	63	63	67	72	14	9
AC	15	11	100	100	60	100	33	18
CB	3848	2771	51	50	78	77	14	11
BB	3358	2901	48	48	70	88	13	9
CC	95	67	17	36	87	100	12	1,5
DD	626	524	41	37	72	77	8	3

По вышеперечисленным причинам некоторые традиционные средства государственной политики исчерпали себя, начинает падать их эффективность, и они постепенно трансформируются. Всё это требует корректировки всего комплекса инструментов по регулированию сферы занятости населения и использованию новых, нетрадиционных форм активной политики в условиях инновационной экономики. Нетрадиционность услуг заключается в том, что органы службы занятости переходят от отдельных мероприятий к формированию комплекса средств, позволяющих обеспечить более высокую эффективность содействия занятости населения.

Авторам представляется целесообразным создание дополнительных институциональных структур в региональной системе управления и регулирования занятости дополнительных структур: центр профессиональной ориентации и психологической поддержки безработных, биржа временных и сезонных работ, учебный центр, бизнес-инкубатор, центр профессиональной реабилитации и содействия занятости инвалидов.

Нами проведена оценка границы применимости государственного регулирования в условиях макроэкономической нестабильности, когда в сфере занятости возникают такие

AA – высокая мотивация и высокая востребованность (активная позиция, готовность работать и уверенность в себе); AC – высокая мотивация и средняя востребованность (активно ищут работу и готовы приступить к ней); CB – низкая мотивация, высокая востребованность (трудоустройство предполагается в отдаленном будущем); BB – высокая мотивация и низкая востребованность (активная позиция, но испытывают трудности в трудоустройстве); CC – низкая мотивация – средняя востребованность (не проявляют активности в поиске работы); DD – низкая мотивация и низкая востребованность (отсутствие стремления к поиску работы) .

отрицательные эффекты, как сокращение штатов и массовый выброс работников на рынок труда, несбалансированность спроса и предложения рабочей силы, рост безработицы и коэффициента напряженности. При этом государство способствует развитию и закреплению таких положительных эффектов, как выделение субсидий на создание рабочих мест и субвенций на активные и пассивные программы занятости населения. В этих целях государством в плане первоочередных мероприятий по обеспечению устойчивого развития экономики и социальной стабильности в 2015 г. предусмотрены следующие меры.

- Реализация дополнительных мероприятий в сфере занятости населения, направленных на снижение напряженности на рынке труда. Так, на предоставление субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации в этих целях было выделено до 52,2 млрд руб.

- Резервирование бюджетных ассигнований на предоставление субвенций из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации для социальных выплат гражданам, признанным в установленном порядке безработными, в сумме до 30 млрд руб. [1].

Для достижения сбалансированности и снижения напряженности на рынке труда, поддержки эффективной занятости в этом документе предусмотрены следующие меры:

- реализация дополнительных мероприятий на рынке труда субъектов Российской Федерации, в том числе организация общественных работ и опережающего профессионального обучения, с целью снижения напряженности на рынке труда;

- применение патентной системы налогообложения для самозанятых граждан;

- снижение неформальной занятости в сфере малого предпринимательства;

- реализация дополнительных мероприятий по организации общественных работ и опережающего профессионального обучения в сфере занятости населения;

- предоставление социальных выплат гражданам, признанным в установленном порядке безработными.

Это является аргументом для усиления государственного регулирования занятости в условиях экономических трудностей, что подтверждается также результатами авторского социологи-

ческого исследования специалистов органов служб занятости Республики Марий Эл.

Результаты опроса

Выборка охватила 240 респондентов (96% от их общего количества). Обследование показало, что в настоящее время, по мнению респондентов, положительное воздействие на сферу занятости оказывают следующие меры (% к числу опрошенных, общая сумма составляет более 100%, так как можно было назвать несколько ответов):

- 1) психологическая поддержка, профессиональная подготовка, переподготовка и повышение квалификации безработных граждан – 60,1;
- 2) организация ярмарок вакансий и учебных рабочих мест – 60,1%;
- 3) информирование населения и работодателей о положении на рынке труда – 54,2;
- 4) создание банка вакансий – 48,6;
- 5) социальная адаптация безработных граждан на рынке труда – 28,5;
- 6) организация временного трудоустройства несовершеннолетних граждан в возрасте от 14 до 18 лет в свободное от учебы время – 28,5;
- 7) организация временного трудоустройства безработных граждан в возрасте от 18 до 20 лет из числа выпускников учреждений начального и среднего образования, ищущих работу впервые, – 25,7;
- 8) организация временного трудоустройства безработных граждан, испытывающих трудности в поиске работы, – 22,9;
- 9) организация оплачиваемых общественных работ и стажировок в организации – 22,9;
- 10) содействие гражданам в поиске подходящей работы, а работодателям – необходимых работников, трудоустройство незанятого населения на постоянной основе (вакантные, вновь создаваемые и квотируемые рабочие места) – 17,2;
- 11) создание и повышение качества рабочих мест – 17,2;
- 12) организация профессиональной ориентации – 17,2;
- 13) содействие самозанятости безработных граждан – 8,6;

14) опережающее обучение работников, находящихся под риском увольнения, – 8,6.

Однако перечисленные меры в условиях экономического кризиса оказались недостаточными для снижения уровня безработицы и повышения эффективности занятости: как в стране, так и в республике идет процесс роста безработицы (рис. 2) и напряженности на рынке труда (в Республике Марий Эл – вдвое, в РФ – на одну треть) за счет снижения заявленных работодателями вакантных рабочих мест (в Республике Марий Эл – на 29,2%, в РФ – на 13,2%).

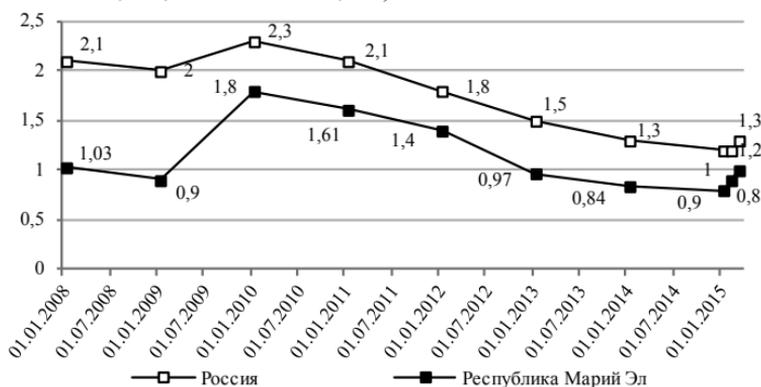

Рис. 2. Динамика уровня регистрируемой безработицы в Российской Федерации и Республике Марий Эл в 2008–2015 гг., %

10 нетрадиционных мер

По словам Президента Российской Федерации В. В. Путина, «... ситуация на рынке труда может усложниться, и структура занятости будет трансформироваться...» [4]. В этом положении, по мнению авторов, целесообразно уделить приоритетное внимание нетрадиционным формам активной политики.

- Опережающее профессиональное обучение работников в случае угрозы массового увольнения (установление неполного рабочего времени, временная приостановка работ, предоставление отпусков без сохранения заработной платы, мероприятия по высвобождению работников) с возможностью последующей стажировки на предприятиях, применяющих передовые техноло-

гии, а также обучение работников предприятий, осуществляющих реструктуризацию и модернизацию производства.

- Организация общественных работ, временного трудоустройства людей, работающих на системообразующих предприятиях и находящихся под угрозой увольнения, а также проживающих в моногородах и населенных пунктах с высокой напряженностью на рынке труда и признанных в установленном порядке безработными.

- Стажировка выпускников образовательных учреждений и молодых специалистов в целях приобретения ими опыта работы и последующего трудоустройства. Реализация программы «Первое рабочее место».

- Создание условий для интеграции в трудовую деятельность лиц с ограниченными физическими возможностями здоровья вне зависимости от медицинских показаний по режиму работы (квотирование и создание специализированных рабочих мест) с возмещением затрат работодателей на оборудование (оснащение) таких рабочих мест.

- Содействие самозанятости безработных граждан и стимулирование тех из них, кто открыл собственное дело, для создания дополнительных рабочих мест с целью трудоустройства безработных граждан.

- Развитие технопарков и бизнес-инкубаторов как важнейших элементов инновационной политики.

- Создание молодежных бирж труда в целях содействия трудоустройству молодежи и выпускников учебных заведений, организация временной студенческой занятости, создание новых рабочих мест для молодёжи. Так, при Поволжском государственном технологическом университете с 1991 г. работает центр содействия занятости учащейся молодежи и трудоустройству выпускников.

- Создание малых инновационных предприятий при высших учебных заведениях и научно-исследовательских институтах. Например, при Поволжском государственном технологическом университете создано более 20 малых инновационных предприятий, в основном промышленного профиля. Главное их преимущество в том, что студенты и выпускники имеют возможность продолжить научную работу после окончания вуза на этих предприятиях. В 2014 г. создано 103 рабочих места на Марий-

ском машиностроительном заводе для выпускников вуза. Такая форма решает сразу две проблемы: развитие инновационных предприятий и снижение безработицы среди молодежи.

- Содействие гражданам в переезде для работы в сельской местности и переселении в другую местность в связи с направлением их на работу или обучение.

- В условиях разделения полномочий необходимо повысить роль муниципалитетов и работодателей в финансировании услуг по содействию занятости населения.

Вышеперечисленные нетрадиционные формы активной государственной политики, внедряясь на уровне инновации или же через процесс реинжиниринга, будут способствовать снижению напряженности на региональном рынке труда.

Литература

1. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 27 января 2015 г. № 98-р «Об утверждении плана первоочередных мероприятий по обеспечению устойчивого развития экономики и социальной стабильности в 2015 году» / [Электронный ресурс] // URL: <http://docs.pravo.ru/>

2. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. – М.: Гелиос АРВ. 1999. –352 с.

3. Низова Л. М. Государственное регулирование занятости населения в современной экономической системе: монография/ – Йошкар-Ола: Поволжский государственный технологический университет, 2012. – 364 с.

4. Путин В. В. Выступление Президента РФ на IX съезде Федерации независимых профсоюзов России [Электронный ресурс] // URL: <http://www.fnpr.ru/>

Как климат влияет на экономику?*

В.И. ЗОРКАЛЬЦЕВ, доктор технических наук. E-mail: vizork@mail.ru
И.И. ХАЖЕЕВ, Институт систем энергетики им. Л.А. Мелентьева СО РАН,
Иркутск. E-mail: ivan-khazheev@yandex.ru

В статье рассматривается влияние климатических особенностей стран северного полушария и России на ВВП. Исследуются взаимосвязи среднегодовых температур в столицах этих государств с диапазонами сезонных колебаний температур, с продолжительностью расчетных отопительных периодов, с плотностью населения и размерами среднедушевого ВВП. Обсуждается необходимость разработки особого подхода к организации функционирования и развития российской экономики ввиду суровых климатических условий нашей страны.

Ключевые слова: суровый климат, низкая плотность населения, средние температуры, диапазон сезонных колебаний температур

«Русский государственный строй – это строгая военная дисциплина вместо гражданского управления, это перманентное военное положение, ставшее нормальным состоянием государства».

Астольф де Кюстин. «Россия в 1839 году»

Представляется очевидным, что после 2014 г. российская внутриэкономическая политика должна существенно измениться. Необходимо проанализировать, в чем причины наших неудач в реализации рыночных преобразований и почему европейские и североамериканские страны с развитой рыночной экономикой заняли конфронтационную позицию по отношению к России.

В статье в качестве эпиграфов использованы высказывания о России известного французского путешественника маркиза Астольфа Луи Леонор де Кюстина из его книги «Россия в 1839 году». Хотя с момента ее выхода в свет прошло уже 170 лет, она отражает укоренившиеся представления о России, доньше бытующие как у простых обывателей, так и представителей элиты общества западных стран (правда, обычно такого типа высказывания не делаются публично). Хотя можно было бы привести еще более негативные представления о жителях Восточной Европы и, особенно, о народах Советского Союза,

* Статья подготовлена на основе докладов, сделанных на научных семинарах ИСЭ им. Л.А. Мелентьева СО РАН в апреле 2014 г. и в ИЭОПП СО РАН в апреле 2015 г.

опубликованные в 1920-х годах в известной книге А. Гитлера «Моя борьба». А эта книга отражала идеологию не только жителей немецкого государства, но и многих других европейцев, участвовавших в истребительном походе Второй мировой войны на Советский Союз. (Заметим, что эта книга была опубликована в СССР для служебного пользования на русском языке до войны и хорошо известна руководству страны. Хотя бы уже поэтому все «открытия» последних десятилетий о помощи СССР фашистской Германии явно ошибочные – этого быть не могло, хотя бы из стремления к самосохранению.)

Но в чем же мы другие? Одно из возможных объяснений было дано в книге А. П. Паршева «Почему Россия не Америка»: Россия расположена на территории с суровыми климатическими условиями, поэтому в ней объективно необходимы иной уклад жизни, иные формы организации экономики, чем в западноевропейских странах. Основная цель данной статьи состоит в попытке (не претендующей на полноту) рассмотреть различия климатических условий в разных странах и их взаимосвязь с развитием экономики. Насколько существен этот фактор?

Две особенности российской экономики

«Российская империя – это огромный театральный зал, в котором из всех лож следят лишь за тем, что происходит за кулисами».

Астольф де Кюстин

Можно выделить много исторически устойчиво сложившихся особенностей у России (или более широко – у «евразийского пространства»), основную часть которого составляет современная Россия). Одна из них – высокая концентрация власти, большая роль столицы при довольно пассивном участии в организации экономической жизни страны жителей обширных российских пространств. Это касается и политической, и судебной, и экономической властей. Можно ли считать это случайностью? Нет ли каких-то глубинных объективных причин в особой организации российской экономической и политической жизни?

На условиях функционирования российской экономики в значительной мере сказались суровый климат и низкая плотность населения при обширных российских пространствах, сильно влияющие на ее организацию и эффективность. Данные особенности обуславливают огромное инфраструктурное значение

для всей экономики двух ее секторов – энергетики и транспорта. Из истории России можно увидеть, что часто именно успехи в развитии этих сфер, в том числе в создании новых энергетических баз и новых транспортных магистралей, давали импульс для развития страны.

Между этими двумя факторами существует взаимосвязь. Плотность населения можно рассматривать как функцию от климатических условий. В таблице 1 приведены данные о среднегодовых температурах в столицах отдельных стран и плотности населения этих стран.

Таблица 1. Среднегодовые температуры в столицах и плотность населения некоторых стран

Страна	Среднегодовые температуры, °С	Плотность населения, чел./км ²
Монголия	-2,4	1,77
Казахстан	3,2	5,96
Финляндия	4,5	15,87
РФ	5,0	8,39
Белоруссия	5,8	45,61
Канада	6,2	3,43
Украина	7,7	75,98
Великобритания	9,5	254,03
Германия	9,9	229,12
Италия	10,5	200,52
Франция	10,7	119,64
Китай	12,5	139,57
США	14,5	33,10
Япония	16,3	337,16

Источник: Данные по плотности населения по состоянию на июль 2009 г. [1]. В качестве данных для расчета среднегодовых температур столиц выделенных стран использованы посуточные температуры атмосферного воздуха за 1900–2014 гг. [2].

Данные таблицы свидетельствуют о том, что повышение среднегодовой температуры сопровождается, как правило, ростом плотности населения. Имеющиеся исключения объясняются дополнительными факторами, в числе которых – степень «континентальности» страны, а также отличие среднегодовых температур столицы от климатических условий всего государства. Указанную связь наглядно иллюстрирует рисунок 1, на котором

графически представлена полученная положительная регрессионная зависимость плотности населения от среднегодовых температур.

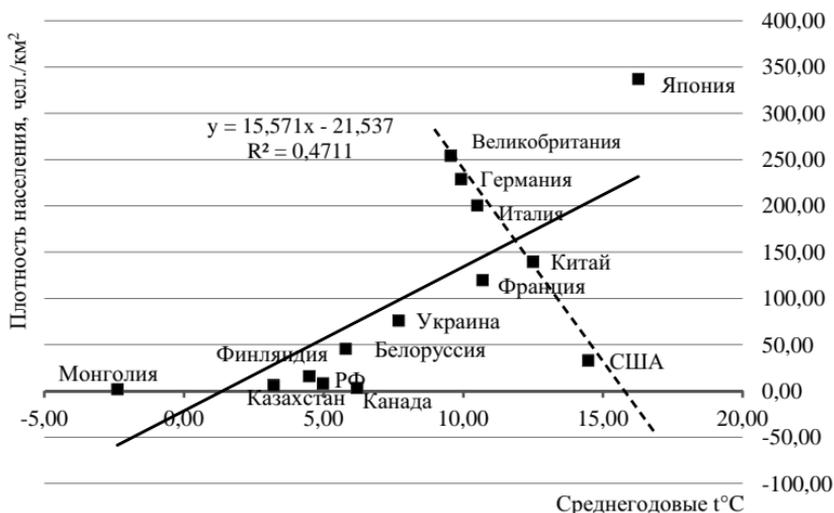

Рис. 1. Распределение стран по плотности населения (чел./км²) и среднегодовым температурам в столицах (t°C)

Такие страны, как Великобритания, Германия, Италия, Китай и США, существенно отклоняются от построенной линейной зависимости, причем в некоторых случаях отклонения образуют ортогональную прямую (пунктирная линия) к исходной общей зависимости. Выявленное отклонение означает, что связь плотности населения и среднегодовых температур не строго функциональная: на плотность населения в разных странах влияют и другие факторы, один из которых – степень континентальности государств. Сильное отклонение от регрессионной зависимости Японии, Великобритании и Италии можно объяснить островным и полуостровным характером этих государств, близостью основной массы населения этих государств к морским портам.

Другим фактором, оказывающим влияние на указанную зависимость, является неоднородность природно-климатических условий внутри стран. Например, сильное «выпадение» из приводимой линейной зависимости США, отражает в том

числе, и тот факт, что 20% ее территории занимает Аляска, где практически не живут американцы, а также большой удельный вес на территории пустынь, полупустынь, горной местности.

Отклонение «вверх» от исходной регрессионной зависимости Германии объясняется высоким уровнем экономического развития этого государства, а также историческими причинами.

Климатические показатели

«Страсть блистать обуревают русских. Поэтому в их гостиных цветы расставляют не так, чтобы сделать вид комнаты более приятным, а чтобы ими удивлялись извне».

Астольф де Кюстин

Кроме среднегодовых температур, могут использоваться и другие показатели степени «суровости-мягкости» климата, в том числе средние температуры самого холодного месяца – января и самого теплого – июля, а также диапазоны сезонных колебаний температур. Как видно из данных таблицы 2, все три показателя по разным странам тесно связаны со среднегодовой температурой. Эти взаимосвязи наглядно представлены на рисунках 2 и 3.

Таблица 2. Основные температурные показатели по странам

Страна	Город	Средняя t°С		Средне-годовые t°С	Диапазон сезонных колебаний
		января	июля		
Монголия	Улан-Батор	-24,6	16,6	-2,4	41,2
Казахстан	Астана	-14,2	20,1	3,2	34,3
Финляндия	Хельсинки	-6,8	16,5	4,5	23,3
РФ	Москва	-9,3	18,2	5,0	27,5
Белоруссия	Минск	-6,8	17,2	5,8	24,0
Канада	Оттава	-10,4	21,0	6,2	31,4
Украина	Киев	-5,5	19,2	7,7	24,7
Великобритания	Лондон	3,5	16,4	9,5	12,9
Германия	Берлин	0,7	19,8	9,9	19,1
Италия	Рим	3,3	18,5	10,5	15,2
Франция	Париж	4,2	19,6	10,7	15,4
Китай	Пекин	-3,1	26,1	12,5	29,2
США	Вашингтон	1,4	26,7	14,5	25,3
Япония	Токио	6,1	25,8	16,3	19,7

В странах с более низкой среднегодовой температурой, как правило, существенно ниже температуры и января, и июля. При

этом понижение температуры для июля оказывается меньшим, чем для января. Если понижение на 1 градус в среднем за год соответствует понижению температуры января на 1,6 градуса, то для июля, согласно полученным регрессионным зависимостям, – всего 0,5 градуса (см. рис.2). В итоге при переходе от холодного к более теплому климату диапазон сезонных колебаний температур (разница между средней температурой июля и января) сокращается. Это хорошо видно на рисунке 3. Причем диапазон сезонных колебаний температур уменьшается примерно на 1 градус при увеличении среднегодовой температуры на 1 градус, как это можно было ожидать из данных рисунка 2.

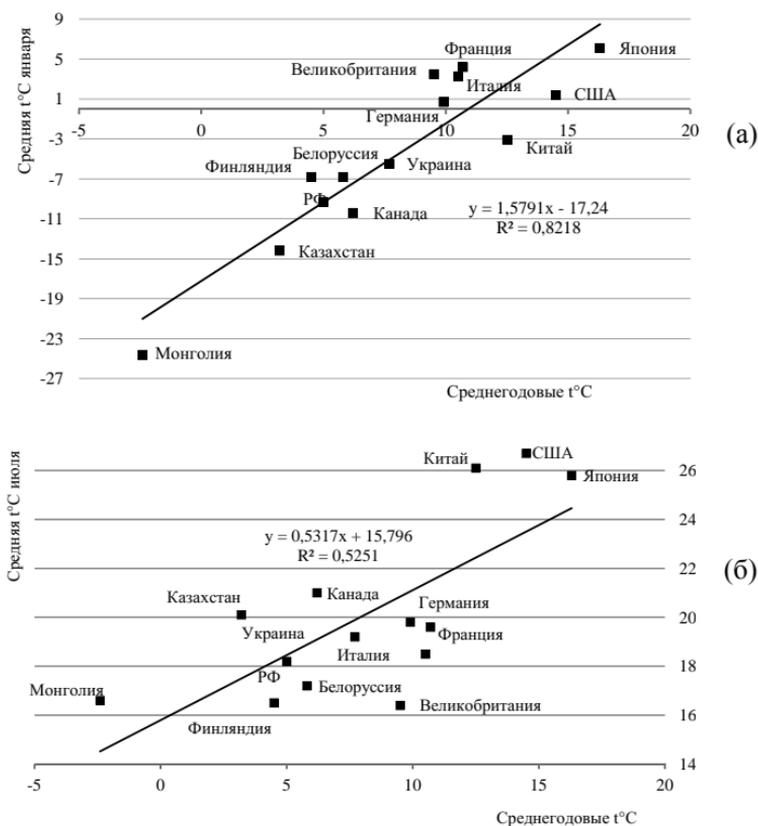

Рис. 2. Распределение стран по средней температуре января (а), июля (б) и среднегодовым температурам

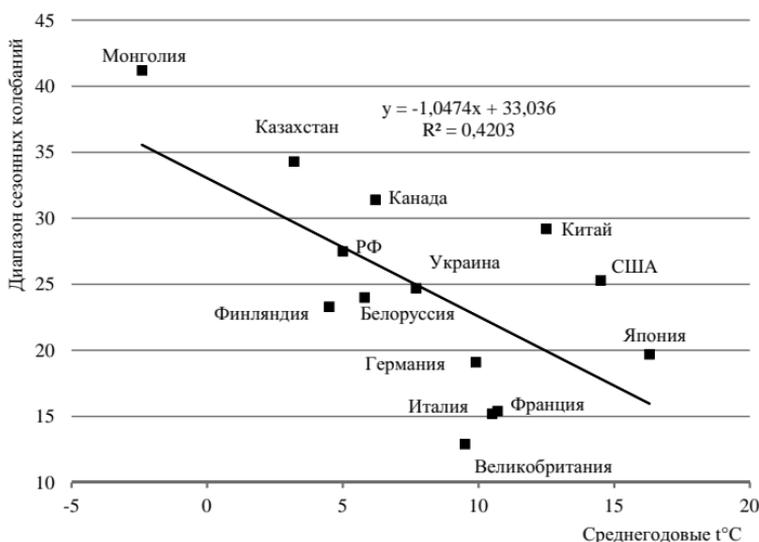

Рис. 3. Распределение стран по диапазону сезонных колебаний и среднегодовым температурам

На рисунке 2а наглядно показана положительная корреляционная зависимость между средней температурой января и средней годовой, на рисунке 2б – между средней температурой июля и средней годовой. Коэффициент детерминации в первом случае равен 82,18%, во втором – 52,51%. Это позволяет утверждать, что показатель «средняя температура января» вполне объективно оценивает степень «суровости-мягкости» климата и может быть использован вместо среднегодовых температур. Летние температуры в меньшей мере могут служить характеристиками суровости климата.

Рисунок 3 иллюстрирует отрицательную корреляционную зависимость диапазонов сезонных колебаний от среднегодовых температур. Чем более холодная страна, тем, как правило, шире диапазон сезонных колебаний температур, хотя эта связь и проявляется не очень сильно (коэффициент детерминации – 42,03%). Диапазон сезонных колебаний температур в большей степени служит характеристикой степени «континентальности» климата. Именно этим фактором объясняется то, что по диапазону колебаний внутригодовых температур первые места занимают такие страны, как Монголия, Казахстан, Китай, Россия.

Измерители степени суровости климата: продолжительность отопительного периода, среднезимние температуры, «градусо-дни»

В таблице 3 приведены применительно к экономическим районам СССР три среднееголетних природно-климатических показателя, связанных с условиями отопления зданий и сооружений в зимний период [3,4]. Один из них – продолжительность отопительного периода. Для его определения использовалось формализованное правило: если в течение пяти суток температура атмосферного воздуха держится ниже 8°C, то считается, что отопительный период начинается, если же в течение пяти суток температура будет выше 8°C, то он заканчивается.

Таблица 3. Средние за многолетний период климатические характеристики стран, дни

Страна	Интегральная разность температур, t°C · дни	Продолжительность отопительного периода, дней	Среднезимние t°C
Монголия	7060,2	243	-11,05
Казахстан	5533,6	212	-8,10
Финляндия	4983,7	273	-0,26
РФ	4058,7	212	-1,14
Белоруссия	3475,5	197	0,36
Канада	3554,6	181	-1,64
Украина	2876,6	151	-1,05
Великобритания	2960,1	165	0,06
Германия	2100,2	142	3,21
Италия	958,7	58	1,47
Франция	1543,4	118	4,92
Китай	2269,1	149	2,77
США	1309,3	90	3,45
Япония	690,9	59	6,29

Вторая характеристика – средняя за отопительный период температура наружного воздуха, определяемая как среднееголетняя от среднесуточных температур за все рассмотренные отопительные периоды (зимы).

Третья характеристика – средняя интегральная разность температур (измеряемая в градусо-днях) внутри и вне зданий за отопительный период, получаемая путем усреднения резуль-

татов расчета интегральной разности температур за каждый из рассматривавшихся отопительных периодов. В отдельном отопительном периоде этот показатель определяется путем суммирования разницы температур внутри и вне здания по всем дням отопительного периода. Нормативное значение температуры внутри здания в представленных расчетах было принято равным 18°C. Таким образом, если от 18°C отнять среднезимнюю температуру и умножить полученное число на продолжительность отопительного периода, то получим показатель интегральной разности температур.

Отношения значения показателя интегральной разности температур в различных регионах могут служить для сопоставления потребностей в теплоэнергии и в топливе для отопления одного и того же по конструкции помещения. Рассматриваемые нами страны сильно различаются по всем трем указанным характеристикам. Продолжительность отопительного периода в Монголии примерно в шесть раз длиннее, чем в самой теплой из рассматриваемых стран – Японии, а для отопления здания в Монголии требуется примерно в 10 раз больше теплоэнергии, чем для такого же в Японии. При этом если средние температуры за длительные отопительные периоды в Монголии, Казахстане, Финляндии, России отрицательные, то в Японии, США и других странах с относительно коротким отопительным периодом они положительные.

Существенная разница в рассматриваемых показателях наблюдается и внутри России (табл. 4).

Таблица 4. Средние за многолетний период климатические характеристики экономических районов России

Экономический район	Интегральная разность температур, t°C-дни	Продолжительность отопительного периода, дней	Среднезимние t°C
Восточно-Сибирский	7855	269	-11,20
Северо-Западный	6169	265	-5,28
Уральский	5763	228	-7,28
Центральный	4802	220	-3,83
Центрально-Черноземный	4200	198	-3,21
Северо-Кавказский	3269	177	-0,47

Приведенные в таблице данные свидетельствуют о том, что по всем трем среднесезонным характеристикам Москва имеет

средние метеорологические условия и даже может считаться относительно более теплым по сравнению с другими районами пунктом наблюдения. Только Северо-Кавказский район имеет меньшие интегральную разность температур, продолжительность отопительного периода и более теплую в среднем зиму, чем Москва. По этим характеристикам Москва близка к Центрально-Черноземному району. То есть можно утверждать, что данные по Москве дают несколько завышенные характеристики природно-климатических факторов для России, чем усредненные их значения. Особенно, если это усреднение осуществлять пропорционально площадям регионов России.

Многие обширные регионы России (Дальний Восток, Восточная Сибирь, Западная Сибирь, Северо-Западный район и даже Урал) находятся в более холодных условиях (по трем природно-климатическим характеристикам), чем Финляндия и даже Казахстан. Расходы теплоты и топлива на отопление не только зданий, но и, конечно, на работающие машины и механизмы, на подогрев сырья, полуфабрикатов в различных производствах и даже на подогрев самого топлива перед его сжиганием во многих регионах России намного выше, чем в иных рассматриваемых здесь странах.

Климат и уровень жизни

«Во многих частях империи крестьяне верят, что они являются принадлежностью земли... В других местах крестьяне считают, что земля им принадлежит; эти наиболее счастливые, если не самые забытые, замученные из русских рабов».

«Величайшее удовольствие русских – пьянство, другими словами – забвение. Несчастливые люди! Им нужно бредить, чтобы быть счастливыми».

Астольф де Кюстин

В таблице 5 представлены данные о среднегодовых температурах и душевом валовом внутреннем продукте (ВВП) в рассматриваемых странах, на основе которых была построена регрессионная зависимость (рис. 4).

Полученная зависимость отражает ожидаемый факт, что страны с более благоприятными природными условиями имеют, как правило, и более высокие уровни жизни и развития экономики. Правда, эта зависимость проявляется не столь уж однозначно. Имеются многие существенные отклонения от регрессионной

прямой, отражающие отчасти несовершенство рассматриваемых показателей, в том числе и валового внутреннего продукта. Например, Монголия имеет совершенно особый уклад жизни населения, для которого неприменимы стандарты и показатели уровня жизни жителей европейских стран.

Таблица 5. Среднегодовые температуры в столицах, валовый внутренний продукт и электропотребление на душу населения стран северного полушария

Страна	Среднегодовая температура	ВВП на душу населения, долл. США	Электропотребление на душу населения, кВт*ч/чел.
Монголия	-2,4	5462	1,577
Казахстан	3,2	20772	4,893
Финляндия	4,5	38611	15,738
РФ	5,0	22502	6,486
Белоруссия	5,8	16577	3,628
Канада	6,2	52219	16,473
Украина	7,7	8295	3,662
Великобритания	9,5	38514	5,472
Германия	9,9	41514	7,081
Италия	10,5	32522	5,515
Франция	10,7	39772	7,292
Китай	12,5	6569	3,298
США	14,5	49965	13,246
Япония	16,3	46720	7,848

Источник: материалы по душевым ВВП и электропотреблению взяты с официального сайта Всемирного банка, разделы «ВВП на душу населения» [5] по состоянию на 2012 г. и «Электропотребление на душу населения» по состоянию на 2011 г. [6].

Существенное значение имеют и исторические особенности отдельных стран. Например, Украина в 1980-х годах была наиболее развитой республикой СССР – по промышленному, сельскохозяйственному производству, а также по уровню жизни населения. Крайне неудачное реформирование экономики Украины после распада Советского Союза привело к тому, что в настоящее время средний уровень доходов граждан этой страны стал примерно в 2,5 раза ниже, чем в России, Казахстане и Беларуси. Особенно важно здесь сопоставление с Беларусью,

которая, в отличие от России и Казахстана, не обладает крупными запасами экспортных природных ресурсов.

Согласно данным на рисунке 4, положительная связь между «теплотой» климата и уровнем жизни в разных странах не является тесной. Коэффициент детерминации не превышает 25%. Даже чисто визуально можно заметить сильные отклонения от линейной зависимости некоторых стран, особенно Канады, Китая, Украины, Финляндии.

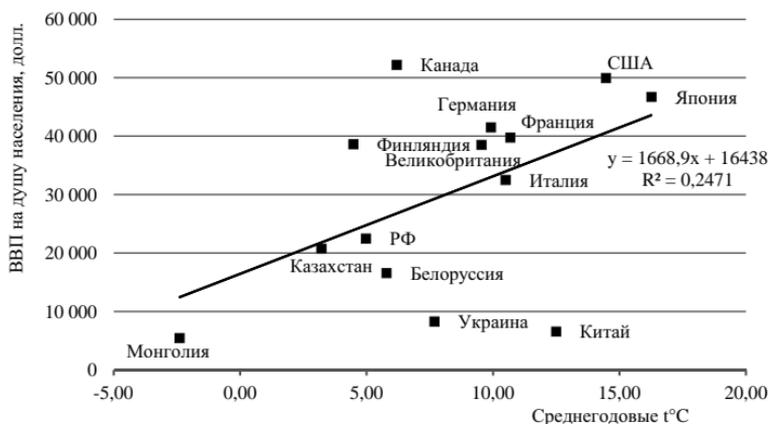

Рис. 4. Распределение стран по душевому ВВП и среднегодовым температурам

Особого внимания заслуживает высокий уровень жизни в Финляндии, расположенной заведомо в более неблагоприятных климатических условиях, чем большая часть России. Причем высокий уровень экономического развития этой страны, в отличие от Германии, Японии или Англии, нельзя объяснить какими-то национальными особенностями. Как известно, финны «превосходят» среднестатистических россиян по многим параметрам, которые обычно относят к «национальным особенностям» русских (и это не только любовь к баням). Тем более что финно-угорские народы – это один из трех «базовых», наиболее многочисленных составляющих населения России (наряду со славянскими и тюркоязычными народами). Почему финно-угорские народы, живущие на территории России, более богатой природными ресурсами, чем Финляндия (карелы, мордва, марийцы, удмурты, коми, ханты, манси и др.), не достигают

столь же высокого уровня жизни, как финны? Представляется, что финский экономический феномен нуждается в специальном изучении.

Одной из характеристик уровня жизни и степени развитости экономики разных стран является потребление электроэнергии на душу населения. На рисунке 5 представлены распределения стран по душевому электропотреблению и среднегодовым температурам в рассматриваемых странах (прямая сплошная линия – рассчитанное методом наименьших квадратов уравнение линейной регрессии между среднегодовыми температурами и электропотреблением). Как видим, страны с более теплым климатом, как правило, потребляют на душу населения больше электроэнергии. Конечно, страны с более холодным климатом при прочих равных условиях нуждаются в большем энергопотреблении. Однако потребление электроэнергии в данном случае связано с высоким уровнем жизни в странах с более теплым климатом. При этом коэффициент тесноты связи (3,38%) демонстрирует очень слабую зависимость.

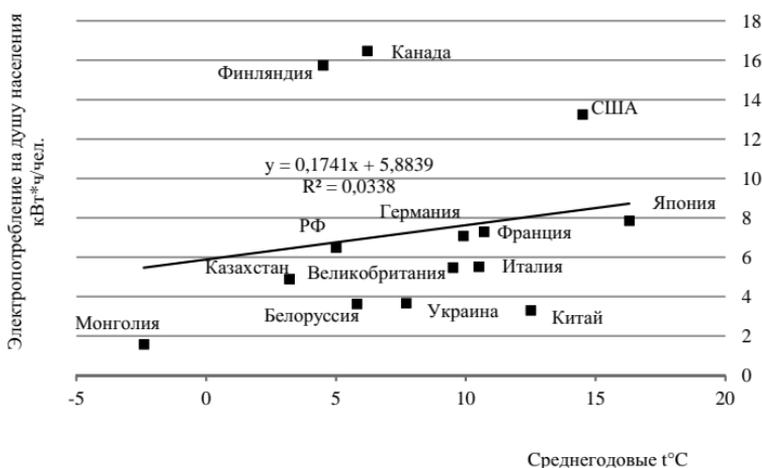

Рис. 5. Распределение стран по душевому электропотреблению и среднегодовым температурам

Следует заметить, что Финляндия, Канада и США далеко отстоят от выявленной линии регрессии. В этих странах электропотребление на душу значительно выше, чем в других

рассматриваемых в данной статье странах. Если построить линию регрессии только для этих трех стран, то она формирует иную, указанную как априори ожидавшуюся зависимость – рост душевого энергопотребления при переходе от более теплого климата к более холодному. Если исключить из рассмотрения страны с высоким уровнем жизни, к которым относятся Финляндия, Канада и США, то положительная зависимость между среднегодовыми температурами и душевым электропотреблением у оставшихся стран будет, очевидно, более тесной.

Обсуждение

«И не пройдет 50 лет, как либо цивилизованный мир вновь попадет под иго варваров, либо в России вспыхнет революция гораздо более страшная, чем та, последствия коей Западная Европа чувствует до сих пор».

Астольф де Кюстин

Кроме приведенных в начале статьи, можно отметить еще и ряд других особенностей российского (евразийского) пространства.

1. Мирное (неистребительное) длительное сосуществование многих народов, многообразие вероисповеданий, укладов, широкий генофонд.

2. Многовековое существование обширных государственных образований: Биармия, гунны, скифы, Хазария, Булгария, Монгольская империя, Княжество Литовское, Джунгарское ханство, Российская империя, СССР.

3. Периодическое «отставание» в экономическом развитии и переход на «передовые позиции» при сильной государственной власти за счет концентрации ресурсов на решение задач усиления военной и экономической мощи государства.

Представляется, что и эти особенности, так же как и низкую плотность населения, можно рассматривать как следствия особых природных условий.

Суровые климатические условия большинства регионов России, их континентальное расположение (удаленность от морских портов) обуславливают необходимость выбора особых путей в организации экономики, о чем было ярко написано в книге А. П. Паршева [7]. В качестве способов «противодействия» рас-

смастриваемым негативным факторам можно назвать плановое опережающее развитие инфраструктурных секторов экономики (прежде всего энергетики и транспорта), концентрацию единичных мощностей в целях снижения удельных затрат, использование нестандартных технических решений. Например, нет смысла надеяться, что на просторах малозаселенной России когда-либо будет создана и успешно функционировать столь же плотная и эффективная сеть автомобильных или железных дорог, как в европейских странах. Поэтому очень актуальны разработка и использование специальных, приспособленных к условиям России транспортных средств – снегоходов, экранопланов, дирижаблей.

Отмечалось, что в России из-за суровых природных условий объективно значительно дороже, чем в Западной Европе, Америке, ЮВА, Австралии, строительство, энергообеспечение, одежда и питание [7]. При этом российские предприятия несут повышенные транспортные затраты в силу большой рассредоточенности по территории страны предприятий-смежников, невозможности широкого использования водного транспорта. Как известно, перевозки речным и морским транспортом в десятки раз дешевле, чем по железной дороге, и в сотни (скажем, на тонно-километр перевозимых грузов) – чем автомобильным транспортом.

Поэтому даже при относительно дешевых природных ресурсах каждый следующий этап «передела» сильно удорожает продукцию. Необходимо смириться с тем, что Россия – объективно ресурсная страна. Использование природных ресурсов вполне закономерно является основным источником доходов экономики России. В этой связи особенно актуально исследование проблем изъятия и эффективного использования рентных доходов с природных ресурсов [8].

Объективно в экономике России должна присутствовать высокая степень монополизации экономической деятельности. В силу низкой плотности населения, удаленности большого числа поселков и городов от транспортных магистралей многие сферы экономической деятельности имеют характер рынков несовершенной конкуренции – монопольных, моносонных или олигопольных и олигосонных рынков. Суда же относится очень

актуальная для России проблема моногородов. Как известно, развитие промышленности на базе уникальных ресурсов путем создания моногородов, экономия на инфраструктурных затратах путем увеличения единичных мощностей предприятий, концентрация производства в крупных городах, экономия за счет отказа от создания конкурирующих предприятий – все это обуславливает необходимость активного государственного регулирования развития и функционирования экономики.

Литература

1. Географический справочник «О странах». Плотность населения стран мира [Электронный ресурс]. URL: http://ostranah.ru/_lists/population_density.php (дата обращения: 30.03.2015).
2. Архив метеоданных Всемирной метеорологической организации (World Meteorological Organization, WMO) [Электронный ресурс] URL: <ftp://ftp.ncdc.noaa.gov/pub/data/g sod/> (дата обращения: 30.03.2015).
3. Зоркальцев В. И. Хорошо бы знать заранее... // ЭКО. – 2010. – № 5. – С. 76–89.
4. Зоркальцев В. И. Серии холодных зим // ЭКО. – 2010. – № 6. – С. 115–120.
5. Официальный сайт Всемирного банка (The World Bank). ВВП на душу населения [Электронный ресурс]. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CD> (дата обращения: 31.03.2015).
6. Официальный сайт Всемирного банка (The World Bank). Энергопотребление на душу населения [Электронный ресурс]. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/EG.USE.ELEC.KH.PC> (дата обращения: 07.04.2015).
7. Паршев А. П. Почему Россия не Америка. / – М.: Крымский мост, 2000. – 415 с.
8. Суслов Н. И. Рента – это наше всё // ЭКО. – 2012. – №6. – С. 81–93.

Ресурсы в «западне» глобализации

В.В. ШМАТ, кандидат экономических наук, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, Новосибирск.
E-mail: petroleum-zugzwang@yandex.ru

Что такое глобализация вообще и с точки зрения ресурсозависимых экономик? Как транснациональные взаимодействия, которые ассоциируются с глобализацией, отражаются на действии механизмов ресурсозависимости, далеко не одинаковых у разных стран мира? Каково приходится ресурсозависимым экономикам в условиях глобализации? Глобализация для них – это благо или зло? Автор предлагает свою версию ответов на поставленные вопросы, не претендуя при этом на бесспорность суждений. Авторская точка зрения основывается, с одной стороны, на логико-историческом анализе процессов развития так называемых «нефтегосударств», а с другой – на опыте (пока не очень большом) когнитивного моделирования ресурсозависимой экономики.

Ключевые слова: природные ресурсы, нефть и газ, ресурсозависимость, ресурсное проклятие, «нефтегосударства», глобализация, ускорение, неопределенность, транснациональные взаимодействия, модернизация экономики, государство

Один из ключевых результатов когнитивного моделирования ресурсозависимой экономики, направленного на выявление закономерностей развития в условиях треугольника взаимовлияний «ресурсы – экономика – институты», указывает на большую роль воздействия внешних факторов («экстерналий») на внутренние механизмы ресурсозависимости [1]. Поскольку в сегодняшнем мире «внешний фактор» все больше и больше ассоциируется с глобализацией, попытаемся дополнить результаты, полученные при помощи моделирования, качественным анализом происходящих процессов. Об этом и пойдет речь.

Главные приметы времени: глобализация, ускорение и неопределенность

В самых общих чертах современные тенденции развития общества и экономики можно охарактеризовать одним словом: глобализация. Но что это такое? Отечественные и зарубежные исследователи, приводя множество определений, сходятся в том, что глобализация является объективным процессом, который происходит независимо от нашей воли и желания; ее нельзя остановить или отменить («глобализация есть неустранимое условие человеческой деятельности в конце XX века» [2]).

Едва ли не первое определение термина дал один из основоположников теории глобализации Р. Робертсон: «глобализация относится к сжатию мира и интенсификации мирового сознания как единого целого». В фокусе внимания – единство двух процессов: растущей взаимосвязанности мира (настоящей глобализации), с одной стороны, и расширяющегося и углубляющегося осознания этой взаимосвязанности (глобализации, внедренной в сознание людей и сообществ средствами массовой информации), с другой. По Робертсону, диалектика глобализации состоит также во взаимосвязи глобального и локального, в двуединстве процессов превращения всеобщего в особенное и особенного во всеобщее [3].

Глобализация многомерна, а «технически» она осуществляется путем разрастающихся транснациональных взаимодействий, происходящих поверх границ национальных государств и охватывающих все сферы деятельности и обыденной жизни людей. Экономическая глобализация, таким образом, представляет собой лишь часть общего процесса – это «качественный сдвиг в сторону глобальной экономической системы, которая больше не основывается на автономных национальных экономиках, но на консолидированном мировом рынке для производства, распределения и потребления» [4]. При этом «отдельные национальные экономики включаются и сочленяются в систему, по существу, международных процессов и трансакций» [5].

«Сжатие» мира естественным образом ведет к ускорению, и чем сильнее сжимается мир, чем больше он глобализируется, тем выше скорость изменений. При этом обрисовать характер нынешнего мирового ускорения в общих чертах, в некотором универсальном виде, кажется весьма затруднительным [6].

Тем не менее рискну высказать гипотезу, что в основе ускорения лежит усиливающаяся возможность быстрой «трансфункциональной» и транснациональной передислокации ресурсов (в широком смысле слова) для решения тех или иных задач и проблем, для ответа на вызовы, которые выдвигает жизнь в сложном взаимосвязанном мире. Ускорение во многом носит иррациональный характер. Сегодня выигрывает тот, кто первым находит ответ на каждый новый вызов, независимо от качества ответа – лишь бы он не был совершенно ошибочным. Кто опаздывает (даже если он в состоянии найти более правильный ответ),

тот проигрывает или, в лучшем случае, оказывается в роли догоняющего. А как известно, нет ничего хуже, чем ждать и догонять.

Сложный транснациональный характер взаимодействий, сжатие пространства и ускорение времени в условиях глобализации дают эффект, выражающийся в усилении неопределенности во всех аспектах сегодняшней жизни [7]. Ульрих Бек обосновал идею, что постиндустриализм и глобализация вызывают переход от «индустриального общества» к «обществу риска», которое пронизано неопределенностью, страхом перед будущим и готовностью отражать предстоящие угрозы [8]. При этом растущая неопределенность в экономике, по мнению Б. Линдси, ассоциируется не только с глобальными кризисами, но и с дезорганизацией на национальном уровне: «Глобализация, бесспорно, представляется процессом запутанным и полным неопределенностей.

В первую очередь бросается в глаза то, что этот процесс привел к серии крупных международных финансовых кризисов. Менее заметно то, что он непрерывно порождает дезорганизацию в национальных экономиках: сложившиеся экономические структуры теряют устойчивость и рушатся...» [9]. Тем не менее глобализация отнюдь не стихийна. Глобальный мир структурирован и содержит транснациональные управляющие ячейки (включая транснациональную бюрократию). При этом «наибольшей властью пользуются те ячейки, что способны оставаться источником неопределенности для остальных ячеек. Манипуляция неопределенностью – суть и главная цель борьбы за власть и влияние внутри любого структурированного целого» [7].

Национальные государства, которые традиционно выступали в роли стабилизирующей силы в границах своих территорий, уже не могут противостоять нарастающей неопределенности. «Ответственные правительства не могут обещать... определенности: уже предрешенным считается тот факт, что им придется поступиться свободой действий, отдав ее на откуп «рыночным силам» с их пресловутой сумасбродностью и непредсказуемостью» [7]. Или даже в более широком отношении: «мощное развитие глобализации привело к утрате суверенными государствами большинства возможностей контролировать события на собственной территории» [10]. Но глобализация оказывает давление на национальные государства не только «сверху» (со стороны, к примеру, мирового

рынка), но и «снизу», с локального уровня, который самостоятельно включается (или втягивается) в транснациональные взаимодействия. «Национальное государство стало слишком мало для решения крупных проблем и слишком велико для решения мелких. Оно со своими политическими методами уже не может справиться с нарастающей лавиной проблем международной экономики... но в то же время концентрация политических решений в бюрократическом центре мешает инициативе находящихся под его контролем местных и региональных властей» [11].

Можно предположить, что эффект «глобализационной» неопределенности наиболее сильно проявляется в странах с ресурсозависимой экономикой, накладываясь на «естественную» неопределенность, свойственную развитию любой экономики ресурсно-сырьевого типа, включая российскую. Ее можно охарактеризовать как фундаментальную, т. е. исключающую возможность корректного преобразования в ситуацию риска¹.

Доминанта мирового рынка в эпоху глобализации усиливает конъюнктурную неопределенность (заметим, что сегодня найдется мало смельчаков, готовых рискнуть всерьез прогнозировать будущие цены на нефть). Ослабление полномочий национальных государств под напором транснациональных взаимодействий идет вразрез с традиционной для крупных ресурсозависимых стран ролью государства как регулятора экономики и собственника природных ресурсов. Неопределенность в сфере знаний и технологий нарастает не только из-за стремительного научно-технического прогресса, но и почти что запредельной мобильности человеческого капитала. Наконец, политические и социальные риски (трансформирующиеся в экономические, технологические и проч.) неизмеримо возрастают в связи с обострением борьбы за лидерство. И страны мира, имеющие такое превосходство, стремятся его сохранить любой ценой.

Поэтому если сегодня, как это часто делается, рассуждать о проблемах ресурсозависимости в терминах «проклятия», таким уместно будет считать именно неопределенность, связанную, в том числе, с ростом глобализационных, или, по определению И. Ф. Девятко, «некалькулируемых и нелокализуемых рисков» [13], а по определению Ульриха Бека – «мегарисков» [8].

¹ О различии между понятиями «риск» и «неопределенность» [12].

Завершая тезисы о глобализации, нужно отметить, что, несмотря на расхождения исследователей во взглядах на предмет, есть немало оснований признать связанность конфликтов и рисков глобализации со следующими условиями, а именно:

- темпы глобальных изменений ускоряются;
- эти изменения создают очень большую нагрузку на индивидов, социальные институты и правительства;
- необходимо что-то делать, чтобы помочь людям и обществу приспособиться к изменениям;
- меры, принятые до сих пор, не дали адекватного решения выявленных проблем [14].

Глобализация усиливает ресурсозависимость

Глобализация усиливает ресурсозависимость национальных экономик: и тех, которые в минувшее время сумели значительно вырасти благодаря освоению природных ресурсов; и тех, которые оказались подвержены пресловутому «ресурсному проклятию»; и тех, что сегодня пытаются выправить свое бедственное положение за счет ресурсно-сырьевого потенциала.

«Мотором» экономической глобализации являются транснациональные корпорации, которые по своему усмотрению распределяют центры издержек и центры прибыли между странами мира. Сколь бы ни говорили о социальной ответственности бизнеса, для него главным смыслом существования остается максимизация прибыли, достигаемая за счет рационализации всяческих издержек. Поэтому транснациональный бизнес смещает, к примеру, трудоемкие производства в страны с дешевой рабочей силой, а декларирует прибыль в странах с льготным налогообложением. Соответственно, добыча минерального сырья концентрируется там, где ресурсы доступнее и дешевле.

Многочисленным странам (преимущественно из так называемого «третьего мира») с ресурсозависимой экономикой это грозит закреплением сложившейся специализации в рамках международного разделения труда, которое в значительной степени регулируется транснациональными корпорациями, и усложнением проведения модернизации. Представляется иллюзорным, что ресурсные страны (даже самые богатые) в состоянии самостоятельно модернизироваться без технологической помощи Запада. Не менее значимым является и ослабление влияния (вплоть до полной

утраты контроля) на процессы рентообразования, непосредственно связанные с динамикой конъюнктуры мировых сырьевых рынков.

В нефтегазовой сфере свою лепту в этот процесс вносит и нынешняя американская «сланцевая революция», которая целится «убить сразу несколько зайцев»: не столько обеспечить себя энергоресурсами, сколько перехватить инициативу у ОПЕК в глобальном регулировании цен на нефть.

На страницах Financial Times ведущий обозреватель издания по вопросам энергетической политики Ник Батлер (бывший вице-президент компании BP и руководитель Центра энергетических исследований Бизнес-школы Кембриджа) утверждает: «Забудьте про ОПЕК. Если картели не могут контролировать производство, они не могут контролировать цены...» [15]. А бывший руководитель ФРС США Алан Гринспен настаивает на том, что «сланцевая нефтедобыча лучше стабилизирует рынок, чем ОПЕК» [16]. Благодаря технологической гибкости и низким рыночным барьерам входа и выхода, американские производители сланцевой нефти могут очень быстро сокращать и наращивать производство и тем самым – регулировать предложение товара (по крайней мере, в масштабах национального рынка), а значит, и цены, фактически «отнимая хлеб» у ОПЕК и других производителей традиционной нефти с их инерционными и капиталоемкими добычными проектами [17].

Это создаст проблемы даже для крупных производителей нефти и газа, являющихся отнюдь не самыми бедными странами мира. А что сказать об остальных? Одним из неприятных парадоксов глобализации стало усиление неравенства между бедными и богатыми странами: даже если бедные и не становятся абсолютно беднее, но богатеют гораздо медленнее богатых. Это отмечают едва ли не все ведущие теоретики глобализации, а В. Иноземцев указывает на появление большой группы «не-развивающихся» государств, отставание которых от развитых лишь воспроизводится и становится с каждым новым десятилетием все более очевидным [18]. Речь идет примерно о полусотне стран Африки (прежде всего), Азии и Латинской Америки с критически низким уровнем душевого ВВП (520–540 долл. на начало 2000-х годов)².

² Современная общая численность населения беднейших стран мира, нуждающихся в помощи, может быть оценена – в зависимости от критерия бедности – от 700 млн до 1,8 млрд человек.

Не-развивающийся («четвертый») мир оказался на крайней периферии прогресса и, в сущности, не представляет никакого интереса для остального мира – мира, который развивается и глобализируется. И сегодня у глобального сообщества нет рецепта по выводу не-развивающегося мира из кризиса, кроме предоставления финансовой помощи, которая больше похожа на милостыню.

Призрачное спасение от бедности видится в использовании природных ресурсов. Как выразился Ульрих Бек: «Нетрудно себе представить, что страна, живущая в растущей нищете, будет эксплуатировать окружающую среду до последнего» [2]. Поэтому беднейшие страны, у которых есть даже небольшие ресурсы ликвидных полезных ископаемых, хватаются за них, как утопающий за соломинку. Например, в конце 1990-х и в 2000-е годы в мире появилось несколько новых стран-производителей нефти и газа (Мьянма, Камерун, Кот-д'Ивуар, Восточный Тимор и др.). По сути, это «микропроизводители», каждый из которых дает примерно от 0,05 до 0,2% мировой добычи углеводородного сырья, а на душу населения в этих странах добывается: 80 кг н. э. (Кот-д'Ивуар), 140 (Камерун), 190 кг (Мьянма) – при среднемировом показателе чуть более 1 т. Стараясь привлечь иностранный нефтегазовый бизнес, «микропроизводители» оказывают некоторое давление на рынок ресурсов, а необоснованное их включение в выборки нефтегазодобывающих и тем более – ресурсообеспеченных стран искажает результаты эконометрических исследований (пример этому см. [19]).

Глобализация на всех одна, ресурсозависимость у всех – разная

Российская экономика общепризнанно считается зависимой от освоения и экспорта ресурсов углеводородного сырья. Тому есть немало, казалось бы, совершенно очевидных подтверждений. Но все ли так просто? Что скрывается за понятием «ресурсозависимость» применительно к российской экономике? Что такое «ресурсозависимость» вообще? Можно ли поставить знак равенства между «ресурсозависимостью» и «рентозависимостью», т. е. зависимостью от ресурсной ренты, которая прежде всего захватывает государственный бюджет? В чем специфика

зависимости от ресурсов у различных стран, являющихся крупными производителями и экспортерами сырьевых товаров?

Сразу оговоримся, что ресурсозависимость сама по себе (т. е. преобладание или большая роль ресурсного сектора в структуре национального производства и экспорта) – это лишь фактор риска, но не фатальная угроза («проклятие») для роста экономики, а в более широком смысле – для успешного социально-экономического развития. Вопрос заключается в том, какие эффекты для той или иной страны дает освоение минерально-сырьевых ресурсов, как эти эффекты распределяются и в конечном итоге используются? Возможны очень разные варианты ответов, что обуславливает и различный характер ресурсозависимости, и степень рисков, связанных с ней.

В самом простом случае освоение ресурсов приносит ренту, которая становится главным фактором экономического благополучия и финансовой основой для роста и диверсификации экономики. Есть немало примеров: Венесуэла, Саудовская Аравия, Кувейт, Иран, Ирак и проч. При этом кто-то оказывается более успешен, кто-то менее. Вопреки взглядам институционалистов, полагающих, что все дело в качестве национальных общественно-политических и экономических институтов, ключевым фактором успеха обычно оказывается мера подушевой ресурсной обеспеченности, т. е. объемы производства в ресурсном секторе экономики и величина ренты, приходящиеся на душу населения.

Можно привести примеры как благополучных стран (Катар, Кувейт, ОАЭ, Бахрейн, дореволюционная Ливия, Саудовская Аравия, Экваториальная Гвинея) с высоким уровнем ресурсной обеспеченности, так и стран-неудачниц (Нигерия, Ирак, Иран, Йемен), ресурсозависимость, а уж тем более ресурсообеспеченность которых весьма условны. В структуре экспорта этих последних стран преобладают нефть и газ, бюджетные доходы главным образом формируются за счет ресурсной ренты, но при этом большая часть населения занята в сельском хозяйстве (с низким уровнем производительности), которое по статистике является самым крупным отраслевым сектором национальной экономики. Ресурсный сектор характеризуется высокой степенью автаркии – и по общему воздействию на национальную

экономику (со слабым мультипликатором) и по распределению доходов, которые не оказывают заметного влияния на уровень жизни большинства населения.

Следует также признать, что даже за вполне благополучными статистическими показателями экономического роста успешных стран могут скрываться множественные негативные явления и прежде всего – серьезная неравномерность в уровне жизни различных слоев и групп населения, глубокое расслоение по уровню доходов и социальной обеспеченности. В случае богатых «нефтегосударств» Персидского залива – расслоение по признаку гражданства: львиная доля благ от высокой ресурсообеспеченности достается гражданам, а на трудовых мигрантов из других стран, составляющих большинство в структуре рабочей силы (например, в Саудовской Аравии – более половины, в Катаре – более 90% [20]), приходятся сущие «крохи».

Более сложный и менее очевидный вариант ресурсозависимости – в Норвегии (считается, что она сумела избежать «ресурсного проклятия»), Бразилии или современной Мексике. Доля ресурсного сектора в ВВП этих стран не очень велика – существенно ниже, чем у названных выше «нефтегосударств»; экономика весьма диверсифицирована, но все же в значительной степени связана с освоением углеводородных ресурсов. Можно сказать, что в экономике работает мощный «нефтегазовый мультипликатор», который толкает вперед общее промышленное и технологическое развитие.

Иными словами, у каждой страны, чье благополучие прямо или косвенно связано с освоением минерально-сырьевых ресурсов, формируется свой специфический характер ресурсозависимости, подчиняющийся некоторым общим закономерностям и укладывающийся в рамки нескольких сравнительно общих типов. В первом приближении, ориентируясь в основном на нефтегазовую сферу, можно назвать следующие типы ресурсозависимости: голландский, норвежский, латиноамериканский, персидский, африканский, российский. Попробуем охарактеризовать принципиальные особенности каждого из этих типов.

Голландский – если в «чистом виде», то по своему уникальный. Наблюдался в стране с высоким уровнем экономического и институционального развития в период значительного притока

выручки от экспорта сырья. Связан с эффектом так называемой «голландской болезни», т. е. с неблагоприятными макроэкономическими последствиями ресурсного бума, проистекающими из-за провалов рынка. Сильные институты позволяют сравнительно легко преодолеть негативные последствия, особенно на стадии сокращения доходов от экспорта сырья [21].

Норвежский тип характеризует ресурсозависимость, опосредованную действием сильного ресурсного мультипликатора, что в значительной степени связано со сложностью морской добычи нефти и газа. Хорошие институты демократического общества позволяют избежать (в большей или меньшей степени) безрассудного расходования ренты и эффективно обратить ее на цели экономического и технологического развития страны. Главная опасность связана с истощением ресурсов, сокращением добычи и объемов работ в ресурсном секторе, что негативно сказывается на всей национальной экономике (особенно в условиях ухудшения рыночной конъюнктуры). Среднегодовые темпы роста норвежской экономики в 2001–2013 гг. составили всего 0,6%, а в 2006–2013 гг. – минус 0,1% (при сокращении добычи нефти и газа на 17%)³.

Латиноамериканский («классический») тип ресурсозависимости исторически сформировался в условиях довольно жесткого противостояния между государствами – собственниками ресурсов и иностранным бизнесом (в Мексике битва президента Карденаса с «британским орлом»⁴ в 1938 г. завершилась национализацией нефтяной промышленности). Основные черты: слабо развитая национальная экономика, склонная к авторитаризму бюрократизированная государственная власть, патернализм во внутренней политике, неэффективность модернизации (форсированной) на основе централизуемой ресурсной ренты, коррупция, всеобщее рентоориентированное поведение и т. п. Сегодня этот тип ресурсозависимости в какой-то степени характерен для Венесуэлы, но вряд ли первопричиной его возникновения следует

³ Показатели экономического роста рассчитаны по величине душевого ВВП по ППС. Источник данных: Всемирный банк. URL: <http://data.worldbank.org/> (дата обращения 6.04.2015) .

⁴ Крупнейшим иностранным концессионером в нефтяной отрасли Мексики была компания Mexican Eagle Oil Company с преимущественно британским капиталом.

считать ресурсы как таковые⁵. У всех стран Латинской Америки в политическом и социально-экономическом отношениях очень много общего, независимо от наличия или отсутствия крупных источников ресурсной ренты.

Персидский («арабский») – исторически сложился в условиях общего усиления роли «нефтегосударств» и относительного ослабления позиций иностранного нефтегазового бизнеса (в том числе вследствие обострения внутренней конкуренции). Главные свойства: сильное авторитарное государство (зачастую даже без каких-либо признаков либеральной демократии), возможное сочетание с революционным преобразованием политической системы, стремление к «монетизации» сырьевых ресурсов, сравнительно эффективная модернизация экономики. Результативность, выражаемая в показателях экономического развития (богатства стран), целиком и полностью зависит от степени ресурсной обеспеченности. По меркам 2000-х годов, «водораздел» между богатыми (Катаром, Кувейтом, Саудовской Аравией, Эмиратами, Ливией и некоторыми другими) и бедными (Ираком, Ираном, Алжиром, Йеменом, Суданом) странами находится на уровне среднедушевой добычи углеводородов, равном порядка 15 т н. э. К рассматриваемому типу ресурсозависимости, по-видимому, тяготеют Азербайджан и Казахстан.

Африканский тип. Характерен для стран так называемой «Черной Африки», которые обрели государственную независимость на волне распада мировой колониальной системы во второй половине XX столетия. Они характеризуются крайне низким уровнем экономического и институционально-политического развития, что вполне объективно (имея в виду совсем недавнее колониальное прошлое) и порождает конфликтный характер отношений, связанных с освоением ресурсов. Нынешняя бедность Нигерии, Анголы, Чада, Конго, Камеруна и других «нефтегосударств» обусловлена не только и не столько институциональными проблемами и «плохой наследственностью», сколько низким

⁵ Современный уровень добычи нефти и газа в Венесуэле составляет всего 5,5 т н. э. на душу населения, что заметно ниже, чем в Канаде и в России, не говоря уже о Норвегии и богатых странах Персидского залива. В Боливии, Колумбии, Эквадоре показатели еще ниже (от 1,3 до 1,8 т н. э.), а самое преуспевающее из «нефтегосударств» Латинской Америки – Тринидад и Тобаго – добывает более 30 т (откуда происходит и сравнительно высокий уровень душевого ВВП – около 30 тыс. долл. по ППС) .

уровнем фактической ресурсной обеспеченности: добыча углеводородов на душу населения составляет от менее 1 т н. э. (Камерун, Чад, Нигерия, Кот’д-Ивуар) до 4 с небольшим (Ангола) на душу населения. Самые высокие показатели экономического развития достигнуты Экваториальной Гвинеей (душевой ВВП по ППС в 2012 г. – свыше 35 тыс. долл.; добыча углеводородов – 29 т н. э.) и Габоном (18 тыс. долл. и около 8 т н. э.). Из числа неафриканских стран схожие черты присущи ресурсозависимости государств Среднеазиатского региона, Вьетнама, Мьянмы.

Российский – уникальный тип ресурсозависимости большой страны с большой экономикой, располагающей значительными ресурсами полезных ископаемых. Тем не менее показатель добычи нефти и газа на душу населения в России составляет всего 7,4 т н. э., что меньше не только норвежского (38 т), но и канадского (9,3 т). Отсюда вполне очевиден вывод, что у России нет даже теоретических шансов стать чем-то вроде «очень большого Кувейта». Основные формальные признаки ресурсозависимости: высокая доля сырьевых товаров (главным образом – нефти и газа) в структуре экспорта, а ресурсной ренты – в структуре доходов государственного (федерального) бюджета.

Слабость ресурсного мультипликатора позволяет, с некоторой натяжкой, говорить о параллельном существовании двух экономик – нефтегазовой и остальной. Непосредственные взаимосвязи между ними не отличаются высокой интенсивностью (воздействие нефтегазовой экономики на остальную в значительной степени опосредовано бюджетно-финансовыми потоками).

Наблюдается ярко выраженная регионализация ресурсозависимости, поскольку $\frac{3}{4}$ нефтегазового потенциала, включая добычу углеводородов, приходится на Западную Сибирь, а новые ресурсные источники «приурочены» к слабо освоенным территориям на востоке и севере страны. Подавляющее большинство регионов вообще не имеют сколько-нибудь значимого непосредственного отношения к освоению нефтегазовых ресурсов и к первичному распределению рентного дохода. Тесная интеграция нефтегазового сектора с другими отраслями («прямой» и «обратный» мультипликаторы) имеет место лишь в экономике старых добывающих регионов Урало-Поволжья.

Регионализируемая ресурсозависимость имеет место в *Австралии* (шт. Западная Австралия), Канаде (пров. Альберта,

Онтарио) и в США (шт. Аляска, Сев. Дакота), т. е. в странах с национальными экономиками отнюдь не ресурсно-сырьевого типа. На сегодняшний день, вследствие высокого уровня экономического и институционального развития, масштабное освоение ресурсов полезных ископаемых приносит территориям значительные выгоды. Например, величина душевого ВРП штата Западная Австралия (экспортирует нефть и газ, железную руду, алюминий, никель, золото) в 1,5 раза, а конечного потребления – в 1,3 раза выше средних показателей по стране (более высокие показатели – только у Австралийской столичной территории)⁶.

Можно выдвинуть гипотезу, что в США в настоящее время складывается специфический тип ресурсозависимости – «сланцевая зависимость», – вызванная бурным освоением нетрадиционных источников углеводородного сырья, которое характеризуется экстремально сильным мультипликативным воздействием на экономику (включая инновационно-технологическую сферу). Пока что наблюдаются в основном позитивные последствия, но, чтобы пролонгировать их в будущее, потребуется и дальше наращивать добычу или, по крайней мере, не допустить ее заметного падения. Чем не «сланцевая игла» для территорий?

Следует оговориться, что в реальной действительности чаще встречается ресурсозависимость смешанного типа. Например, в настоящее время ресурсозависимость по норвежскому типу распространяется, по-видимому, на Мексику и Бразилию, с той лишь разницей, что все происходит на стадии растущей добычи глубоководной нефти. Но Латинская Америка остается таковой и в XXI веке, а потому... Президент Мексики Энрике Пенья Ньето заявляет, что национальная нефтяная компания Ретех погрязла в коррупции и работает крайне неэффективно⁷, а бразильская прокуратура обратилась к Верховному суду страны с просьбой привлечь сразу 54 политика по делу о коррупции в государственной энергетической компании Petrobras⁸.

⁶ Australian National Accounts: State Accounts, 2013–14. Analysis of Results // Australian Bureau of Statistics. URL: <http://www.abs.gov.au/AUSSTATS/abs@.nsf/mf/5220.0> (дата обращения: 07.04.2015) .

⁷ Вести. Экономика. – 14.08.2014. URL: <http://www.vestifinance.ru/articles/45830> (дата обращения: 07.04.2015) .

⁸ РИА Новости. – 04.03.2015. URL: <http://ria.ru/world/20150304/1050779461.html> (дата обращения: 07.04.2015) .

«Умна жена, коль полон амбар зерна...»

Подводя некоторые итоги, можно сказать, что характер (положительный, отрицательный, нейтральный) воздействия ресурсозависимости на экономику той или иной страны является «функцией» от многих переменных, включая состояние институтов. Но на первом месте, по-видимому, все-таки находится фактор реальной ресурсной обеспеченности, которая выражается в объемах добычи сырья (и продуцируемой ренты) на душу населения.

Далее, нельзя забывать, что экономика (в том числе, ресурсозависимая) – это система с обратными связями, которые могут быть положительными и отрицательными, могут менять свой знак во времени и в зависимости от обстоятельств. Иными словами, не только институты влияют на экономический рост, но и уровень развития экономики не может не отражаться на состоянии институтов. Указанная обратная связь в общем случае, по всей видимости, является положительной. Поэтому когда утверждается (и доказывается с помощью эконометрических методов, кстати), что высокий уровень экономического развития ряда наиболее богатых «нефтегосударств» Персидского залива обусловлен сравнительно хорошими институтами (в противовес многим другим более бедным странам с ресурсозависимой экономикой), невольно возникает сомнение: а не перепутаны ли местами «телега» и «лошадь» в данном конкретном случае?

Следует пояснить, что Катар, Кувейт, Эмираты, Саудовская Аравия, Бахрейн занимают довольно высокие места в индекс-рейтингах, оценивающих качество экономических институтов (в Индексе экономической свободы Фрезера, Индексе условий для бизнеса Всемирного банка, в суб-индексе «Институты» Индекса конкурентоспособности Всемирного экономического форума и др.) и степень глобализованности (в Индексе глобализации Швейцарского экономического института). Во всяком случае, названные «нефтегосударства», чье экономическое благополучие вне всяких сомнений обусловлено исключительно высокой концентрацией нефтегазовых ресурсов, опережают в рейтингах большинство других стран с ресурсозависимой экономикой. И тут напрашивается мысль: а не богатство ли является предпосылкой для сильной государственной власти, способной в том числе более-менее успешно бороться с коррупцией, и для некоторой либерализации экономических институтов? Не наблю-

даем ли мы в данном случае попросту исключение из общего «правила бедности» ресурсозависимых стран, не позволяющей им заниматься эффективным, по либеральным меркам, институциональным строительством? Да и нужна ли бедным странам открытая глобализованная экономика, дающая свободу иностранному бизнесу делать бизнес с комфортом? И может быть, прав известный российский политолог Ф. Лукьянов, который одну из своих публикаций в журнале «Форбс» подытожил выводом, что «глобализация... стирает границы. В том числе и грань между искренностью и лицемерием» [22]?

Но вполне вероятно, автор заблуждается на этот счет, а идеи либеральной экономики и тяга к глобализации являются универсальными ценностями, не подлежащими дисконтированию ни при каких условиях и обстоятельствах. Если так, то автор будет рад услышать критические замечания по поводу высказанных в статье соображений, что позволит продолжить поиск истины и новых знаний о закономерностях развития ресурсозависимых экономик а современном мире.

Литература

1. Морозова М. Е., Шмат В. В. Как познать механизмы ресурсозависимости. Применение когнитивного моделирования при исследовании ресурсозависимой экономики // ЭКО. – 2015. – № 6. – С. 145–158.
2. Бек У. Что такое глобализация? / Пер. с нем. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 304 с.
3. Robertson R. Globalization: Social Theory and Global Culture. – London: Sage Publications Ltd., 1992. – 224 p.
4. Holm H.-H., Sørensen G. Whose World Order?: Uneven Globalization And The End Of The Cold War. – Boulder, USA: Westview Press, 1995. – 246 p.
5. Hirst P., Thompson G. The Problem of Globalization: International Economic Relations, National Economic Management and the Formation of Trading Blocs // Polity and Society. – 1992, Vol. 21. – No. 4. – P. 357–396.
6. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Пер. с англ. – М.: Academia, 1999. – 956 с.
7. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества / Пер. с англ. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2004. – 188 с.
8. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / Пер. с нем. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с.
9. Линдси Б. Глобализация: повторение пройденного. Неопределенное будущее глобального капитализма / Пер. с англ. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2006. – 416 с.

10. Гидденс Э. Ускользящий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь / Пер. с англ. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2004. – 120 с.
11. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Пер. с англ. – М.: Academia, 1999. – CLXX, 788 с.
12. Найт Ф. Понятия риска и неопределенности // THESIS. – 1994. Вып. 5. – С. 12–28.
13. Девятко И. Ф. Модернизация, глобализация и институциональный изоморфизм: к социологической теории глобального общества // Глобализация и постсоветское общество. – М.: Изд-во ООО «Стори», 2001. – С. 8–38.
14. Lerche C. O. The Conflicts of Globalization // The International Journal of Peace Studies. – 1998. – Vol. 3. – № . 1. URL: http://www.gmu.edu/programs/icar/ijps/vol3_1/learnch.htm (дата обращения: 06.04. 2015) .
15. Butler N. Forget OPEC – sex and technology shape the oil market now // Dec. 21, 2014. – URL: <http://www.ft.com/> (дата обращения: 04.04.2015) .
16. Greenspan A. OPEC has ceded to the US its power over oil price // FT. – 2015. – Feb. 19, – URL: <http://www.ft.com/> (дата обращения: 04.04.2015) .
17. Krane J., Agerton M. Effects of Low Oil Prices on U. S. Shale Production: OPEC Calls the Tune and Shale Swings. – Houston, USA: Rice University’s Baker Institute for Public Policy (Center for Energy Studies), Feb. 2015. – 24 p. URL: <http://bakerinstitute.org/research/effects-low-oil-prices-us-shale-production-opec-calls-tune-and-shale-swings/> (дата обращения: 04.04.2015) .
18. Иноземцев В. Л. Потерянное десятилетие. – М.: Московская школа политических исследований, 2013. – 600 с.
19. Гринец И. А., Казначеев П. Ф. Экономический рост и институциональное развитие в нефтегазовых странах // ЭКО. – 2015. – № 4. – С. 105–115.
20. Казначеев П. Природная рента и экономический рост. – М.: РАНХиГС, 2013. – 94 с. URL: <http://khaznah.co.uk/pages/ru/Report.pdf> (дата обращения: 06.04.2015) .
21. Полтерович В., Попов В., Тонис А. Экономическая политика, качество институтов и механизмы «ресурсного проклятия». – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007. – 98, [2] с.
22. Лукьянов Ф. Правдивое лицемерие: почему идеализм в политике может оказаться цинизмом // Forbes-online. – 2014. – 04 sept. URL: <http://www.forbes.ru/node/266903> (дата обращения: 07.04.2015).

Назад, в будущее?

О книге Е. М. Примакова «Россия: Надежды и тревоги». – М.: ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2015. – 244 с.

Обсуждается последняя книга известного советского и российского ученого, публициста, политика и общественного деятеля, академика РАН Е. М. Примакова. Показано, что выбор обсуждаемых проблем и возможных направлений их решения отражают, с одной стороны, обеспокоенность части российской элиты качеством государственного управления и угрозами, которые несет существующая государственная политика, с другой – демонстрирует лояльность к основным принципам нынешней внутренней и внешней политики.

Ключевые слова: государственное управление, кадровая политика, частно-государственное партнерство, либерализм, консерватизм, экономический рост, импортозамещение, реиндустриализация, федерализм, местное самоуправление

По жанру эта книга – нечто среднее между сборником эссе, включающим размышления о некоторых проблемах развития страны, и политическим манифестом: вполне естественно, что Е. М. Примаков дает политические оценки и выдвигает политические идеи для решения социально-экономических проблем. При этом автор игнорирует ряд других, касающихся экологии, демографии, преступности, коррупции или терроризма) вскользь упоминая о том, что их нужно решать, и это уже делается. Но какие бы сюжеты автор ни рассматривал, в центре его внимания неизменно оказываются система принятия решений и качество государственного управления. Безусловно, Е. М. Примаков, выражаясь словами Я. Гашека, относится к партии «умеренного прогресса в рамках законности». Совмещение полной лояльности к системе со стремлением устранить отдельные недостатки напоминают настрой политико-экономической публицистики 1970-х годов.

В кратком введении Е. М. Примаков явно намеренно не говорит об общей концепции работы и ее ключевой проблеме, но перечисляет важнейшие достижения Президента РФ В. В. Путина за последние 15 лет и упоминает его фамилию семь раз на одной странице, не говоря уже о щедро рассыпанных цитатах и комплиментах по всей книге. Правда, нет прямого ответа на вопрос: если все так хорошо, то почему же все плохо?

Структура власти и кадровая политика

Начинается книга с обсуждения рокировок во властном тандеме. Е. М. Примаков считает конструкцию чересчур усложненной и потому явно излишней. Тем более что Д. А. Медведева на посту Президента РФ и его команду, которая, как мы знаем, не была полностью ему подконтрольной, приходилось постоянно поправлять. Приводится ряд примеров ошибочных решений Д. А. Медведева на этом посту, а сам он предстает человеком без стратегического видения ситуации (см. «Дьявол в деталях»), поддающимся влиянию своих советников и склонным принимать спонтанные и непродуманные решения («Стремление к новшествам без здравого смысла»). Почему-то многоопытному Е. М. Примакову не приходит в голову мысль о том, что упущения и ошибки в кадровых вопросах характеризуют не только тех, кого выдвинули или назначили, но и тех, кто выдвигал и назначал.

По мнению автора, упущения в кадровой политике привели не только к неверным решениям, но и к распространению безответственности в структурах правительства, что, вообще говоря, не очевидно. И эти процессы развивались по нарастающей после того, как Д. А. Медведев возглавил Правительство РФ, несмотря на усилия Президента, руководителей его аппарата, различных советников и помощников, к которым у Е. М. Примакова претензий нет. «Отсутствие административной дисциплины стало характерной чертой исполнительных органов. Часто отчет о выполнении поручений президента представляется в форме собственных распоряжений нижестоящим организациям или программами с радужными обещаниями решить все вопросы... к 2025 году». Это высказывание остается актуальным.

Е. М. Примаков осознает противоречивость своей концепции тандема и сам пишет, что В. В. Путин, какой бы пост он ни занимал, имел возможность корректировать деятельность своего партнера и, добавим, активно этим пользовался. Странно, что президентские амбиции Д. А. Медведева автор связывает не с ним самим, а его «неолиберальным» окружением, которое в большинстве своем, как известно, плавно перешло из окружения В. В. Путина, не утратив, как представляется, его доверия.

Создается странное ощущение, что одним из принципов кадровой политики в постсоветской России является находение у власти лиц, назначенных ответственными за все ошибки

и упущения, начиная с А. Чубайса, виноватого во всем, потом М. Зурабова и еще целого ряда «непопулярных» министров и даже председателей Правительства РФ, которые после отставки получали вполне комфортные назначения в многочисленных властных и околоставных структурах.

Грехи российского либерализма

Е. М. Примаков именует некоторых деятелей периода реформ 1990-х годов и последующих лет и либералами, и неолибералами и псевдолибералами, но не дает дефиниций и фактически использует эти термины как синонимы. Интересно, что для подтверждения своих жестких оценок он цитирует А. Илларионова: «Потребовалось время, чтобы понять, что позиция, идеология их кумиров не являются ни либеральными, ни демократическими. Люди, провозглашавшие отделение собственности от власти, на практике захватывали госкомпании, государственные здания, получали госфинансирование, добивались вначале пониженных ставок арендной платы, а затем и полного освобождения от платежей государству. Такие действия дискредитировали не только конкретных людей, но и идеи, с которыми они ассоциировались в общественном сознании».

Общее в позициях Е. М. Примакова и, например, А. Илларионова состоит в том, что оба признают необходимость независимости суда, решительной борьбы со вседозволенностью чиновничьего аппарата, коррупцией, фальсификацией на выборах, обязательности подчинения закону всех сверху донизу. Но Е. М. Примаков полагает, что эти принципы не должны угрожать стабильности и чреваты возвращением к «лихим девяностым», а Илларионов – что именно игнорирование этих принципов ведет к хаосу и распаду государства.

Автор книги скромно указывает, что возглавляемое им Правительство РФ сумело стабилизировать экономическую и социальную ситуацию после дефолта 1998 г., не отказавшись от курса на построение рыночной экономики. Добавим, что оно фактически обеспечило в последующие годы уже при других правительствах быстрый экономический рост, который во многом носил восстановительный характер и стимулировался постепенным улучшением внешнеэкономической конъюнктуры, но был самым значительным с 1950–1960-х годов. По оценке того же А. Илларионова,

именно коалиционное правительство Е. М. Примакова проводило наиболее взвешенную бюджетную политику, успешно противостояло всякого рода лоббистам и не предпринимало резких и непредсказуемых действий. Другими словами, его политика в наибольшей степени соответствовала термину «либеральная» за весь постсоветский период.

Е. М. Примаков характеризует российских либералов как догматиков и недоучек, усвоивших из западной науки и политики только термины и лозунги, в большинстве случаев устаревшие. Он приводит ряд примеров, когда зарубежные ученые критиковали как своих коллег, принадлежащих к либеральному лагерю, так и экономическую политику российских властей в 1990-е годы.

В качестве альтернативы либеральным моделям экономики Е. М. Примаков рассматривает модель частно-государственного партнерства. Он обвиняет оппонентов в том, что те якобы занимают абсурдную позицию полного отказа от участия государства в экономике. Разумеется, либералы не являются врагами сильного государства, в отличие от анархистов или последовательных марксистов.

В чем Е. М. Примаков прав, так это в том, что использование либеральной риторики нередко было всего лишь прикрытием для личного обогащения и карьерного роста, равно как сейчас для этого используются консерватизм и патриотизм. Очевидно, что рынок сам по себе действительно не приводит к созданию единого правового поля, не может взять на себя функции защиты жизни и имущества граждан, тем более выработать стратегию развития страны или промышленную политику.

Но действительно ли государственное участие в капитале крупнейших корпораций и стратегических предприятий, тесное взаимодействие государства и бизнеса способствуют решению проблем ускорения экономического роста в современной России? Оценивая успехи частно-государственного партнерства в нашей стране как незначительные, автор все же сглаживает проблемы. Когда ресурсы и политическое влияние руководителей отдельных корпораций сопоставимы или даже превосходят возможности отдельных ведомств и их руководителей, невозможны ни стратегическое планирование, ни промышленная политика со стороны государства. А интересы корпораций с государственным участием начинают довлеть над интересами страны в целом. Е. М. Примаков приводит примеры подобных коллизий. В. И. Ленин

как-то по другому поводу писал, что прежде чем объединяться, необходимо решительно размежеваться. Возможно, именно из-за этого в российском исполнении частно-государственное партнерство нередко становится синонимом коррупции.

Проблема экономического роста и исполнения социальных обязательств

Е. М. Примаков явно считает надуманным и вредным обсуждение альтернатив: макроэкономическая стабилизация или экономический рост, наращивание инвестиционной активности или исполнение социальных обязательств, осуждая шараханья между этими целями. Он понимает, что приоритет должен отдаваться обеспечению долгосрочного экономического роста и социальной защиты, для чего требуется изменение как налогово-бюджетной политики, так и институциональной среды. Когда он цитирует А. Клепача, целью критики явно выступают «либералы» из Минфина с их «доминированием бухгалтерского финансового подхода над политикой развития, доминированием поддержки банковского сектора над поддержкой реального».

Действительно, фискальный подход в политике Минфина существенно сдерживает экономическое развитие страны. Но Минфин давно сконцентрирован на централизации бюджетных ресурсов, экономии бюджетных расходов и создании резервов, вне зависимости от того, какое влияние такая политика оказывает на экономическое развитие и рост, социальное расслоение и т. п. В период быстрого экономического роста дефекты такой политики были малозаметны, но в нынешних условиях они очевидны. Правда, непонятно, почему такой подход именуется либеральным и почему руководство Минфина при всех кадровых перемещениях неизменно проводит по сути одну и ту же политику.

Кстати, в числе «неолибералов» он не упоминает одного из главных архитекторов налогово-бюджетной и даже всей политико-экономической конструкции современной России – А. Л. Кудрина, работавшего на ключевых должностях в правительстве более 11 лет, а в настоящее время ставшего одним из главных критиков созданной им же модели.

Е. М. Примаков выступает против самоизоляции и автаркии российской экономики. Но он поддерживает контрсанкции и саму идею импортозамещения, хотя критически относится к резким и непродуманным решениям в этой сфере.

Обсуждая приватизацию государственной собственности, которая в принципе может способствовать пополнению доходной части бюджета и повышению эффективности работы предприятий, Е. М. Примаков скептически оценивает ее возможности и в качестве альтернативы предлагает наведение порядка в государственных и частных компаниях. Поскольку в России в данной сфере созданы огромная нормативная база и множество контролирующих структур, было бы интересно услышать мнение Е. М. Примакова о качестве того и другого.

Автор указывает на отсутствие положительных результатов при приватизации, в частности РАО «ЕЭС», и в то же время приводит примеры конфликтов между государственными предприятиями. Создается впечатление, что в российских условиях государственные и частные предприятия заимствуют друг у друга недостатки: частные не умеют управлять издержками, а государственные способны только максимизировать текущую прибыль и виртуальную капитализацию. Выход из создавшейся ситуации Е. М. Примаков видит в реализации «мегапроектов», инициируемых и контролируемых государством. Но никаких данных, подтверждающих позитивное влияние ранее осуществленных проектов на экономический рост и инвестиционную активность, он не приводит.

Е. М. Примаков совершенно правильно указывает на преимущественно немонетарный характер инфляционных процессов в России, однако не уточняет, кто именно, кроме ЦБ РФ, должен отвечать за стабилизацию покупательной способности национальной валюты и какими могут быть инструменты антиинфляционной политики.

Масштабные инвестиционные проекты требуют аккумуляции колоссальных ресурсов. В условиях недоступности внешнего финансирования Е. М. Примаков называет множество внутренних резервов: от амнистии капиталов и деофшоризации до сокращения доли теневого сектора экономики, не оценивая, однако, затраты и результаты, а главное, отдаленные последствия предлагаемых мер.

Проблемы реиндустриализации в России также описаны широкими мазками. Автор против сокращения бюджетных расходов как реакции на стагнацию экономики. В программе реиндустриализации он предлагает задействовать не только инновационные предприятия, чтобы устранить научно-технологическое

отставание от ведущих стран, но и сделать упор на восстановление экономического потенциала, созданного в советский период. Решать задачи реиндустриализации и структурной перестройки хозяйства следует в условиях низкой мобильности рабочей силы, не допуская роста безработицы. В качестве одного из важнейших драйверов научно-технологического рывка Е. М. Примаков рассматривает оборонно-промышленный комплекс.

Завершая рассмотрение блока экономических проблем, Е. М. Примаков констатирует, что неолибералы не смогли реализовать свои цели и подходы к их решению. Во-первых, потому что удалось отстоять идею ведущей роли государственного сектора экономики, во-вторых, отказаться от консервативных сценариев развития страны в пользу форсированно-целевого*, в-третьих, «им не удалось провести идею о демократизации нашего общества за счет ограничения государственной власти», что, впрочем, не помешало, с его точки зрения, росту активности гражданского общества. Если обратить внимание на снижение инвестиционной активности с 2013 г. и то обстоятельство, что страна сползла в рецессию и ожидаемую длительную стагнацию экономики, то в чем же достижения?

Интересно, что для подтверждения своих выводов Е. М. Примаков обильно цитирует зарубежных специалистов и политиков и очень мало – отечественных ученых.

Проблемы федерализма

Лично для меня представляют особый интерес анализ и оценки Е. М. Примакова проблем взаимоотношений между центром и регионами, региональной политики, развития местного самоуправления, поиска путей их преодоления, поскольку я давно занимаюсь их изучением.

Наиболее конкретное предложение Е. М. Примакова касается необходимости и даже неизбежности децентрализации полномочий, ответственности и, главное, бюджетных ресурсов для решения обсуждавшихся в предыдущих главах проблем: ускорения экономического роста, реиндустриализации, развития

* Его не смущает, что «консервативные» сценарии все равно закладываются в основу при бюджетном планировании. При этом последние годы они оказываются излишне оптимистическими и устаревают задолго до начала следующего года. Дело в том, что вербальные интервенции чиновников не оказывают значительного влияния на поведение экономических субъектов.

на инновационной основе промышленности и сельского хозяйства. По сути, он предлагает в основном вернуться к модели межбюджетных отношений начала 2000-х годов, сформулированной В.Б. Христенко, и некоторым принципам Бюджетного кодекса 1998 г. в части разделения доходов консолидированного бюджета.

Е. М. Примакова не устраивает позиция Председателя Правительства РФ относительно отсрочки увеличения доли бюджетных расходов в пользу образования, науки, здравоохранения и т. п. до завершения программы реорганизации и реконструкции вооруженных сил, т. е. до 2025 г., после чего и возможно перераспределение ресурсов в пользу регионов и муниципалитетов. Он считает, что решение вопросов децентрализации бюджетных ресурсов не терпит отлагательства и приведет к их более эффективному использованию. Разумеется, при изменении принципов и механизмов взаимодействия центров и регионов. Важно, что автор признает критическим фактором даже не дефицит финансовых ресурсов в регионах, сколько чрезмерную регламентацию их использования со стороны центра. Но что же он предлагает?

Во-первых, стабилизацию нормативов разделения налоговых поступлений между центром и регионами. Во-вторых, предоставление средств из федерального бюджета должно идти параллельно с привлечением инвесторов, а сами бюджеты – ориентированы на стимулирование инвестиций. В-третьих, бюджетный дефицит должен корреспондироваться с инвестиционной программой. Все это хорошо известно, но пока не всегда получается. Например, постоянные корректировки правил и нормативов разделения ресурсов между субъектами РФ давно уже стали обыденностью, равно как и выделение дополнительных средств отдельным регионам по указанию Президента или решениями Правительства РФ.

В разделе, посвященном региональной политике, выделены три стратегических региона: Дальний Восток, Северный Кавказ и Крым (в предыдущих публикациях назывался еще и Арктический). Е.М. Примаков полагает, что создание региональных министерств снимет множество проблем согласования соответствующих программ. Пока трудно сказать, насколько это оправданно. И остается открытым вопрос о региональной политике в остальной части страны, тем более что автор предлагает задействовать для решения проблем стратегических регионов ресурсы не только бюджета, но и крупнейших отечественных корпораций. В этом разделе допущены и некоторые досадные ошибки. Так,

в Крыму средняя заработная плата отстает от общероссийской не в 7–8, а максимум в три раза (от московской – в пять раз).

Для пополнения ресурсной базы регионов Е. М. Примаков рассматривает множество вариантов, предлагаемых разными политиками и чиновниками (в частности, А. Белоусов рекомендует более активно расходовать средства Резервного фонда, В. Матвиенко – перенести штаб-квартиры госкорпораций в регионы и т. д.). Сам Е. М. Примаков считает полезным перевод субъектов РФ на фиксированную ставку платежей в федеральный бюджет на период между выборами. Но общий его вывод таков: необходимо разработать комплексную, экономически обоснованную и юридически выверенную стратегию развития бюджетного федерализма в России. И это несмотря на его прежние негативные оценки ранее принятых программ, стратегий и т. п. с точки зрения как содержания, так и исполнения. В любом случае нынешняя политика Минфина РФ, по его мнению, ниже всякой критики.

Е. М. Примаков в целом позитивно оценивает принятые в последнее время поправки в законодательные акты, посвященные развитию местного самоуправления. С этим сложно согласиться, поскольку они существенно повышают роль региональных властей по отношению к муниципалитетам как в области перераспределения финансовых ресурсов, так и кадровой политики. Хотя неизменным остается конституционный принцип, утверждающий, что местное самоуправление не входит в систему государственной власти. Да и качество законопроектов и инициатив Е. М. Примаков оценивает невысоко, указывая, что многие из них принимались без предварительной экспертизы и дифференцированного подхода.

Обсуждение межнациональных и межконфессиональных проблем России как федеративного государства практически невозможно комментировать как из-за их сложности, так и аморфности формулировок. Трудно было даже понять, в чем, собственно, суть этих проблем. Единственный вывод состоит в том, что отказываться от национально-территориального принципа выделения регионов рано, а сливать их в административно-территориальные единицы можно лишь в случае, если доля титульной нации невелика и гарантированы права на культурную автономию.

Немного о политике

Последующие главы посвящены разным политическим проблемам: отношениям между Россией, с одной стороны, и США

и Европой – с другой, Россией и ее партнерами по Таможенному союзу, ШОС. Обсуждаются украинский конфликт и присоединение Крыма, а также история конфликта в Грузии, действия ИГИЛ на Ближнем Востоке и реформа РАН. Не удивительно, что последняя глава так и называется – «О разном».

Не будучи политологом, ограничусь общими замечаниями. Надо сказать, что практически все конфликты автор рассматривает под углом глобального противостояния в современном мире: «основное противоречие, проявляющееся на международной арене, развивается между объективным характером создания многополярного мира и субъективным стремлением США образовать однополярное мироустройство». Казалось бы, при такой постановке вопроса на стороне России как борца с однополярным миром должно выступить большинство стран. Представляется, однако, что в изоляции оказались отнюдь не США. Но, допустим, удалось добиться победы, и какова же будет позиция России в этом новом прекрасном многополярном мире, необходимость которого объективно обусловлена? Что получит наша страна от такой победы? Сможет ли она воспользоваться этими плодами? Кажется, все эти вопросы мало волнуют Е. М. Примакова.

Интересно, что, излагая историю конфликта вокруг Украины, да и некоторых других стран, автор в ряде случаев повторяет тезис о вынужденной реакции России в тех или иных обстоятельствах. Это очень удобный тезис, но он негативно характеризует руководство страны, и особенно МИДа, поскольку нет ничего хуже реактивной политики, когда страна вынуждена предпринимать те или иные шаги, а не управлять ситуацией.

Хотя язык книги далек от лучших образцов отечественной литературы, а обилие цифр и примеров уже не соответствует современным представлениям о качественной аналитике, книгу полезно прочитать хотя бы потому, что она отражает образ мыслей и мировосприятие значительной части российской элиты и окол властного экспертного сообщества. Или, возможно, ту нормативную модель мировосприятия, которую они стремятся донести до народных масс.

Lomakina N.V., Economic Research Institute, FEB RAS, Khabarovsk

Key Mechanisms of new Model of Development of the Far East and Their Influence on the Role of Mineral Sector in Region Economy

In article the role of mineral sector of economy and some results for it from realization of institutional and financial mechanisms of new model of development of the Far East are investigated. Estimates of a contribution of a mineral and raw complex and degree of its integration are presented to region economy (on the example of Khabarovsk Krai).

New model of development, Far East Russia, state programs, investment projects, mineral sector

Antonova N.E., Economic Research Institute, FEB RAS, Khabarovsk

Whether Support to a Forest Complex of the Far East is Necessary?

Article is devoted to research of influence of measures of the state support, their character and direction in federal industry and territorial programs on development of a forest complex of the Far East. Investment activity in the forest industry on Far East subjects of Federation as a response to the state support, consequences of this activity from the point of view of change of product structure of forest export of the Far East is analyzed.

Forest complex, federal program documents, measures of the state support, Far East, investments

Bardal A.B., Economic Research Institute, FEB RAS, Khabarovsk

Transport Infrastructure of the Far East: Change of Conditions for the Enterprises

In the article the changes of availability conditions of the Far East federal district's transport for the enterprises from the point of view of incentives and anti-incentives of development are considered. The characteristics of the transport complex connected with its manifestation as a sphere of material production are presented: change of parameters of the route network, dynamics of transportations volumes, costs of infrastructure development, the organization of transportation and intensity of vehicles use, etc. And the characteristics describing its functioning as services sectors i.e. important from the point of view of the enterprises consumers are also considered: availability of transport networks, costs of transportation, quality of the provided transport services, etc. Thus it is noted that minimization of transportation cost isn't the most important requirement to transport services for consumers.

The Russian Far East, transport complex of the region, availability of transport services

Glazyrina I.P., Simonov E.A., Institute of Natural resources, Ecology and cryology, Biosphere Reserve "Daursky", Chita

"Chinese Environmental Civilization": the new Challenges or the new Opportunities for Russia?

The paper analyzes potential influence of new paradigm in China a creation of "Environmental Civilization" and New Silk Way on the development of eastern Russian regions. Economic and socio-ecological risks are the subjects of special attention of the study. Processes Russian-Chinese cooperation in forest use, energy and finance are considered in the article. We show that except opportunities

Environmental Civilization might lead to deepen the trans-border asymmetry and ecologically unequal exchange.

Environmental Civilization, Silk Way, trans-border asymmetry

Ezrokh Yu.S., Karanova S.O., *Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk*

Russian Science Management in the Mirror of Foreign Experience

The article dispels some stable representations about state of Russian and foreign science. It was analyzed of effectiveness of the Russian science management on different aspects. It's opened specifics of the grant funding, showed ambiguity of activities of FASO and aspects of functioning of foreign institutions such as FASO. It's offered solutions to increase the effectiveness of national science management.

Science, scientometric indicators, RAS, science management

Donetskaya S.S., *Novosibirsk State University, Novosibirsk*

Study of the Corruption Level in the Russian Universities

The paper is the investigation of the level graft in Russian universities based on the students online view. Estimated the level of corruption in the universities in different federal districts of Russia and areas of education. Corruption in higher education in Russia has become the usual and shameful part of the contemporary learning process.

Corruption, graft, university

Lychagin M.V., Lychagin A.M., *Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS, Novosibirsk State University, Novosibirsk*

Hydrocarbon Fuels: New Directions of Economic Researches in 2006—2013

The article presents the results of a bibliometric analysis of the 4361 publications in the EconLit in 1991-2013, which have the subject code L71 Mining, Extraction, and Refining: Hydrocarbon Fuels. We found 2032 works with the code L71 at the end of 2005 in the EconLit. These works have 366 other subject codes at the same time. New publications in 2006-2013 reached the number of 2329 works with the code L71 and 123 new directions of research at the intersections of the L71 with new subject codes. This article gives a brief description of these new directions with the release of more than 10 works.

Hydrocarbon Fuels, New directions of economic researches, EconLit

Solovyev A.K., *State University of Finance under the Government of Russia, Moscow*

Social and Economic Consequences of Increase of Pension Age in the Russian Federation

The problem of increase of pension age in our country is discussed already from the first steps of market transformations of provision of pensions, i.e. quarter of the century, and without some visible advancement to its decision. At the same time all civilised countries have already developed the accurate program of actions under its decision, though and with different social and economic consequences: one have raised pension age «shock» tools for one-two year, others have stretched this process for some decades, the third have refused an age regulator of the insurance pension rights. In present social and economic conditions the problem of increase of pension age in Russia has got a special sharpness.

Pension reform, pension age, number of pensioners, demographic loading on economy

Kalugina Z.I., Fadeeva O.P., Bratyschenko S.V., *Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS, Novosibirsk*

Socio-Demographic Potential of Rural Areas in Russia

The article presents the results of the typological analysis of the socio-demographic situation in the rural regions of Russia. Dedicated clusters of rural areas reflect the socio-demographic structure of the population, migration activity and the level of training of human resources. The basis of this work is the statistical data, as well as special materials sampling studies conducted by state statistics of the Russian Federation.

Clustering regions, socio-demographic potential, migration activity, prospects of Development

Nizova L.M., Yurtikova N.V., *Volga State University of Technology, Yoshkar-Ola*

State Regulation of Employment

The chronology of the views of scientists on the subject of state regulation of employment, depending on the specific conditions of the historical, economic and social development of the country. The dependence of the unemployment rate of GDP, labor productivity, inflation and wages. Defined institutional environment and employment on the basis of sociological research conducted ranking forms of state regulation in order of importance. Included non-traditional forms of employment in the new economy within the framework of a plan of priority measures to ensure the sustainable economic development and social stability in 2015.

State, market regulation, government regulation, economic theory, Keynesianism, the economic system, the efficiency of supply and demand employment, unemployment, economy, economic school

Zorkaltsev V.I., Khazheev I.I., L.A.Melentiev *Energy Systems Institute, SB RAS, Irkutsk*

How does the Climate Influence Economy?

Article is devoted to the climatic characteristics of the country's northern hemisphere. Researched the relationship of average annual temperature in the capitals of countries, with seasonal temperature fluctuations, with duration of settlement heating periods, with a population density of different countries, broken down by country of per capita GDP. Discussed the need for a special approach to organizational functioning and development of the Russian economy, because of the cold climatic conditions of our country.

Sharply continental climate, low population density, average temperature, seasonal temperature fluctuations

Shmat V.V., *Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS, Novosibirsk*

Resources in the «Trap» of Globalization

What is globalization in general and in the view of resource-dependent economies? How do transnational interactions associated with globalization affect on the resource-dependence mechanisms, which is not the same in different countries of the World? What accounts for resource-economy in the context of

globalization? Globalization for them: is it good or evil? The author suggests his own version of the answers to the asked questions and makes no pretence of indisputable judgment. At one side, the author's view is based on the logical and historical analysis of so-called petro-states' development and, at other side, on experience (which is not very large at present time) of cognitive modeling of resource-dependent economy.

Natural resources, oil and gas, resource-dependence, resource curse, petro-states, globalization, acceleration, uncertainty, transnational cooperation, modernization of the economy, the state

Klistorin V.I., *Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS, Novosibirsk*

Back to the Future?

The paper discusses the latest book of Member of the Russian Academy of Sciences E.M. Primakov who is a famous Soviet and Russian scientist, publicist, politician and public person. The choice of the problems and the possible ways of their solution discussed by him reflects, on the one hand, the concern of the part of the Russian elite about quality of public administration and threats born by the present governmental policy, on the other hand, it demonstrates his loyalty to the basic principles of the present domestic and foreign policy.

Public administration, personnel policy, public and private partnership, liberalism, conservatism, economic growth, import substitution, reindustrialization, federalism, local government

0131-7652. «ЭКО». 2015. №7. 1–192

Художник В.П. Мочалов

Технический редактор О.Ю. Лисачёва

Адрес редакции: 630090 Новосибирск,
пр. Академика Лаврентьева, 17.

Тел./факс: (8-383) 330-69-25, тел. 330-69-35;

E-mail: eco@ieie.nsc.ru, ecotrends.ru

© Редакция журнала ЭКО, 2015. Подписано к печати 23.06.15

Формат 84x108 1/32. Офсетная печать. Усл. печ. л. 10,08

Уч.-изд. л. 10,8. Тираж 1300. Заказ 953

Сибирское предприятие «Наука» АИЦ РАН

630077, г. Новосибирск, ул. Станиславского, 25

В следующих номерах Вы прочтете:

Тема номера: **Модель развития Казахстана: уроки для России**

- Транспортный потенциал Казахстана в контексте евразийской интеграции
- Индустриальная политика Казахстана
- Внешнеэкономические связи Казахстана в контексте интеграционных процессов
- Кризис роста: доводы защиты

Продолжение темы: **Байкальский регион и Дальний Восток: стимулы и антистимулы для развития**

- Механизм приоритетных инвестиционных проектов и его влияние на развитие лесопромышленного комплекса Дальнего Востока

А также:

- Внутренний туризм: как реализовать новую стратегию?
- Эффективность использования ренты и качество институтов в странах мира
- Влияние современной денежно-кредитной политики на экономический рост
- Пора за флажки?
- Истории импортозамещения
- Кузбасс: новая парадигма развития
- Санкциям вопреки: перспективы развития Крыма
- Что улучшать? Рейтинги или институты?
- Опасность миграционных процессов в Тюменской области
- Прагматизм прогнозов экономического развития страны
- Наука и интеллектуальная собственность (на примере СО РАН)
- Зачем нужны неправительственные пенсионные фонды
- Развитие АПК и продовольственный сектор: национальная безопасность России в условиях миграции населения из села
- Экономический потенциал эмоциональных ресурсов для современного рынка
- Инвестиции в основной капитал в разрезе банковского сектора СФО
- Российская киноиндустрия как часть экономики страны